Б.В.ПЛЮХАНОВ

РСХД В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

Б.В. ПЛЮХАНОВ

Р С Х Д
В ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ

материалы к истории

Русского Студенческого Христианского Движения

Обложка работы А. Ракузина

ISBN 2-85065-226-1

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

РСХ Движение	Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД)
РСП Единение	Русское Студенческое Православное Единение
ВСХФ	Всемирная Студенческая Христианская Федерация
YMCA (ИМКА) = ХСМЛ	Христианский Союз Молодых Людей
YWCA (ИВКА)	Христианский Союз Молодых Женщин
"Вестник"	Журнал "Вестник Русского Студенческого Христианского Движения", ставший в 1974 году "Вестником Русского Христианского Движения ("Вестник Р.Х.Д.")

Издательство просит извинить возможные неточности в написании некоторых имен и фамилий, вызванные несовершенством рукописного материала, которым мы располагали.

ЧАСТЬ I

ИСТОКИ

Русское Студенческое Христианское Движение в России

Николай Михайлович Зернов (1898–1980), видный деятель Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом, так описывает зарождение РСХД в России: «Основоположником религиозной работы среди русского студенчества (в России) был выдающийся человек и ревностный христианин барон Павел Николаевич Николаи (умер в 1919). Будучи сам лютеранином, он начал свою миссионерскую работу среди студентов лютеран в Петербурге. Постепенно он стал интересоваться и православными студентами. Ему удалось организовать несколько библейских кружков и устроить два посещения России знаменитым пионером христианского студенческого движения, американцем Джоном Моттом (1865–1955). В первый раз доктор Мотт приехал в 1899 году и был встречен враждебно, так как религиозные вопросы казались многим студентам реакционными и уводящими от революционной борьбы. Второй раз Мотт был в России в 1909 году, его лекции имели большой успех, и в результате библейские кружки возникли в целом ряде городов (Петербург, Москва, Харьков, Одесса, Томск, Юрьев, Рига). Эти кружки ставили своей задачей знакомить студентов со Священным Писанием, в эти кружки входили как православные, так и протестанты, было привлечено духовенство. Движение начало быстро расти и в 1913 году было принято во Всемирную Христианскую Студенческую Федерацию».[1]

Духовный руководитель РСХД за рубежом прот. Сергий Четвериков считал, что хотя Движение в России и «возникло под влиянием западных религиозных течений, но почву для себя оно имело и у нас (в России - Б.П.), - в глубокой внутренней потребности молодой души найти в себе самой твердое религиозное основание для разумной и осмысленной жизни. Эта же самая потребность, с особой силой заговорившая в русской молодежи после предшествующей эпохи позитивизма, материализма, атеизма и исключительного увлечения политическими и экономическими вопросами, многих побудила увлекаться и религиозными и нравственными идеями Л.Н. Толстого, влияние которого, может быть, до известной степени также отразилось на возникновении Студенческого Христианского Движения. Нужно сказать, что, как ни сильно было в те годы влияние Л.Н. Толстого, молодежь, объединявшаяся в Христианском Движении, не пошла за Толстым в его понимании христианства и сохранила веру в Христа, как в воплотившегося Сына Божия, и в Евангелие как божественное откровение. Но, вместе с тем, Христианское Студенческое Движение того времени не было и Движением церковным, православным. По духу своему оно ближе стояло к протестантским и сектантским воззрениям. Оно не имело своих корней и истоков в народной православной идеологии, в житиях русских святых, в богослужении русской православной церкви. Оно носило характер интерконфессионализма, хотело удовлетвориться только тем содержанием христианства, какое свойственно всем разветвлениям. Теоретически оно может быть и не отрицало церковных путей христианской жизни, но практически оно их просто не замечало и боялось их из опасения разделения с христианами других исповеданий. В этом Движении была привлекательна его молодая, пылкая обращенность к Евангелию, которая постепенно может быть и привела бы его к более тесному слиянию с церковью, если бы наступившие годы войны и революции не помешали ему развиться и окрепнуть. Но возможно, что оно и совсем бы отошло от церкви, примкнув к баптизму и другим сектантским

учениям. Вообще, оно тогда еще стояло на некотором распутье».[2]

Отец Сергий Булгаков так отзывался о Движении в России и деятельности П.Н. Николаи: «Наивны были комментарии, наивно было вручать Евангелие так, как он делал. Но он спас многие души». (Из выступления 1.06. 1935 г. на съезде Совета РСХД в Буасси, под Парижем – по моей записи того времени).

С приходом большевиков к власти многие члены РСХД в России кончили свою жизнь мученически в тюрьмах и концентрационных лагерях.

Истоки Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом

Об истоках РСХД за рубежом рассказал на страницах "Вестника РСХД", в преддверии пятидесятилетия Движения, деятельный его участник Владимир Степанович Крылатов. Он писал: «Зарождением Русского Студенческого Христианского Движения за рубежом нужно считать Конференцию Всемирной Христианской Студенческой Федерации, состоявшуюся в Пекине в апреле 1922 года».

В конференции участвовало около 1 000 делегатов со всего мира, в т. ч. около 400 китайцев, 70 американцев, 15 индусов, 11 русских и т. д. Среди русских участников были Лев Александрович Зандер (тогда доцент Владивостокского университета – Б. П.) и В.С. Крылатов из Владивостока, Лев Николаевич Липеровский из Шанхая, Александр Иванович Никитин из Софии, представлявший болгарских студентов, делегаты из Харбина, делегатка из Москвы. Русская группа делегатов, и особенно Л.А. Зандер, В.С. Крылатов, Л.Н. Липеровский, А.И. Никитин встречались каждый день и обсуждали возможность зарождения русского Движения или, вернее, возобновления, так как Л.Н. Липеровский и А.И. Никитин были участниками дореволюционного Движения. Было решено обратиться за помощью

к председателю конференции д-ру Джону Мотту. Был составлен краткий, очень содержательный доклад, чтобы выступить за 4 минуты (о положении русской православной церкви в России и за рубежом, о русском студенчестве за рубежом, о его духовных нуждах. - Б. П.), и Л.А. Зандер «его буквально выпалил». Этот доклад произвел потрясающее впечатление. «К нам, до того неизвестной группе, подходили группами разные люди, жали руки, задавали дополнительные вопросы, бесконечно щелкали «кодаки», и вообще этот, кстати сказать, последний день конференции сделался каким-то русским днем.

После обеда была общая поездка на Великую Китайскую Стену, во время которой состоялось обращение к д-ру Мотту. Он благосклонно отнесся к нашим проектам и выразил желание поискать средства на переезд в Европу Л.Н. Липеровского и содержание его с женой в течение некоторого времени для работы на пользу возможного Движения. В том же 1922 году, осенью, Липеровский переехал в Прагу. Мы с Зандером еще оставались во Владивостоке, хотя уже готовились последовать туда же, что и выполнили в 1923 году, в сентябре. Но еще до отъезда нам стало известно, что миссия Липеровского прекрасно удается, почва благоприятна и развивается и готовится съезд. К Первому Пшерову, имевшему место в 1923 году, мы приехали, но попал на него только один Зандер. Вот истоки Движения».[3]

О необходимости создания богословского центра для подготовки русского православного духовенства для зарубежья А.В. Карташев, П.И. Новгородцев и П.Б. Струве передали записку, аналогичную пекинской, д-ру Джону Мотту в Праге, когда д-р Мотт остановился там проездом с пекинской конференции в Америку.[4]

В упомянутой статье “Задачи Движения“ (“Вестник“ №5, 1928 г.) прот. С. Четвериков писал: «Мировая война и революция произвели глубокое потрясение в русской душе, и, в частности, в душах русской молодежи. Молодежь была выброшена из мирного уюта домашней и школьной жизни,

и была поставлена лицом к лицу со всеми ужасами войны и революции. Дорогие связи, дорогие святыни были грубо поруганы и растоптаны. У многих утратилась вера в добро, в высшую правду, в справедливость, в Бога. С этой опустошенной и разбитой душой, иногда с душой озлобленной, а иногда и с открытым неверием - молодежь приехала за границу. Но нельзя было всегда оставаться с таким состоянием души. Инстинкт жизни, добра, правды, любви - не мог не заговорить снова в душе. Снова появились в молодых сердцах ростки веры и надежды, снова стала крепнуть вера в Бога, в добро. Душа жаждала исцеления и умиротворения. И она, естественно, обратилась к Евангелию, как к тому спасительному источнику, откуда она могла почерпнуть свое духовное возрождение».

В обзорном очерке истории РСХД, изданном отдельной брошюрой, рассказано, к чему жизненно привели эти стремления студенческой молодежи: «В конце 1921 года и в первой половине 1922 года в Праге, Белграде, Софии, Париже и других университетских центрах, где скопились русские студенты-эмигранты, почти одновременно, вне прямой зависимости друг от друга, возник ряд первых студенческих христианских кружков, пытавшихся по-разному подойти к решению проблемы религиозного осмысления и оправдания жизни».

Наметившееся в кругах русской студенческой молодежи за рубежом стремление развивать и крепить личную внутреннюю жизнь усвоением Христова учения, религиозно осмыслить русскую действительность, ее прошлое и настоящее, принять на себя ответственность за судьбу русской культуры и церковной деятельности привело и к мысли о необходимости сближения отдельных кружков и организаций, более активной и планомерной религиозной работы среди русского студенчества. Всемирная Христианская Студенческая Федерация откликнулась на наметившиеся планы значительной материальной поддержкой.[5]

Первый Пшеров

Итак, с 1 по 8 октября 1923 года, в местечке Пшеров, в Чехословакии, близ Праги, состоялась первая русская студенческая христианская конференция за рубежом. На ней присутствовали три епископа, два протоиерея, несколько профессоров, тридцать пять студентов, представлявших центры скопления русских студентов в Европе.

Николай Михайлович Зернов так описал Пшеровский съезд:

«Конференция происходила в охотничьем замке, прежде принадлежавшем Габсбургам.

Устроителями конференции были лица, связанные с предреволюционным студенческим движением: Лев Николаевич Липеровский (1888-1963), Александр Иванович Никитин (1889-1949), Владимир Филимонович Марцинковский (1884-1971) и Мария Леонардовна Бреше. Все были учениками барона Павла Николаи.

Иностранные наблюдатели представляли международные организации - Всемирную Студенческую Христианскую Федерацию и Христианский Союз Молодых Людей (YMCA), давший средства на созыв конференции. Ими были Ральф Холлингер, Руф Рауз, Дональд Лаури и Густав Кульман (1894-1961).

Подлинную значительность этой первой всеевропейской встрече студентов-эмигрантов придало участие в ней выдающихся религиозных мыслителей. Среди них первое место занимали о. Сергий Булгаков (1871-1948) и Павел Иванович Новгородцев (1866-1948). Все они были недавно высланы из России и чувствовали себя чужими среди основной массы беженцев. Кроме них на съезд приехали Василий Васильевич Зеньковский (1881-1962), Антон Владимирович Карташев (1875-1960), Георгий Васильевич Флоровский (1893-1979) и Лев Александрович Зандер (1893-1964).

Перед собравшимися стоял вопрос - смогут ли они найти общий язык, способны ли они будут создать единую

организацию и взять на себя ответственность за религиозную работу среди студенчества. Разделения проходили по разным линиям.

Первый вечер прошел в предварительных знакомствах. Прошла весть, что о. Булгаков намерен на следующий день отслужить рано утром литургию. С видом заговорщиков православные готовились к участию в этой службе. К всеобщему удивлению, на нее пришло подавляющее большинство, включая иностранцев. Эта Евхаристия решила не только судьбу съезда, но и определила характер того Движения, которое родилось в Пшерове. Все остальные дни конференции стали начинаться литургией.

Чувство близости к России было дано конференции докладами и выступлениями главных лекторов, недавних участников в той борьбе, которая шла между ленинистами и верующими на родине. Трое из них произвели на всех особенно сильное впечатление. Это были Булгаков, Бердяев и Карташев.

Первым докладчиком в Пшерове был Бердяев. Его темой было сравнение восточной и западной религиозности. Карташев развернул грандиозный, продуманный план воссоздания русской общественности и государственной жизни на основе православия.

Отец Сергий, с присущим ему прозрением в будущее, определил три основных характеристики нового Движения: *а)* - принятие ответственности за судьбы церкви в России и за рубежом. *б)* - осознание новой евхаристической эпохи. *в)* - утверждение вселенскости восточного православия и связанное с этим стремление восстановить общение с западными христианами.[6]

В результате Пшеровского съезда отдельные студенческие христианские кружки были объединены и возникло «Объединение русских студенческих христианских кружков», позже принявшее наименование "Русское Студенческое Христианское Движение". Был создан также выборный центральный орган, Бюро; были определены его функции и взаимоотношения с организациями на местах.

Председателем объединения был избран В.В. Зеньковский, секретарем Л.Н. Липеровский. В съезде участвовала и Елена Ивановна Полонская (Казимирчик, 1902-1992) из Польши, ставшая постоянным участником съездов РСХД. Елена Ивановна Полонская-Казимирчик (монахиня Елена) - доктор наук, астроном. Ею написана также работа о жизни и богословии отца Сергия Булгакова, часть которой была опубликована в Богословских Трудах, издаваемых Московской Патриархией, № 27-1986 г., стр. 107-197 - "Профессор-протоиерей Сергий Булгаков".

По отзыву В.В. Зеньковского, "I Пшеров" стал поворотным пунктом в истории РСХД, повернувшим Движение к православной церкви.

По словам Н.М. Зернова - «лозунгом Движения стало оцерковление жизни».

А Александра Владимировна Оболенская (монахиня Бландина, 1897-1974) в своем дневнике записала: «Там были с неба пролитые лучи и навстречу свет, пламень человеческого духа».[7]

Второй Пшеров

В феврале 1924 года в Праге состоялось пленарное заседание Бюро Объединения русских студенческих христианских кружков под председательством В.В. Зеньковского.

Бюро наметило устройство следующего, второго общего съезда Объединения снова в Пшерове и предложило подготовить местный съезд во Франции представителям парижского студенческого кружка, Милице Владимировне Лавровой и Петру Евграфовичу Ковалевскому.

Второй общий съезд состоялся в Пшерове с 8 по 14 сентября 1924 г. В съезде участвовали представители русских христианских кружков в Праге, Брно, Пшибраме, Белграде, Загребе, Софии, Юрьеве, а также представители чешских и болгарских кружков.

Съезд носил явно выраженный православный характер. Ежедневно совершалась литургия. Одним из самых важных деловых собраний было собрание, посвященное вопросу о задачах и целях Русского Студенческого Христианского Движения. В результате бесед на эту тему была принята следующая резолюция: «Русское Христианское Движение в Западной Европе ставит своей задачей пробуждение религиозных вопросов среди молодежи, привлечение внимания к вопросам веры и укрепление духовной жизни. В этих целях оно стремится к сближению и объединению молодежи на почве совместного изучения Слова Божия, посильного углубления церковного сознания в духе православия ради оцерковления себя и всей жизни».

Были прочитаны доклады - проф. Семеном Людвиговичем Франком: "Христианское отношение к политическим и национальным вопросам", Н. Хирьяковым: "Идеология русского студенчества в эмиграции", протоиереем Сергием Булгаковым: "Пути совершенствования", проф. Василием Васильевичем Зеньковским: "Конференция в Хай Ли".

На заключительном собрании съезда В.В. Зеньковский сообщил некоторые положения о работе кружков, возникшие в результате обмена мнениями участников съезда: 1) О расширении работы кружков: «Собрание, призывая кружки к продолжению в них всей той работы, которая способствует углублению духовной жизни, считает крайне желательным, чтобы кружки стремились к привлечению все более широких кругов молодежи к пробуждению и углублению в них религиозной жизни». 2) О практической деятельности кружков: «Собрание признает необходимым, чтобы кружки, по мере роста духовной жизни, вступали на путь практической работы в духе Христова учения, по заветам церкви». 3) О помощи церкви: «Конференция обращает внимание на то, что в трудное время, переживаемое русской православной церковью, перед всеми, кто принадлежит к церкви, лежит великий долг сплотиться вокруг пастырей для действительной помощи русской церкви».

Было решено перенести центр Объединения во Францию.

Были проявлены интерес и сочувствие к намечающейся организации в Париже Православной Духовной Академии. Студенты, участники съезда, провели на съезде один голодный день и стоимость дневного пропитания положили в основу фонда средств для создания Академии. Было решено провести также сбор средств по всем кружкам на местах.

"Второй Пшеров", при своей внешней скромности, оказался не менее значителен, чем "Первый Пшеров". Творческий и радостный подъем "Первого Пшерова" сменился трудовым деланием "Второго Пшерова". На "Втором Пшерове" движение как бы поднялось на вторую ступень пути.

Речь В. В. Зеньковского о конференции Генерального комитета Всемирной Христианской Студенческой Федерации в Хай Ли (Англия, август 1924 г.) помогла участникам съезда более углубленно понять значение Федерации, подойти к проблеме экуменической работы. «Кто сможет указать, где кончается церковная ограда и начинается зеленеющее поле Христово; кто посмеет утверждать, что вне этой ограды у Христа нет церкви, нет служителей и учеников ? » — говорил В. В. Зеньковский.[8]

РСХД в общении с инославным миром с самого начала считало: «Не отвлеченный *интерконфессионализм*, ищущий среднего, для всех приемлемого минимума, а строгость и полнота церковной жизни - верный путь для плодотворного междухристианского общения».[9]

Позже, на съезде РСХД в 1927 г., цели и задачи Движения были сформулированы более концентрированно, но по существу и в этой формулировке резких отличий от первоначальной не было.

Третий общий съезд РСХД в Хопове

Третий общий съезд РСХД состоялся в 1925 г., в Югославии, в Хопове, в Леснинском монастыре.

Леснинский монастырь был создан в Седлецкой губернии и начинал свою деятельность в неблагоприятных, тяжелых условиях, во враждебной православию среде. Это был деятельный монастырь, организовавший школы, училища, курсы, приюты. Здесь воспитывались дети и самого раннего возраста. Со временем монастырь стал духовным центром всего края. Большую помощь монастырю и его игуменье оказывал оптинский старец Амвросий, одобривший и благословивший их деятельность.

Позже монастырь был эвакуирован в Югославию, в Хопово, и здесь принял приехавших на съезд участников РСХД и гостей.

Отчет о съезде составил Л. А. Зандер. Отчет был опубликован в журнале "Путь".[10] «Главным в конференции, - писал Л. А. Зандер, - были не доклады и не прения, главным был сам монастырь. Он охватил всех своей любовью, окружил всех своей молитвой - и это именно было тем существенным и главным, что вынесли участники этой конференции». Но и вопросы, обсуждавшиеся съездом, были важны и значительны: вопрос внутренней жизни Движения, его церковно-общественного устроения и вопрос об отношении к инославным христианам, к другим христианским студенческим движениям и вообще вопрос об отношении православия к другим исповеданиям.

Проф. С. Л. Франк выступил с докладом "О путях разрешения социальных проблем".

С сообщением "Об организации партии католического центра в Германии" выступил С. В. Троицкий.

С докладом "О хилиазме" выступил митрополит Антоний (Храповицкий). Он говорил: «Во время больших общественных нестроений и народных бедствий эсхатологический и хилиастический мотивы легко могут стать основной нитью жизни. Сроки страшного суда и конца мира становятся предметами нездорового любопытства и

бесконечного фантазирования совершенно некомпетентных людей. Между тем хилиастические мотивы Св. Писаний имеют совершенно определенное психологическое происхождение и являются реакцией нравственного сознания на торжество зла в мире. Предупреждая от подобных заблуждений, церковь осуждает хилиазм и обращает внимание верующих на нравственное истолкование соответствующих текстов Писания, зовущее их к непрестанному моральному деланию, а не к пассивно-выжидательному состоянию».

Н. А. Клепинин, представитель белградского братства преп. Серафима, выступил с докладом «Братство и пути православного студенческого движения». Он утверждал: «Движение в будущем должно выйти на ясный и непреложный путь освященной церковью традиции и принять такие формы, которые ни в ком бы не возбуждали сомнений и были бы приемлемы для всякого православного человека. Такой формой является православное братство, превращение в каковое как всего Движения в целом, так и отдельных кружков в частности, докладчик и предложил в качестве основной задачи ближайшего будущего».[11]

Доклад вызвал чрезвычайно оживленный обмен мнений и много возражений той форме братства, какую предлагало для организации белградское братство. Отец Сергий Булгаков в своем заключительном слове сказал, что вопрос о братстве должен быть поставлен перед сознанием каждого со всей серьезностью. Господь дал каждому свой талант и почтил каждого высочайшим даром свободы. «Быть самим собою и, вместе с тем, пребывать в единстве с другими, для этого, конечно, необходимо непрестанное творческое братотворение, которое и составляет самую сущность братства. Но эта задача, захватывающая всего человека, так трудна, глубока и значительна, что может мыслиться не иначе, как при помощи неизменно сопутствующей благодати Божией, без которой все наши мечтания о братстве останутся пустыми словами».

«В Хопове, — писал Л. А. Зандер, — Движение в первый раз глубоко восприяло слово "братство", услышало его не только ушами, но и сердцем, и это обстоятельство,

каковы бы ни были разногласия, вызванные им, безусловно является тем камнем, на котором будет строиться его история».

Второй темой съезда стала тема отношения православного сознания к инославному христианскому миру. В докладе Г. Г. Кульмана, секретаря YMCA, протестантского мыслителя, ставился вопрос о том, что может дать православие западному миру и что западный мир ожидает от православия. Он говорил: «Чрезвычайное значение здесь может иметь религиозное движение среди молодежи, более свободных и гибких душ, что больше способствует единению и взаимопониманию. Для западного мира наиболее значительной чертой русского движения является его церковность. Сохраняется язык и образы истинного богопочитания, почитаются святые образы любви в иконах и таинствах, осуществляется принцип вселенской церкви. Но не следует подменять живую жизнь, творчество нового — обоготворением мертвых форм и замыканием в своей самости. Когда над вашим своеобразием, над вашей самобытностью проносился некий вселенский ветер, тогда вы были близки нам, тогда в ваших молитвах Богу мы находили свою родину. Духовно люди подходят ближе друг к другу только в своем покаянии перед Богом».

В. В. Зеньковский указал, что встречи РСХД с инославным миром не случайны. Это великая милость Божия, которая накладывает на нас радостную, хотя и трудную задачу - идти навстречу другим исповеданиям, свято соблюдая верность православию.

Митрополит Антоний благодарил Г. Г. Кульмана за живое чувство православия. Лучшие русские умы всегда исповедовали всечеловеческий принцип русского призвания, сказал митрополит Антоний. Мы должны обращать наше внимание на то, что нас связывает. В протестантизме ценным для нас является любовь к Св. Писанию и жажда личного отношения к Иисусу Христу. Там, где протестантизм не ограничивается желанием освободиться от церковной дисциплины, но стремится к положительному религиозному содержанию, он всегда найдет

чувство горячей симпатии и благожелательства православного сердца.

В. А. Зандер в своих воспоминаниях "Путь моей жизни"[12] дополнительно сообщила: «Игуменьей монастыря в Хопове была матушка Екатерина (граф. Ефимовская), светильник веры, большая молитвенница. Из-за несчастного случая у нее была ампутирована нога, но она сохранила и духовную бодрость, и свежесть мысли. Она была богословски образована и в Лесне вела большую педагогическую работу. Ее заветной мыслью было восстановление чина диаконисс, и на подготовительном съезде к собору 1917 г. она подала докладную записку по этому вопросу. Написала также на эту тему несколько статей. Вопрос вызвал интерес и обсуждался членами собора, но революция прекратила дальнейшее его обсуждение. На Хоповском съезде она собрала у себя женщин-участниц съезда и беседовала с нами о важности женского церковнослужения. На этой беседе присутствовал о. Сергий Булгаков и высказал несколько слов сочувствия.

Тема эта меня живо затронула, и я несколько раз поднимала ее и в Париже, и в Прибалтике. В конце 40-х годов у меня появилась мысль организовать девичье общежитие в окрестностях Парижа для предварительной подготовки девушек к прислуживанию в церкви и сообщения некоторых богословских знаний. Мы образовали комитет, начали собирать средства для будущего "Дома русской девушки", но встретили много трудностей. Я обратилась за советом к о. Василию Зеньковскому, и мы вместе наметили другой план: устройство женских Богословских Курсов. План этот встретил сочувствие у профессоров Парижского Богословского Института, и средства, собранные на "Дом девушки", были употреблены на открытие женских Богословских Курсов. Они были открыты в 1950 г. и просуществовали двадцать лет. К этому времени начали принимать вольнослушательниц в Богословский Институт, где женщины могли получать богословское образование, и необходимость самостоятельного существования богословских курсов для женщин отпала».

Памяти игуменьи Екатерины, в миру графини Екатерины Борисовны Ефимовской, скончавшейся 15/28 октября 1925 г., описанию созданного ею Леснинского монастыря в Холмской Руси и обстоятельствам его эвакуации в Югославию была посвящена статья Н. К., опубликованная в "Пути".[13]

После третьего общего съезда РСХД в Югославии, в Хопове, все общие съезды Движения проводились во Франции.

До Второй мировой войны состоялись следующие общие съезды: Четвертый съезд — в местечке Буасси-ля-Ривьер, под Парижем, в замке Бьервиль, с 1 по 5 сентября 1926 г.; Пятый съезд - в Клермоне, 12-18 сентября 1927 г.; Шестой съезд - в замке Савез, под Амьенем, 10-16 сентября 1928 г.; Седьмой съезд - в Буасси, под Парижем, 16-22 сентября 1929 г.; Восьмой съезд - в Монфоре, 14-20 сентября 1930 г.; Девятый съезд - в Пуасси, в сентябре 1933 г., закончился 24 сентября.

После этого общие съезды не созывались, а происходили съезды Совета Движения, иногда - в расширенном составе. Так, в 1935 г., с 1-го по 4-е июня, в Буасси, под Парижем, состоялся съезд Совета в расширенном составе.

В 1937 г., по инициативе Движения, в Буасси состоялось совещание церковно-общественных организаций Парижа, с участием делегатов и из других городов Франции, а также и из других стран.

Местный съезд РСХД Франции в Аржероне

В своих воспоминаниях о Движении В. А. Зандер писала, что для нее как бы прототипом всех последующих съездов стал съезд парижского отделения Движения, первый местный съезд 1924 г., так называемый Первый Аржеронский съезд.

Происходил съезд с 26-го по 31-е июля 1924 г., в Нормандии, в Аржероне, в старинном замке графини де Монмор, предоставленном для съезда владелицей.

Здесь, в Аржероне, был проведен целый ряд съездов РСХД во Франции, и естественно, что вся обстановка Первого Аржерона, повторяемая многократно, не могла не повлиять на последующие съезды, проводившиеся в других местах. Но чрезвычайно важно и другое. Первый Аржерон в основном был посвящен теме братства. А эта тема обсуждалась и на предшествовавшем и на последовавшем общих съездах Движения. Поэтому и нам следует коснуться работы этого съезда.

В работе съезда приняли участие: митрополит Евлогий, о. Александр Калашников, о. Сергий Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, А. В. Ельчанинов, Л. А. Зандер, Л. Н. Липеровский и, в качестве гостей, кн. Г. Н. Трубецкой, М. А. Каллаш (Курдюмова) и Т. В. Никаноров. Председателем съезда был П. Н. Евдокимов (секретарь парижских кружков), а секретарем съезда - проживавший тогда еще в Праге и приехавший оттуда на съезд Л. А. Зандер. В одном из залов замка был сооружен походный храм с престолом, жертвенником и раздвигающимся на шнурках матерчатым иконостасом. О. А. Калашниковым был отслужен молебен и окроплены святой водой все жилые комнаты замка. Были прочитаны доклады о. А. Калашниковым “Как мы пришли к идее братства“; В. А. Калашниковой (позже - Зандер) “Об исторических братствах юго-западной Руси в XVI-XVIII столетиях“; А. В. Ельчаниновым “О характере русского благочестия“; А. В. Карташевым “Христианская община и внешний мир“ и о. Сергием Булгаковым “Аскетизм в условиях студенческой жизни“ (по содержанию этот доклад был посвящен теме “Россия, эмиграция, православие“).

После приветственного слова П. Н. Евдокимова, открывшего съезд, первым был заслушан доклад о. А. Калашникова: “Как мы пришли к идее братства“. Отец А. Калашников рассказал историю превращения небольшого парижского кружка РСХД в братство св. Троицы. В братство входило 40 человек, принесших обет молитвы друг за друга и посильного служения православной церкви. Из братства вышло 10 священников, 1 дьякон, 1 богослов, несколько секретарей РСХД и активных работников РСХД.

После обсуждения доклада о. А. Калашникова В. В. Зеньковский, резюмируя все высказывания, указал, что не может быть шаблона для религиозного развития всех и каждого и что необходима величайшая индивидуализация и полная свобода.

Вечернее собрание было посвящено слушанию и обсуждению доклада В. А. Калашниковой "Об исторических юго-западных братствах XVI, XVII и XVIII вв.". Этот доклад был напечатан в 1925 г. в журнале "Духовный мир студенчества" и издан отдельной брошюрой.

Тема братства отразилась и в последующих докладах, прозвучавших на съезде.

Отец С. Булгаков в своем докладе говорил, что каждая точка в мире существует для всего мироздания. И мы ничем не меньше, кроме веры только, тех первохристианских общин, о которых мы знаем как о золотом веке христианства. Ведь и в первые века христианства были маленькие общинки христиан, составленные из маленьких, а часто иногда ничтожных людей. Не надо смущаться малыми масштабами работы. У каждого из нас имеется целый мир – его собственная душа, которая отдана ему в его бесконтрольную свободу для созидания самого себя. Удаляясь в свою внутреннюю келью, человек видит в ней жизнь иную, чем мир, и в этом смысле каждый христианин есть инок, и это иночество объединяет нас в некий общий монастырь, членами которого являются наши домашние местные церкви. Срастание наших домашних братств уже рождает в нас мощь христианского мироощущения. При внешней мизерности нашей работы даже стороннее наблюдение открывает ее внутреннюю значительность. Существует опасный соблазн, соблазн подмены религии национализмом. Церковь больше и первее родины. Россия есть только скиния, в которой живет православная церковь, живет иногда под знаком раба, иногда победно. Западничество и славянофильство рождались из ложного и недолжного пафоса расстояния между православной Россией и Европой. За границей мы обрели свободу и связи, которые еще трудно оценить. Нашим слабым силам могут

быть вверены вселенские задачи, раскрытие внутренней красоты православия.

На следующий день, 27-го, состоялся доклад А. В. Ельчанинова "О русском благочестии. Виды христианства" — 1) умственно-созерцательное, 2) волевое, действенное (католичество), 3) умственно-этическое (протестантство), 4) христианство, понятое как великая Красота (православие). Этому видению отдаются все силы верующего. Мнение некоторых (старообрядцы), что православие - богослужение. Отчасти это правильно - жить максимально теургически, "не выходя из храма". Но здесь и опасности - как только побледнеет этот идеал, человек остается без культуры воли, без морали, без умственной тренировки. Поэтому - с крушением православия - распущенность, имморализм, тьма. Человеческое начало мало воспитано в православном человеке, и потому без веры он впадает в рабство миру. И всё-таки мы не идем ни на какое христианство пониженного типа - рассудочное, волевое, этическое. Нам надо воспитать нашу религиозную волю, поднять культурный и моральный уровень. Основная черта нашей религиозности - стремление к святыне в конкретном, осязаемом образе.

По поводу доклада А. В. Ельчанинова отец С. Булгаков говорил: православие - христианство, понятое как умная красота и духовное художество, и всё, направленное к его взысканию. Энергией благочестия является аскетизм. Русский аскетизм исходит из мотива (не всегда осознанного) явить на земле Царство Божие. Русский аскетизм не отрицает мира, но всё объемлет; символом его является икона Богородицы на нивах (осеняющей сжатые снопы), стоявшая в келье старца Амвросия Оптинского.

А. В. Карташев в своем докладе и в прениях по теме братства отметил, что братства должны быть осуществлением и исполнением прихода; что пользоваться этой формой надо сообразно ее природе; что братство есть духовная семья и строится по основам семейных связей, что братство должно быть маленьким, смиренным, домашним.

В прениях по докладу о. С. Булгаков говорил, что на потрясения церкви и мира нужно смотреть как на потрясения коренные. Нужно бороться с духом упадочной реакции и реставрации. Люди, чуждые вере, стремятся воспользоваться церковными ценностями в политических целях и учиняют таким образом религиозный подмен. Наш путь идет между реставрацией и реакцией и новым творчеством, которое не может разрывать со стариной.

30 июля, после всенощной, состоялась исповедь, а 31 июля - причастие. Вкушение от евхаристической чаши дало участникам съезда чувство соборного церковного единства.

В заключительном слове о. А. Калашников вспомнил недавнюю свою жизнь на Лемносе. «Мы жили в палатках и сидели ночью в темноте, как кроты. Но иногда на нас наводил свой прожектор проходящий корабль и мы внезапно оказывались облитыми лучами яркого света, и тогда - с какой яркостью и отчетливостью выступала вся убогость нашей жизни! На этом съезде наше братство явилось на суд своих братьев. Было высказано, что братство, как живая форма церковной жизни, - своевременно и нужно. Поистине мы пережили светлый праздник».

Закрывая съезд, В. В. Зеньковский сказал: «Мы по опыту знаем, что основой съездов являются богослужения. Целью съездов, а по существу своему, целью всего нашего Движения является погружение себя и других во всю глубину и тайну церковности и нахождение себя в этом погружении как братьев и сестер».[14]

Четвертый общий съезд РСХД

Четвертый общий съезд Движения состоялся 1-5 сентября 1926 г., в местечке Буасси-ля-Ривьер, под Парижем, в замке Бьервиль.

Обзор работы съезда был составлен Л. А. Зандером и опубликован в журнале "Путь".[15]

Замок Бьервиль окружен большим парком, и почти все собрания съезда проходили в этом бьервильском парке. Заботой съезда стало создание своего храма, под сенью которого и происходили заседания, отличавшиеся на этом съезде большой напряженностью. «Совершенно очевидно, – писал Л. А. Зандер, – что если бы работа съезда не была принципиально религиозной, не осенялась бы храмом, не сопровождалась бы молитвой», никакое единение не было бы возможным.

На съезде был поставлен целый ряд важнейших вопросов. Первым из них был вопрос о методе занятий в православных библейских кружках. Докладчиками по этому вопросу выступили С. С. Безобразов (идеологическая сторона) и Ю. П. Степанов (опыт трехгодичной работы). Пристальное изучение св. отцов, толкующих Евангелие; молитвенное и благоговейное настроение участников кружка, когда Евангелия воспринимаются не как писаный текст, а как живая вечная Истина, а толкование св. отцов – как руководство близкого, мудрого и любимого учителя.

Вторым вопросом был вопрос о братствах. Докладчиками по этому вопросу выступили В. А. Зандер и П. С. Лопухин.

В. А. Зандер, участница парижского Братства св. Троицы, говорила о двух формах братства: братство как формально-церковная форма, и братство, не связанное каноническим подчинением и формально закрепленной связью с иерархией. Братская работа может в большей своей части вполне совпадать с работой кружков, участвовать в Движении на общих основаниях. С точки зрения духовной жизни и деятельности между братствами и кружками никакой разницы нет: и те, и другие могут ставить себе одни и те же цели, работать одними и теми же методами, достигнуть того или иного духовного уровня. Но с точки зрения канонической или организационно-правовой братство всегда отличается от кружка своей церковной связанностью и закрепленностью, кружок же отличается от братства своей большей пластичностью и гибкостью. Братство противополагать кружку можно только в разрезе формальном,

каноническом. По существу кружок может быть духовнее, напряженнее и в этом смысле церковнее братства, которое может быть бедным, нищим, духовно ущербным. Однако и тогда оно не теряет своей церковной формы, которая в таком случае только отягчает и увеличивает его внутреннее несовершенство.

П. С. Лопухин, участник белградского Братства св. Серафима, в своем докладе, как отмечает Л. А. Зандер, почти не касался проблемы братства и говорил, главным образом, о Движении, как форме церковной работы, в которой усматривал многие недостатки. Его предложениями были: объединение с иерархией, переименование Движения в православное, причем, в целях миссионерских, для лиц, ищущих веры, установить порядок приема в Движение лишь сотрудниками, или создать для них новую организацию. Церковное дело, говорил П. С. Лопухин, надо делать церковно, в единении мирян с иерархией как таковой, а не с отдельными иерархами. Духовное руководство Движением в его повседневной жизни могло бы быть осуществлено одним из иерархов, тем, в епархии которого находится главный орган Движения, с тем однако, чтобы раз в год Движение представляло отчет о своей деятельности собору иерархов и принимало к руководству его указания. Движение, утверждал П. С. Лопухин, может до некоторой степени этим способствовать заживанию раны на церковном теле. (Имеется в виду церковный раскол православной церкви за рубежом). П. С. Лопухин подтверждал, что всем участникам Движения ясно, что оно делает православное дело, но формально оно стоит якобы на принципе интерконфессиональности. П. С. Лопухин признавал, что предложения его доклада не нашли отзвука на съезде. Статья П. С. Лопухина о Бьервильском съезде была напечатана в "Пути".[16]

Л. А. Зандер в своей статье о съезде писал, что причины расхождений во взглядах участников съезда находились вне Движения. Главная из них: призрак раскола, тяготеющий над заграничной русской церковью, который ставит трудные и ответственные задачи перед сознанием каждого

православного человека, тем более перед Движением, объединяющим людей разных направлений, живущих в разных зарубежных митрополиях. Но трудности не только связаны с каноническими нестроениями, - они еще глубже и связаны с различными духовными устремлениями.

Доклад П. С. Лопухина вызвал продолжительные и горячие прения. Н. А. Бердяев указал, что требование формального подчинения Движения иерархии и придания ему церковно-официальной формы - от привычки работать в области церковной исключительно по определенным, одобренным властью шаблонам, от боязни новых, творческих форм работы. Движение — новое творческое явление, не имеющее прецедентов. Необходимо различать два понятия церкви: церковь невидимую, как мистическое тело Христово, обнимающее всякое положительное бытие, и церковь видимую, как каноническую организацию. Студенческое Движение, светское по своему характеру, является, конечно, церковным в первом, интегральном смысле слова. Православие дает нам большую свободу: "К свободе призваны вы, братья" (ап. Павел). Слово "христианское" указывает на самую сущность Движения: "Мы исповедуем Христа распятого". "Православное" означает лишь "правоверное", "христианское" же указывает на самый предмет веры.

Духовная жизнь слагается по двум линиям - восходящей и нисходящей, движение к Богу и движение к человеческому миру. Движение нисходящее — это помощь людям, не обретшим еще света Христова.

О. Сергий Булгаков сказал: «Не надо нам, православным, стыдиться имени Христа, которое носит Движение».

В. Г. Коренчевский указал, что Движение — большое и важное церковное дело. Но создано оно не иерархами, и сомнительно, что собор иерархов захочет вести Движение и брать ответственность на себя за новую и трудную работу Движения в самой главной его задаче - в работе среди неверующей молодежи. Движение вполне православно по своему духу.

Отец Лев Липеровский отметил, что Движение – религиозная, но мирянская организация, и что многие высшие иерархи ценят его именно за его светский миссионерский характер. О. Лев Липеровский назвал, в частности, епископа Сергия в Праге.

Отец Лев Липеровский указал также, что обращение Движения весной 1926 г. к собору епископов было грубой ошибкой.

Это обращение было вызвано следующим обстоятельством: как известно, деятельность Движения заинтересовала международные христианские организации – Всемирную Христианскую Студенческую Федерацию и YMCA, и они стали поддерживать Движение материально и организационно. Но эти организации, протестантские и независимые, вызвали подозрение со стороны реакционной части иерархии Синодальной церкви и им было вынесено осуждение, а членам русской православной церкви было запрещено "находиться в сфере их пагубного влияния".

Это запрещение сотрудничества с инославными организациями и вызвало обращение РСХД с приветствием и просьбой о благословении его деятельности.

В ответ на это обращение архиепископ Феофан от имени собора заявил, что он готов дать благословение, если Движение будет включать только православных, и что собор затрудняется благословить Движение в целом, так как в него входят и инославные, и даже неверующие.

Митрополит Антоний, хотя и подписал, как председатель собора, его постановление, в своем пространном обращении к членам РСХД и в личном письме к В. В. Зеньковскому, в ответ на приветствие съезда, заявил, что постановление Собора вызвано искаженными сведениями о В.Х.С.Ф. и YMCA, что он лично ценит их помощь, особенно Богословскому институту и издательству YMCA-Press, что он признает лично ему знакомых Г. Г. Кульмана и Д. И. Лаури и др. друзьями православной церкви и веры, считает, что влияние их на русское студенчество может быть только благотворным, и что он просит Бога помочь Движению «творить дело Божие, не только не поддаваясь какому-либо

противоцерковному влиянию, но, напротив, привлекая даже инославных к более внимательному и сочувственному отношению к православной церкви».

По этому вопросу была принята следующая резолюция:

«Заслушав ответ Архиерейского Собора и обращение митр. Антония к русской молодежи, съезд признает для себя авторитетным толкование соборных постановлений, данное митрополитом Антонием, и в соответствии с этим считает нужным развивать деятельность Р.С.Х. Движения».[17]

Далее съездом были приняты следующие резолюции:

1) Съезд, сознавая, что основной задачей Движения является привлечение неверующей или маловерующей части молодежи к православию и что поэтому в составе его всегда будут существовать кружки различной степени и силы религиозного сознания, оставляет название Движения прежним.

2) Заслушав доклад о Братствах и их роли, съезд признает, что Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующих студентов для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа студенческой молодежи; включает в свой состав студенческие христианские кружки и церковные братства, являющиеся автономными организациями, объединенными общими целями и общим выборным органом для проведения этих основных целей в жизнь; осуществляет свои цели при духовном руководительстве пастырей и архипастырей, пользуясь, где это возможно, их указаниями, как в работе отдельных кружков, так и для Движения в целом».

Большое внимание на съезде было уделено организационной работе, финансам, информации о работе на местах. С большим интересом было заслушано сообщение о решении Всемирной Христианской Студенческой Федерации, Генеральный Комитет которой в 1927 г. на заседании в Копенгагене признал не только допустимым, но и желательным вхождение в состав Федерации конфессиональных

кружков и этим отказался от своего исключительного интерконфессионализма.

На заключительном собрании В. В. Зеньковский, председатель съезда, выразил надежду, что духовное единство, обретенное Движением, поможет осуществить основную задачу: оцерковления жизни, созидания православной культуры через выявление Духа Христова в реальной жизни.

Однако различия во взглядах и устремлениях остались, на чем и настаивал П. С. Лопухин в своей статье. Позже белградское братство из РСХД вышло.

Шутливую поэму о Бьервильском съезде написал Юрий Степанов. Экземпляр этой поэмы был подарен мне в Париже, в 1935 г., Клавдией Михайловной Перешневой, которой поэма была посвящена. Этот экземпляр поэмы погиб в пожаре, в Риге, в 1941 г. Позже, другой экземпляр поэмы прислала мне Тамара Павловна Милютина.

Бьервиль

. . .

Итак начну. Из стран далеких,
За много, много сотен миль,
Полны идей и дум высоких,
Движенцы съехались в Бьервиль,
Чтобы под сению природы
Решать вопросы и дела.
И голубели небосводы,
Река задумчиво текла,
И чуден был старинный парк
Времен, наверно, Жанны д' Арк.

. . .

Уж день второй прошел согласно,
Без пререканий и препон.
Настала ночь, все небо ясно,
Горят Сатурн и Орион,
И на бьервильские чертоги
Слетели сны волшебных чар,
Взошел и месяц златорогий.
Но мучит Зандера кошмар,
Что будто он, как на беду,
Гребенку потерял в саду.

И день настал. Благоухает
Облитый солнцем мирный сад.
Сегодня Лопухин читает
Свой исторический доклад.
И в зале тихое шептанье –
Знать надвигается гроза.
И председатель в ожиданье
Сомкнул усталые глаза,
Чтоб краткий отдых дать уму.
И снится чудный сон ему.
. . .
А Лопухин все пел. И грозно
Смотрел на недовольный зал,
Уж два раза ему серьезно
Язык Бердяев показал.
. . .
И кончил Лопухин. Мгновенье,
И вспыхнул бой, бьервильский бой.
Открыл Бердяев наступленье
Артиллерийскою пальбой.
За ним французы, словно тучи,
Рванулись в пагубную сечь,
И обнажил Белград могучий
Стальной свой богатырский меч;
Но под огнем трескучих фраз
Держался стойко Монпарнас.*
. . .
Носились лавой парижане,
Раз прогремел Загреб с высот,
Укрылись в бородах пражане,
А с моря бил английский флот.**
Болгары гибли, но держались,
Эстонки вскачь неслись крича...
Уж три часа подряд ругались,
То есть сражались сгоряча.
Но среди этих общих бед
Берлин хранил нейтралитет.
Записки по рядам летали,
В рядах шуршанье, гул и стон.
И бесконечные вставали
Ораторы со всех сторон.
Зернова вдруг, без агитаций,
Нам предложила мир в огне,
Она была, как Лига Наций,
О нет, прекраснее вдвойне.***

За ней щетинили штыки
Американские полки.****
Но меркла сталь щитов Белграда,
Для битвы не хватало сил.
И вот замолкла канонада,
Белград разумно отступил.
И опустело поле боя,
А в море скрылись корабли.
В тиши остался сам с собой я
Средь кровью политой земли,
И размышлял, наедине,
Об этом бурном, славном дне.
. . .

Часть вторая

. . .
Без отдыха пирует
С дружиной удалой
Василий свет Васильич
Вечернею порой.
С обеда льются вина
На скатерти столов,
С обеда раздаются
Лихие тосты слов.
И пенье их - услада,
И песня их - одна:
Про взятие Белграда,
Про плен Лопухина.
И смех гостей несется -
Желанный снова мир.
Бокал с бокалом бьется -
Зеньковский правит пир.
Смелей же бейтесь, чары,
У шумного стола:
Забыты все удары,
Забыты все слова.
. . .

---

*) Центр Движения помещался тогда на бульваре Монпарнас, №10.
**) Проф. Коренчевский из Лондона, хотя и русский.
***) Мария, а не София.
****) Андерсон, Лаури.

Пятый общий съезд РСХД в Клермон-ан-Аргон

Пятый общий съезд Движения происходил с 12-го по 18-ое сентября 1927 г. под Парижем, в Клермон-ан-Аргон, где проводились летние лагеря молодежи.

На съезде были представлены делегаты из Франции, Германии, Англии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Польши, Эстонии, Латвии. Из Эстонии в съезде участвовали Васса Арсеньевна Барабанова (позже, по мужу - Дезен) и Татьяна Евгеньевна Дезен; из Латвии - Надежда Павловна Истомина (Буковская) и Николай Петрович Литвин.

Приняли участие в работе съезда первоиерарх Западно-Европейской епархии митрополит Евлогий (Георгиевский), прот. проф. Сергий Булгаков, проф. В. В. Зеньковский, прот. Сергий Четвериков, прот. Н. Бер, прот. Александр Калашников, протопр. Георгий Шавельский, проф. Антон Владимирович Карташев, проф. Борис Петрович Вышеславцев, проф. Николай Арсеньев, проф. Лев Александрович Зандер, проф. Владимир Георгиевич Коренчевский и многие другие активные деятели РСХД, в том числе непосредственно влиявшие на развитие РСХД в Прибалтике Иван Аркадьевич Лаговский, Софья Михайловна Зернова, Лев Николаевич Липеровский, Александр Иванович Никитин, Елизавета Юрьевна Скобцова.

В работе съезда приняли также участие работники YMCA и ВСХФ Г. Г. Кульман, П. Ф. Андерсон, Э. И. Макнотен, Д. И. Лаури.

На съезде были прочитаны доклады проф. А. В. Карташевым "Россия Грядущего Дня" и прот. проф. С. Н. Булгаковым "Развитие церковного сознания". Были прочитаны также доклады информационного содержания: Л. Н. Липеровским "Современное положение Студенческого Христианского Движения в Америке"; И. А. Лаговским "О религиозно-педагогическом совещании в Париже"; А. И. Никитиным "О православном студенческом Движении на Балканах"; Н. М. Зерновым "Об издании Вестника"; И. А. Лаговским "О религиозном состоянии моло-

дежи в России и о антирелигиозной пропаганде на основании исследованной литературы“.

Доклады А. В. Карташева, прот. проф. С. Н. Булгакова, И. А. Лаговского и, отчасти, другие изложены в статье Е. Ю. Скобцовой “Во дни годового съезда РСХД“.[18]

В своем докладе А. В. Карташев говорил о будущем как исторической неизбежности настоящего и с поразительной проницательностью предвосхитил и события сороковых годов, и события нашего, настоящего времени. Говоря о судьбе церкви, он отметил: власть государства в опекании человеческих душ умаляется. Растет сила общества. Опора церкви будет в свободной общественности. Святая Русь лишается форм цезарепапизма. Опора на общественность не противоречит общим принципам православия; православная соборность параллельна стихии общественности в светской среде. Государство не избежит влияния церкви, если сердце народа в церкви; если же нет, - всуе кропить святой водой мечи и доспехи. Стремление к культуре, построенной на религии, должно победить, потому что оно гениально, а то, что было (пролетарская культура) - бездарно. Прямых директив по разработке христианской культуры у святых отцов нет. Есть такие образцы подвижничества, как Иосиф Волоцкий, не пренебрегавший земным деланием. Пусть лишь христианство идет от нутра, - пусть лишь живая душа делает внешнее дело. Один из самых жгучих вопросов завтрашней России - социальный вопрос. Он всегда был конгениален русской душе.

Отец Сергий Булгаков говорил : если мы будем стремиться понять сокровенный смысл всего происходящего, утешительность его станет для нас несомненной. Надо выйти нам из исторической детской. Ныне наши исторические судьбы ищут своего определения через данный нам дар свободы и иго ответственности. Мы должны перейти от видимых фактов и данностей к творящей и движущей их силе. Идеал Святой Руси, святая святых нашего национального самосознания, не от энтузиазма натурального патриотизма, а от конкретной связи с душой русского народа. Такой мы ее утверждаем, вопреки ны-

нешней катастрофе. Наша духовная школа давала не только Филаретов, но и Чернышевских. И не то беда, что многие, кончавшие семинарии, отходили от церкви, а беда, что многие, склонные уйти, - оставались. В православии личная непосредственная обращенность ко Христу не встречает препятствий авторитета. Православие являет различные облики святости. И Иоанн Златоуст, и Исаак Сирин, и Тихон Задонский, и Алексей-Митрополит. Различные духовные облики равнозначны в православии, все они остаются в пределах православия. Мы живем под знаком особенной личной ответственности и свободы. А свобода опирается на единение любви и смирения, на постоянно ощущаемую силу подвига и любви во Христе, на соборность.

РСХД на Пятом общем съезде нашло необходимым после пяти лет своего существования разработать основные положения своего устава. Было установлено: Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своею основною целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом. Движение состоит из местных объединений. Общими органами РСХД являются Общий съезд, Совет и Центральный секретариат. Было подробно разработано, каким образом формируется состав и как организуется деятельность органов Движения.

Председателем РСХД снова был избран проф. В. В. Зеньковский, духовным руководителем несколько позже стал прот. Сергий Четвериков. Многочисленные статьи и заметки о съезде в Клермоне, предваряющие съезд, о самом съезде и с размышлениями о Движении после съезда были опубликованы в Вестнике РСХД №9-12 за 1927 г.

В связи с Пятым всеобщим съездом Движения Н. М. Зернов в статье "После Клермона" [19] писал: «Клермонский съезд этого года особенно значителен, и над его резуль-

татами следует остановиться. Перед русскими церковными людьми стоит огромная, часто кажущаяся непосильной задача вернуть в православную церковь русскую молодежь... Русская молодежь, конечно, жива, она ищет истину и красоту жизни, но трудно найти среди нее здоровых юношей и девушек, все они исковерканы и измучены и все нуждаются в опытной духовной помощи и поддержке. Конечно, для этой новой русской беды одних старых средств недостаточно... Нужны новые и разнообразные виды духовной работы, а главное - развитие самодеятельности в среде самого юношества. Думается, что наши съезды должны будут иметь большое, чрезвычайное значение в деле духовного пробуждения русской молодежи... Помню, как к вечеру в понедельник, среди молчаливых и запущенных бараков, вдруг появилась шумная толпа русских людей... Сразу закипела новая и интенсивная жизнь: кто бежал умываться, кто устраивался на новом месте. Повсюду замелькали русские лица, и все это были незнакомые и такие разные люди: священники, известные профессора, студенты разных возрастов и специальностей и, наконец, юноши и девушки из лицеев и гимназий, начиная с 15-летнего возраста. Было немного жутко при мысли, сможем ли мы объединить этих людей, смогут ли они прожить одной жизнью в течение этой недели. Возраст, культурное развитие, политические убеждения, даже отношение к религии, все было у них так различно, и так казалось невозможным создать одно настроение, одно чувство и волю у девочки-гимназистки и у рабочего с "Рено", у профессора и у монаха. Но прошла неделя, и это единство было найдено. И когда в воскресенье вечером та же шумная толпа уходила из вновь опустевших, но ставших уже дорогими бараков, она уходила дружной и единой, и в этом смысл и значение наших съездов. Съезд приблизил нас к реальности духовного мира и, приблизив нас к Богу, соединил друг с другом. Вся жизнь помогала этому: доклады, семинары, общая трапеза, общие прогулки и над всем этим жизнь в церкви, которая начинала наш день литургией и оканчивала вечерними молитвами. И эта

жизнь в церкви не была противопоставлена радостям жизни, и она не мешала ни смеху, ни дружбе, ни серьезным спорам, ни далеким прогулкам... Реальность бытия Божия, смысл христианства так были ощутимы на съезде, что не только маловерные становились верующими, но и неверующие обретали веру. Но, конечно, основным моментом съезда были исповедь и причастие, когда участники его подлинно переживали свое единство с Богом и друг с другом. И когда мы почувствовали себя членами единой и святой церкви, а не рассеянными по всему миру изгнанниками, то мы ощутили все и свою кровную и реальную связь с Россией...»

В своей статье о съезде Движения в Клермоне Е. Ю. Скобцова приводит слова В. В. Зеньковского: «Движение является драгоценнейшим фактором нашей жизни, и не оно принадлежит нам, а мы ему принадлежим».

Движение явилось "драгоценным фактором жизни" и для выдающихся мыслителей (каким был и Зеньковский), богословов, священнослужителей, возглавивших его, и для рядовых членов Движения.

Вячеслав Костиков, современный исследователь русского Зарубежья, в своей книге "Не будем проклинать изгнание..." писал: «Специфика эмиграции состояла в том, что она, при всем своем масштабе, была все-таки ограничена количественно и известнейшие представители русской культуры, оказавшиеся вместе с другими в роли изгнанников, были здесь много доступнее, чем в России. В эмиграции все жили теснее, интимнее, ближе. В этом была своя грустная польза. Ум и душа (среднего интеллигента эмиграции) черпала свои силы в том светящемся поле русской мысли, которое создавали вокруг себя эмигрантские писатели и философы».[20]

В какой-то мере это можно отнести и к участникам Движения, старшим и младшим, профессорам и студентам, руководителям и рядовым членам.

Но главное было в другом. И это главное выразил с предельной ясностью Семен Людвигович Франк в своей речи на съезде русского студенчества в мае 1923 г., в Саа-

рове, под Берлином, и в книге "Крушение кумиров",[21] основой которой и стала упомянутая речь.

С. Л. Франк пишет: «Мне думается, что, несмотря на столь большое различие и в количестве и, главным образом, в содержании жизненного опыта этих двух поколений, между нами не только нет обычного непонимания и взаимной чуждости, а есть, или по крайней мере возможна, какая-то глубокая внутренняя солидарность миросозерцания и жизненного пути. Ибо духовные облики обоих поколений сформировались под влиянием одного в высшей степени значительного процесса, который начался задолго до революции и в ее трагическом опыте нашел лишь свое завершение. Этот процесс есть процесс нарождения живой религиозной веры через крушение или гибель всех кумиров, которыми была соблазнена душа русского интеллигента XIX в., кумира революции, кумира политики, кумира культуры, кумира "идеи" и "нравственного идеализма". »

В "Книге свидетельств" (1965, стр. 361) архиепископ Иоанн (Шаховской) середину 20-х годов называет "религиозной весной русской эмиграции". Это было время преодоления двойственности жизни, поисков воцерковления жизни, оцерковления культуры. «Это было лучшим ответом русской эмиграции на все, что происходило в это время с церковью в России. Церковь для русских изгнанников перестала быть чем-то внешним, напоминающим лишь прошлое. Церковь явилась и становилась смыслом и целью всего, центром бытия».[22]

Василий Васильевич Зеньковский
(1881-1962)

В одном из своих писем в Ригу В. В. Зеньковский написал, что характерною чертою русского человека является его способность и к созерцанию, и к активной деятельности – одновременно.

Таков был характер и таково было дарование личности самого В. В. Зеньковского.

В общении В. В. Зеньковский был необычайно сердечен. И не только личные разговоры, беседы в узком кругу, но и его публичные выступления, даже лекции всегда были так сердечны, что временами казалось: ты, собеседник, слушатель, ученик, ты своими грубыми руками прикасаешься к открытому, трепещущему, бесконечно доброму сердцу.

Как психолог детства, педагог, он считал, что особое внимание, забота, любовь должны оказываться детству. В детстве, говорил он, накапливается мед на всю последующую жизнь человека.

В Риге сохранились два письма В. В. Зеньковского к участницам РСП Единения: письмо Елене Карловне Берзинь (Францман), 1933 года, и письмо Тамаре Дмитриевне Эренштейн (Литвиной), от 24 декабря 1939 г.

Первое письмо написано из Парижа в Ригу, второе – в Иерусалим, где Т. Д. Эренштейн, художница-иконописец, в то время работала.

I

Дорогая Лена, Вы, вероятно, давно решили обо мне, что я давно забыл Вас. Мне очень будет тяжело, если Вы будете так думать, хотя я и дал повод для этого тем, что не ответил на Ваше милое, доброе письмо весной. Сразу после получения письма не удалось Вам написать, а потом все откладывал и откладывал. Мне не только очень совестно, что не ответил сразу, но и грустно при мысли, что Вы больше не захотите писать мне. Если же Вы, невзирая на мою вину, напишете мне, я буду так рад!

В. В. Зеньковский

У меня так живы добрые воспоминания о наших встречах, и я искренне люблю Вас, мой милый друг – за Ваш характер, Вашу правдивость и мужество, честность мысли, за Вашу духовность. И верю, что Вы послужите делу Божьему со всем одушевлением, которое дал Вам Господь. Я очень верю в Вас, Лена, верю в силу Вашу и правдивость души, искренность Вашей обращенности к церкви.

Напишите мне о себе, о своих делах и планах и не забывайте обо мне в молитвах Ваших.

Всего, всего доброго! Да будет с Вами Господь.

Привет Вашей маме.

Преданный Вам В. Зеньковский

II

24/XII 1939 г.

Дорогая Тамара, как Вы обрадовали меня своим письмом! От всей души радуюсь о самом главном, о чем Вы пишете – о Вашей личной новой жизни, – рад я за Вас обоих, больше даже за Н[иколая] П[етровича], которого жизнь все время была так грустна, но радуюсь и за Вас, что ныне в самом глубоком и интимном Вы будете счастливы. Слава Богу! Только когда же Вы закончите свою работу и вернетесь в Ригу и начнете свою новую жизнь? Из Вашего письма это неясно.

Я радуюсь также Вашим художественным успехам; по общим отзывам, у Вас открылось настоящее дарование; как хорошо! Это не только дает Вам возможность заработка, не зависящего от разных правительственных стеснений, но и даст большое внутреннее удовлетворение. И так хорошо, что работаете Вы на Св. Земле, куда всем хочется и куда так трудно попасть. Я думаю, что несмотря на все запутанности жизни сейчас в Палестине, ничто и никогда не устранит ее особенного сияния, как Святой Земли. И сейчас, когда приближается праздник Рождества Христова, которое в каком-то смысле больше связывает Спасителя с Палестиной, чем Его страдания и смерть и Воскресение, – эта близость Ваша к Св. Земле есть редкое и большое счастье.

Я вполне понимаю Вашу решимость выйти замуж за Н. П. – и не только потому, что Вы оба молоды и сильны, но и потому,

что жизнь в браке, при наличности взаимного влечения, сама по себе такое счастье, такой дар Божий, что ради него можно сносить и всякие житейские трудности, если они встретятся на Вашем пути.

Вы спрашиваете меня, как я живу. В общем – хорошо, только здоровье мое не очень сильное, – что можно было бы терпеливо сносить, если не то, что с годами не уменьшается, а увеличивается количество забот. Движение наше держится и будет держаться, но после первых 5–8 лет юной радости и подъема оно вступило в период, когда количество трудностей и неприятностей очень сильно превышает количество его радостей. Хотя у нас всюду есть верные и хорошие работники, хотя Господь дал нам такого исключительного духовного руководителя, каким является о. Сергий, а все же Движение очень трудно. Я немало устал от него и – не скрою от Вас – очень бы хотел, чтобы мне было дано заняться своей ученой работой, которой я столько времени жертвовал для Движения. Но удастся ли это – очень сомневаюсь; бросить же Движение, махнув (для себя) на него рукой, не могу. Весной мы затеваем устроить, наконец, общий съезд; денег мало у нас, сможем собрать очень мало людей; но собраться нам крайне необходимо.

Напишите как-нибудь еще – о своих личных планах, о том, когда возвращаетесь в Ригу. Все пишут сейчас, что в Латвии стало русским легче, чем раньше.

Если Татьяна Владимировна (Косинская, также художница-иконописец и участница РСХД в Риге – Б. П.*) уже в Палестине, передайте ей мой привет.*

Всего доброго. Да хранит Вас Господь. Сердечно преданный

В. Зеньковский
32 bd Pasteur, Paris XV

Занятость В. В. Зеньковского с годами возрастала все больше и больше. Умножалась переписка с молодежью; встречи с ищущими встреч также отнимали много времени. Приходилось ужесточать распорядок дня и расписание времени. И через 30 лет после написания письма Т. Д. Эренштейн-Литвиной В. В. Зеньковский продолжает все тот же образ жизни, о котором он пишет в этом своем

письме, и ту же борьбу за освобождение своего времени для научной работы. В 1960 г. его посетила (из Берлина) участница РСХД в Риге в тридцатые годы Маргарита Оскаровна Ион. В своем письме в Ригу она так описала встречу с В. В. Зеньковским, тогда протопресвитером Василием: «У отца Василия я была всего часа полтора, так как он всегда занят и время его распределено. Он живет страшно скромно, в одной комнате с крохотной кухонькой. Чай мы пили на кончике заваленного письменного стола, над которым на стене кнопками прикреплены фотографии, ему почему-либо дорогие. Он был в очень хорошем, радостном настроении. Он сказал, что никогда бы меня не узнал, если бы встретил случайно на улице, потому что в его представлении я совсем другая, чем та, которую он видел перед собою. Он это несколько раз повторял, никак не мог успокоиться. Правда, мы не виделись больше двадцати пяти лет. Но он остался тем же, хотя, конечно, и постарел. И все-таки он мне был страшно рад, даже проводил меня потом до автобуса, много говорил, много рассказывал. Он тоже сильно болел (как и Л. А. Зандер, которого посетила М. О. Ион - *Б. П.*), и его печень и сердце не в порядке, но пил крепкий чай и ел ветчину и землянику с аппетитом. В августе он собирается ехать лечиться в Nauheim, где ему несколько лет тому назад очень понравилось, главным образом, из-за хорошей, серьезной музыки в Kurhaus'е, и где ванны укрепили его сердце. Несмотря на свои 79 лет он удивительно быстрый в движениях и с живой душой. Немного, может быть, по-старчески говорлив. С очаровательной иронией он сказал про себя, что страдает графоманией, что, как педагогу, ему хочется все давать и давать. Мне, как всегда, было очень хорошо, легко, просто с ним. Мы оба жалели, что встреча была страшно мимолетной. Но чудно было и то». (Из письма М. И. Ион-Кох к Т. Д. Литвиной, Берлин, 13-го июня 1960 г.)

Из письма Веры Ион от 4.12.1957 г. : «Отец Василий очень радовался вестям о тебе (Т. Д. Литвиной - *Б. П.*) и твоих и шлет сердечный привет всем; он спрашивает о Наташе (Белоцветовой-Косинской - *Б. П.*) и написал, что

время, проведенное с нами когда-то, было как "удивительный сон"».

Из письма Веры Ион от 15.12.1956 г. : «С о. Василием изредка обмениваемся письмами, да, он удивительный, заботливый и нежный».

Из письма Маргариты Ион-Кох от 28.10.1960 г. : «Я нахожу о. Василия удивительно сохранившимся для его 79 лет. Его память и работоспособность прямо изумительны, но главное - это его доброта, душевность, в его присутствии тепло на душе».

Из письма Маргариты Ион-Кох от 27.8.1962 г. : «Наш бедный, наш любимый о. Василий скончался 5-го августа после продолжительной болезни и тяжелой операции (камни в желчном пузыре). Он долго лежал в больнице на исследовании и переносил, по его собственным словам, все без ропота и терпеливо. После благополучной операции у него сделалось тяжелое осложнение со стороны почек. Такой он был веселый и жизнерадостный при нашей последней встрече два года тому назад, что у меня не было того чувства, что он уже стар, что его подтачивает болезнь. А он уже тогда постоянно лечился, ездил на курс лечения в Наухейм, хронически страдал печенью. Очень грустно, очень пусто стало без него. В последние годы он ограничивался короткими строчками в ответ на письма, но они были всегда проникнуты такой добротой, глубоким вниманием, что их очень не хватает».

Из письма Веры Ион от 2.11.1962 г. : «Мне кажется тоже, что его (о. Василия) забота о нас не умерла, - даже были дни, когда я особенно это чувствовала... Леля (В. А. Зандер - *Б. П.*) написала: "О. Василий все время находился в сознании и непрестанной молитве"».

ЧАСТЬ II

РСХД В ПРИБАЛТИКЕ

Русское Студенческое Христианское Движение в Латвии

Историю Русского Студенческого Христианского Движения в Риге и Латвии следует начинать с возникновения в двадцатых годах трех религиозных кружков: Библейского кружка для взрослых, имени Креста Господня, собиравшегося в Риге, по ул. Мельничной №31, кв. 13, руководимого священником Михаилом Николаевичем Бурнашевым; Кружка молодежи по изучению церковной истории имени Василия Васильевича Болотова (1854–1900), знаменитого церковного историка, профессора СПб Духовной Академии, руководимого историком Василием Васильевичем Преображенским, и Студенческого кружка при Христианском Союзе Молодых Женщин (YWCA). В период возникновения этого кружка наиболее активными его участниками были Николай Петрович Литвин (30.10.1905–26.12.1989), Надежда Павловна Истомина (23.9.1908) и Димитрий Владимирович Буковский (16.12.1904 – 22.7.1990).

Большую помощь в формировании Студенческого кружка оказала Тамара Федоровна Баймакова, русский секретарь YWCA Латвии (18.4.1897 – 7.10.1987).

Т. Ф. Баймакова, как представительница журнала "Вестник" в Латвии, присутствовала на общем съезде Русского Студенческого Христианского Движения в Бьервиле в 1926 г. Выступления Н. А. Бердяева, о. Сергия Булгакова, В. В. Зеньковского произвели на нее глубокое впечатление. После съезда она встретилась у П. Ф. Андерсона, секретаря YMCA во Франции, с секретарем РСХД Ф. Т. Пьяновым, где

и была намечена поездка в Прибалтику ведущих деятелей Движения для чтения лекций и ознакомления студенчества с Движением. Первыми посетили Латвию и Эстонию Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, В. В. Зеньковский и, в организационных целях, секретарь Движения С. М. Зернова.

О возникновении Студенческого кружка, положившего основу РСХД в Риге, подробно рассказывает Надежда Павловна Истомина-Буковская в своих воспоминаниях, написанных по моей просьбе в феврале 1990 г., – "Мои воспоминания о Русском Студенческом Христианском Движении в Латвии (с использованием материалов моего дневника того времени)" :

«Религиозно-просветительная работа в Латвии началась уже в начале двадцатых годов по инициативе и при материальной поддержке западных стран и Америки.

В Риге действовал Христианский Союз Молодых Людей (ИМКА = YMCA) и Христианский Союз Молодых Женщин (ИВКА= YWCA). При последнем в 1922 г. была организована "Девичья Дружина" ("Герл Ризервс") из учащихся старших классов рижских гимназий. Вскоре образовался ряд кружков девушек 13-16 лет (это в 1922 году), которые действовали в помещении YWCA (Рига, ул. Антонинская №1). Кружки стали называться клубами. Каждый клуб имел свое название и сам вырабатывал программу занятий. Клуб, в который были записаны девушки из гимназии Л. И. Тайловой, выбрал название "Комета", клуб девушек из Ломоносовской гимназии – "Жар-птица".

Когда в конце марта 1927 г. в Ригу из Парижа приехала секретарь Русского Студенческого Христианского Движения Софья Михайловна Зернова с целью наладить в Латвии деятельность Движения, она развила свою деятельность на базе YWCA, где работой руководила Баймакова Тамара Федоровна, оказавшая Софье Михайловне большое содействие.

Тамара Федоровна Баймакова, зная меня с 1922 г. по клубу "Девичьей Дружины", а в дальнейшем как члена YWCA, нашла желательным мое личное знакомство с Софьей Михайловной и пригласила меня на расширенное

собрание одного из кружков YWCA, на котором одна из членов кружка сделала· доклад на темы воззрений Рабиндраната Тагора. На собрании присутствовала Софья Михайловна, и после доклада состоялась беседа кружковцев с Софьей Михайловной о РСХД и на религиозные темы.

Рижанки высказали довольно вольные взгляды на религию, признавая Бога, к которому ведут различные пути, не только православие. В конце беседы Софья Михайловна высказала пожелание об основании в Риге религиозного кружка, который изучал бы православие.

После собрания С. М. Зернова сосредоточила свое внимание на мне. Ее личное обаяние сильно действовало на меня, и беседа получилась долгой и откровенной, приняв задушевный характер.

Вечером того же дня (28.3.1927 г.) Софья Михайловна взяла меня с собой на собрание Библейского кружка, где священник о. Михаил Бурнашев проводил беседу о Великом Инквизиторе. Присутствовало около 25 человек различного возраста. Потом Софья Михайловна рассказывала о РСХД на Западе и спросила, есть ли в Риге потребность основать такой же религиозный кружок. Ей ответили вроде "есть", но когда стали обсуждать этот вопрос конкретно, то все оказались в нерешительности.

Я сказала, что хочу быть членом такого кружка, но просила Софью Михайловну научить нас - как взяться за дело. Сговорились на том, что в воскресенье вечером следует обсудить этот вопрос в помещении YWCA, после лекции проф. Н. А. Бердяева. Он приехал в Ригу тогда же (в конце марта 1927 г.).[23]

Софья Михайловна предложила мне встретиться с ней на следующий день в ее временной квартире, недалеко от YWCA , в послеобеденное время. Мы много говорили о работе религиозных кружков. Софья Михайловна призналась, что нигде еще не встречала такого холодного отношения к делу, как у нас, в Риге.

В тот же вечер Софья Михайловна уезжала в Эстонию. Она при мне упаковала свои вещи и подарила мне на память книгу проф. С. Л. Франка "Смысл жизни". К 20 часам

мы вместе отправились в YWCA, где проходило собрание кружка "Саморазвитие", на которое уже ранее меня приглашала Т. Ф. Баймакова. После собрания члены YWCA устроили для Софьи Михайловны прощальный чай, на котором велась беседа на темы Движения. Распрощались все около 23 часов, и Софья Михайловна уехала на вокзал.

Проф. Н. А. Бердяевым в Риге были прочитаны три лекции на темы: 1. "Душа современного человека и христианство"; 2) "Марксизм, ницшеанство и христианство" и 3) "Религия и наука".

3 апреля вечером состоялась беседа проф. Бердяева с русской молодежью на темы Русского Студенческого Христианского Движения. Небольшой зал YWCA был переполнен. Профессор предложил задавать ему вопросы. Сначала все молчали, но потом было задано несколько вопросов, показывавших недоверчивое отношение к христианскому Движению.

Это было вполне естественно: профессор говорил очень теоретично, сухо, слишком много упоминал про церковь, ставя ее на пьедестал, и это отпугивало молодежь, относившуюся к церкви крайне холодно. К тому же все время вмешивался о. Михаил Бурнашев, излагавший свои взгляды на Движение и старавшийся воздействовать на присутствующих, показать им, что участие в Движении почти необходимо для тех, кто не хочет остаться пассивным в борьбе со злом и упадком духовной жизни. Но слова священника еще более удалили молодежь от этого Движения, так как на священника тоже смотрели косо и недоверчиво. Притом, если говорить человеку: "Ты должен", он из чувства противоречия поступит наоборот. Так было и в тот день.

Когда "недоуменных вопросов" больше не было и оставалось задать только последний, заключительный вопрос: "Кто хочет примкнуть к Движению?" – о. Бурнашев испортил все дело: он предложил поблагодарить профессора аплодисментами и его больше не задерживать. Но едва профессор удалился из зала, как и толпа присутствующих хлынула в двери, и зал быстро пустел.

Я вскочила с места в отчаянии - упускают публику, не сделав главного - записи в члены кружков! это было поручено Литвину, но он беспомощно стоял среди своих товарищей, смотря на спины уходящих. Я к нему: "Что же это такое?" "Да, вот так..." - он не нашелся, что сказать. Я чувствовала, что мне необходимо действовать, чтобы хоть сколько-нибудь исправить положение. Я побежала в гардероб, куда к тому времени собралась та публика, которая еще не успела уйти, вскочила на стул и объявила, что желающие примкнуть к Движению могут записаться у меня. А кто не решается сразу дать положительный ответ и желает подумать, тот может записаться потом, здесь же, в YWCA, у Тамары Федоровны Баймаковой.

Все же мне удалось потом записать шесть новых членов, которые по возрасту скорее приближались к пожилым, чем к молодым.

Идея организации религиозного кружка меня захватила полностью, я обещала заняться этим Софье Михайловне Зерновой.

На первом собрании нашего Студенческого кружка был большой разброд мнений : чем заниматься? Ольга Антоновна Логинова предложила заняться изучением Евангелия; Н. П. Литвин пожелал сначала изучать отличие православия от других вероисповеданий; я хотела заняться разбором беседы св. Серафима Саровского с Мотовиловым (по рекомендации С. М. Зерновой).

В сентябре месяце 1927 г. состоялся общедвиженский съезд во Франции, в Клермоне, куда, по рекомендации С. М. Зерновой, были приглашены Н. П. Литвин и я. Он оставил огромное впечатление и укрепил наши религиозные чувства, а также дал определенное представление об организационной деятельности Движения, об организации финансовых кампаний среди жителей тех городов и районов, где работают кружки Движения. Это и пропаганда идей Движения среди общества.

По возвращении в Ригу мы с Н. П. Литвиным сделали доклад о работе съезда в Клермоне.

РСП Единение
Первый состав Студенческого кружка, январь 1928 г.

В дальнейшем для пополнения средств в Риге также проводились финансовые кампании.»

Художник Е. Е. Климов зарисовал Н. А. Бердяева, беседующего с рижской русской молодежью о Русском Студенческом Христианском Движении 3 апреля 1927 г. в зале YWCA. Рисунок хранится у меня.

на фотографии (стр. 50) :

РСП ЕДИНЕНИЕ, январь 1928 г.

Нижний ряд, слева направо : **1 – Наталия Александровна Шиорина (Денисова). 2 и 3 – ? 4– Вера Ульяновна Машара (Кулачковская). 5 – Тамара Дмитриевна Эренштейн (Литвина). 6 – ? 7 – Полина Александровна Ион.**

Второй ряд, слева направо : **1 – Иван Георгиевич Блюменталь. 2 – Николай Петрович Литвин. 3 – Надежда Павловна Истомина (Буковская). 4 – Софья Михайловна Зернова. 5 – Василий Васильевич Зеньковский. 6 – Прот. Кирилл Зайц. 7 – Тамара Федоровна Баймакова (Клепинина). 8 – Александр Иосифович Беервальд. 9 – Василий Васильевич Преображенский.**

Третий ряд, слева направо : **1 – Александр Александрович Иллюкевич. 2 – Николай Павлович Истомин. 3 – Александр Михайлович Петерсон. 4 – Николай Николаевич Вилюман. 5 – Дмитрий Владимирович Буковский. 6 – Федор Федорович Цвирко. 7 – Зоя Дмитриевна Эренштейн. 8 – Евгения Александровна Македонская (Блюменталь). 9 – Маргарита Оскаровна Ион (Кох). 10 – Нина Дмитриевна Беервальд. 11 – ? 12 – Федор Рейхман, позже священник.**

Объединение кружков

В "Хронике жизни РСХ Движения" за 1927 г. сообщалось: «В воскресенье, 4-го декабря 1927 г., в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, состоялось первое общее собрание трех рижских кружков». До того кружки жили и работали друг от друга изолированно. Призыв собраться всем вместе для общей молитвы и беседы был принят участниками кружков с радостью. Участники кружков собрались в храме рижского женского Троице-Сергиева монастыря, к вечерне, которую отслужил о. Михаил Бурнашев. По окончании вечерни о. М. Бурнашевым было произнесено слово о житии преп. Саввы Освященного, память которого отмечалась по уставу на службе этого вечера. После вечерни был отслужен молебен с акафистом Воскресению Христову соборне, с прибывшими настоятелем рижского кафедрального собора прот. Кириллом Зайцем и ректором рижской Духовной семинарии прот. Иоанном Янсоном. Все молящиеся стояли с возжженными свечами.

После этого, в зале монастырской школы, состоялось собрание участников кружков и гостей. Открыл собрание член Студенческого кружка Н. П. Литвин. Был заслушан доклад о. М. Бурнашева: "Основной принцип православного сознания", вызвавший оживленные прения. Вторая часть собрания была посвящена вопросам деятельности кружков, организации общего Делового комитета, связям с Русским Студенческим Христианским Движением в Западной Европе. Деловая часть собрания сопровождалась чаепитием.

«В этот вечер в жизни рижских кружков произошло что-то новое, что сближало всех, делало всех сообщниками большого христианского дела и тем самым придавало и новый смысл и новые силы личной работе каждого члена кружка в отдельности». Такими словами заканчивалось сообщение о первом общем собрании трех рижских кружков.[24]

Священник Михаил Бурнашев

Отец Михаил Бурнашев был одним из инициаторов создания Русского Студенческого Христианского Движения в Риге и искренним его другом, а также руководителем одного из кружков. Родился он в 1882 году в Петербурге; в Петербурге же закончил Училище Правоведения. Занимал ряд видных должностей. Еще в этот, светский период своей жизни христианство, православие он осознал как источник истины. Годы мировой войны, революции, гражданской войны еще больше укрепили его религиозность и предопределили его дальнейшую жизнь и деятельность. В 1925 г. в Риге он был рукоположен арх. Иоанном (Поммером) во священники и назначен настоятелем храмов рижского Троице-Сергиева монастыря. Священник, законоучитель, он находил время и для участия в русской общественной жизни. Он стал председателем русской секции "Недели духовного оздоровления", принимал участие в религиозных беседах в рижской Всесвятской церкви на Московском предместье, в месте скопления русского населения (по вторникам), читал лекции на религиозно-философские темы в Христианском Союзе Молодых Женщин и в Обществе русских эмигрантов (по понедельникам и средам), проводил беседы с чтением житий святых в монастыре (по воскресеньям). Кроме того, он редактировал "Детский уголок" в журнале "Перезвоны", сборники для детей и юношества, изд. а/о "Саламандра", "Родина" (1926), "Русь", посвященные Дням русской культуры, был сотрудником газеты "Слово".

Участвовал о. М. Бурнашев и в собраниях латышского (лютеранского) студенческого кружка.

Деятельность о. М. Бурнашева, священника и общественного деятеля, продолжалась всего три года. В ночь на 17 января 1928 г. он скончался. Похоронен он на рижском Покровском кладбище, на кладбищенском участке монастыря. На его могиле был установлен деревянный крест

с надписью: "Протоиерей Михаил Николаевич Бурнашев, 11. III. 1882 - 17. I. 1928".

Рядом с этой могилой могила схиигуменьи Евгении (Постовской, 10. III. 1864 - 10. III. 1948).

Некролог, написанный Н. П. Литвиным и напечатанный в "Вестнике", заканчивался словами: «Вечную молитвенную память о нем, как о бескорыстном труженике и добром сеятеле на ниве Христовой, сохранят благодарные члены кружков и все те, кому в жизни пришлось с ним встретиться». [25]

1928 год

Н. П. Истомина-Буковская в своих воспоминаниях рассказывает о событиях 1928 г. в жизни и работе рижских религиозных кружков.

«Пока у нас не было своего помещения наш (студенческий) кружок собирался в помещении YWCA. Часто происходили по разным поводам и общие собрания кружков. Так, например, 4 января 1928 года приват-доцент В. В. Преображенский на общем собрании кружков прочел доклад на тему "Наука и религия"; 26 января 1928 г. приехавший в Ригу проф. В. В. Зеньковский, также в помещении YWCA, прочел доклад на тему "Христианское возрождение среди интеллигенции", после которого состоялась беседа. Перед тем В. В. Зеньковский в помещении Русского клуба прочел три лекции на религиозно-философские темы. Тогда же, в январе 1928 г., в Ригу приезжала С. М. Зернова, и в помещении YWCA состоялось общее собрание кружков с участием обоих гостей, с чаепитием. В один из вечеров я встретилась с Софьей Михайловной и мы провели долгое время в задушевной беседе».

Сама С. М. Зернова так рассказывала о встрече В. В. Зеньковского с рижской русской молодежью:

«Я торопилась попасть вовремя в Ригу, чтобы застать там еще проф. Зеньковского и присутствовать на собрании всех кружков. Собрание прошло очень оживленно, в нем

отец Михаил Бурнашев
(1882–1928)

Встреча проф. В. В. Зеньковского на рижском вокзале (1928 г.)

принимали участие все 3 кружка, состоящие в Движении и приглашенные ими, - всего до 150 человек. После доклада Василия Васильевича о задачах русской молодежи, аудитория обращалась к профессору Зеньковскому с таким количеством разнообразных вопросов, что после окончания прений казалось, что не осталось ни одного вопроса, которого бы мы не коснулись. Мы рассмотрели наше прошлое, настоящее и будущее, уяснили разницу между католичеством, протестантизмом, сектантством, теософией и православием и наметили пути работы для русской молодежи. После доклада был чай только для членов кружка, во время которого мы наметили устройство первого прибалтийского съезда Движения.

Связь наша с Ригой особенно укрепилась после приезда двух делегатов в прошлом году на съезд в Клермон. Кроме кружков Движения там существуют еще кружки девочек, собирающиеся при Христианском Союзе Молодых Женщин. В Риге сильно и правильно развита общественная жизнь.

Православная и старообрядческая молодежь только начинает подходить друг к другу, но в их окончательной встрече лежит залог их общего богатства.

После Риги я поехала на один день в Юрьев». [26]

на фотографии (стр. 56) :

ПЕРВЫЙ ПРИЕЗД В. В. ЗЕНЬКОВСКОГО В РИГУ.

слева направо : **Александр Иосифович Беервальд, Александр Михайлович Петерсон, Иван Петрович Тутышкин, Федор Федорович Цвирко, Борис Евланов, Василий Васильевич Зеньковский, Надежда Павловна Истомина, Николай Петрович Литвин, Тамара Федоровна Баймакова, Иван Никифорович Заволоко и двое неизвестных, пожелавших примкнуть к фотографирующимся.**

проф. С. Л. Франк на встрече с членами кружков РСП Единения в Риге, март 1928 г.

В 1928 г. состоялось также выступление с лекциями в Риге проф. Семена Людвиговича Франка. В Хронике жизни РСХД мы читаем: «Поездка в Прибалтику В. В. Зеньковского, С. М. Зерновой и С. Л. Франка внесла большое оживление в жизнь кружков. "Спасибо Василию Васильевичу и Софье Михайловне, – пишет один из членов рижского кружка, – за посещение наших краев; многое они нам поведали, много сделали, так что в письме и не опишешь всего. Всколыхнули души уснувшие, подогрели души засыпающих. Но все-таки после их отъезда грустно стало, нет у нас в Риге человека, который бы мог поддержать ту искорку...". »

Однако пессимизм напрасен. Жизнь показывает, что в прибалтийских кружках, и среди старших, есть люди с пламенной верой, готовые поддержать начатое дело.

Н. П. Литвин пишет: «Кружки вступают в новый период своего существования, период более жизненный и деятельный; они идут по пути сближения и объединения, для совместной плодотворной работы.

До сих пор работали 3 кружка в Риге, один в Ревеле, один в Юрьеве, но в самое последнее время возникли еще и новые кружки.

Перед кружками в Прибалтике поставлена большая и ответственная задача – созвать первый Студенческий съезд в Прибалтике. Кружки усиленно работают над осуществлением этой задачи. Многое уже сделано. Намечено место и время съезда, разрабатывается программа. Съезд состоится в начале августа в пятидесяти километрах от Риги, в старом православном женском монастыре – Преображенской Пустыни.

на фотографии *(стр. 58)* :

Проф. С.Л. ФРАНК НА ВСТРЕЧЕ С ЧЛЕНАМИ КРУЖКОВ РСП ЕДИНЕНИЯ (4 марта 1928 г.)
Рядом с проф. С. Л. Франком справа Тамара Федоровна Баймакова, слева – Николай Алексеевич Белоцветов.

По требованию латвийского правительства, кружки в Риге должны были легализоваться и получить утверждение своего устава. В последние дни эта легализация уже состоялась и объединение кружков зарегистрировано как юридическое лицо под именем: "Православного Студенческого Единения в Латвии"».[27]

Н.П. Истомина-Буковская в своих воспоминаниях сообщает: «Со времени приезда в Ригу проф. В. В. Зеньковского существовал Деловой комитет, который объединял деятельность всех наших кружков.

Когда было организовано наше Русское Православное Студенческое Единение, необходимость в Деловом комитете отпала и правление Единения решило его ликвидировать, поскольку все деловые функции переходили к правлению нового общества. Это затрагивало интересы кружка "взрослых" - "Креста Господня". Им предложили юридически быть членами-соревнователями, но они не соглашались, так как считали, что это ограничение их прав. Однако такое решение было правлением принято и общее собрание членов Единения его утвердило.

Бессменным председателем Единения все эти годы был Н. П. Литвин, но все дела обычно обсуждали мы втроем - Литвин, Димитрий Буковский и я. У нас было полное взаимопонимание.

Так было до осени 1929 г., когда мы с Димитрием поженились и уехали в Даугавпилс (Двинск), где Димитрий получил должность по службе».

О возникновении Русского Студенческого Христианского Движения в Латвии написал свои воспоминания по моей просьбе и Димитрий Владимирович Буковский: «В двадцатые годы, в Риге, в русском обществе шла очень активная духовная жизнь. Это произошло в результате революции в России, когда цвет русской интеллигенции, в результате разрухи, голода, прямой опасности жизни, устремился на Запад. Те, кто бежал с Белой армией через Константинополь, попали в Чехию, Югославию и, наконец, в Париж, а те, кто бежал поближе, прямо через границу, под всякими предлогами (гастроли, посещение родных

Николай Петрович Литвин

мест и т. д.) часто оседали у нас, в Риге, или обогащали местное общество своим культурным вкладом проездом. У нас, например, дирижер Эмиль Купер познакомил рижан со всем богатством русской и иной оперной музыки, в опере гастролировал Собинов, Нежданова, в балете Карсавина, здесь осели художники Богданов-Бельский, Виноградов, Высоцкий, гастролировали известные артисты театра, концертировал Игорь Северянин и т. д. Между прочим, тогда стали популярны и выступления с лекциями известнейших русских ученых - Кизеветтера, Милюкова, Вергуна, Мякотина, Випперов и т. д. Очень популярны были и лекции (обычно циклами) профессоров-философов религиозного направления - Зеньковского, Бердяева, Франка и других.

Первоначальницей дела Студенческого кружка Движения здесь надо считать Надежду Павловну тогда Истомину, а теперь Буковскую. Дело было так. В марте 1927 г. страны лимитроф объезжала секретарь РСХД С. М. Зернова с целью наладить здесь религиозную работу среди русских; 28 марта она в YWCA встретилась с Надеждой Павловной на каком-то собеседовании. YWCA, в отличие от YMCA, занималась не только спортом и гимнастикой, но и какими-то попытками культурной работы и имела специального русского секретаря, Т. Ф. Баймакову. У С. М. Зерновой завязалась беседа с Н. П. Истоминой и состоялось несколько встреч, которые настроили Н. П. на стремление организовать религиозный кружок, хотя конкретно, как это сделать, она в то время понятия не имела. Да и вообще в религиозных вопросах, как и большинство тогдашних девушек, не говоря уже о современных, ориентировалась весьма слабо.

В начале апреля в Ригу приехал с лекциями профессор Бердяев. Как в Риге было принято, после заключительной лекции был в его честь устроен чай с собеседованием в помещении YWCA. И там профессор поставил тот же вопрос, что и Зернова, - об организации религиозного кружка. Публика, понятно, сначала к этому отнеслась настороженно ("ни да, ни нет") и все начали расходиться. Я там тоже был.

Оказалось, что было условлено: запись в организуемый кружок проведет Н. П. Литвин. Но он, по нерешительности своего мягкого характера (м. б., правильнее сказать - по своей скромности - *Б. П.*), не смог этого сделать, и тогда (я сам видел) Надежда Павловна, уже в гардеробе, вскочила на стул, чтобы овладеть аудиторией, и призвала записываться в кружок, а если кто хочет подумать, то пусть обращается к Т. Ф. Баймаковой.

Вот на этой-то встрече я первый раз обратил внимание на свою будущую жену - на ее манеру слушать, на ее внешний вид и поведение, на ее волевую натуру и ... записался в кружок.

Первое собрание у нас прошло как-то бестолково, во-первых, в таком серьезном деле не было компетентного руководителя, а, во-вторых, собрались сначала очень различные люди - от "ревнителей" до просто атеистов. Удивительно, что при такой обстановке кружок не распался, а постепенно начал все же работать нормально над разбором Евангелия от Луки, причем докладчиками были по очереди все члены кружка.

В сентябре 1927 г. два члена кружка, Н. П. Истомина и Н. П. Литвин, были приглашены во Францию на годичный съезд Движения в Клермоне (за счет Движения), и это, понятно, сильно стимулировало работу кружка, не давая ей заглохнуть.

Надо еще сказать, что, независимо от нашего Студенческого кружка, в Риге организовалось еще два кружка взрослых, под руководством священника монастыря о. Бурнашева, и гимназический - девичий, под руководством историка В. Преображенского.

Формально оба кружка не могли войти в движенскую работу, как нестуденческие, но фактически начались взаимные контакты и дело завершилось 4 декабря 1927 г. общим собранием в монастыре, с молебном и чаем.

Надо сказать, что название "студенческое движение" по традиции перешло из дореволюционной России, фактически же и на Западе студентов в Движении было мало, и поэтому и на рижан-нестудентов в Париже косо не смо-

трели. Но у нас это все же приобрело большое значение. Когда, уже в 1928 г., встал вопрос о легализации Движения (чем я, как юрист, лично занимался), то Окружной суд, регистрирующий устав, не пропускал его, требуя полноправного членства только у студентов. Сначала очень трудно было даже в правление набрать достаточно студентов. Члены старшего кружка очень обидчиво относились к своей неполноправной роли, хотя практически их ни в чем не ущемляли.

Хочу еще добавить, что при регистрации Движения в Латвии, в отличие от Парижа, мы выбрали название "Русское Православное Студенческое Единение", во-первых, подчеркивая не его общехристианскую направленность, а именно русскость, связанную неразрывно с православием, а во-вторых, считая, что организация-общество не может называться движением, а должна иметь стабильность и в названии. В России движение было интерконфессиональное, руководимое лютеранами, бароном Николаи, и тогда это было приемлемо. После революции, да еще среди иноверцев (в Латвии - лютеран) чувствовалась необходимость подчеркнуть свою национальность и своеобразие религиозного пути.

В начале 1928 г. Ригу посетили проф. Зеньковский и С. М. Зернова. Тогда был поставлен вопрос об организации летом Первого Прибалтийского съезда РСХД. Было решено провести съезд в Преображенской пустыни под Елгавой».

Первый съезд РСХД в Прибалтике

Далее в своих воспоминаниях Д. В. Буковский пишет: «В конце весны, при полной распутице, мы втроем - Н. П. Истомина, Литвин и я - отправились в Пустынь для проверки на месте возможностей организации съезда. Дело в том, что существовавший в дореволюционное время монастырь там совершенно заглох, здания развалились, и монахини, как я понял, находились там лишь летом, и то в числе лишь нескольких. Так что о монастыре с полным хозяйством говорить не приходилось.

Эта поездка оставила большое впечатление, особенно деревянный храм среди сосен и одиночные полуразрушенные келии вокруг, так в моем воображении воскрешавшие какой-то отблеск обители св. Сергия, - одиночество, лес, бедность, и над всем духовная сила Христовой церкви. Ночевали в этих кельях, прикинули, где и как разместить съезд и как питать приехавших.

Сами мы приехали и уехали пароходом, так как дороги были затоплены, да и другого транспорта не было.

Съезд происходил в августе с 1-го по 6-ое. Накал духовности был очень большой. Во-первых, его задал Г. Г. Кульман, с огромным подъемом возносивший православие, и затем о. Лев Липеровский. От обоих участники съезда не отставали в разрешении своих вопросов. А их было без конца, поскольку для большинства это была первая встреча с живым христианством, с православием не как только казенным бытом, а смыслом жизни, и все это на фоне природы и "сергиевского" монастырька. Это, безусловно, было не только мое личное переживание. Думаю, что многие первый раз тогда по-настоящему молились».

О съезде в Преображенской пустыни написал статью Л. А. Зандер — "В тихом скиту (Съезд в Преображенской пустыни)". Привожу отрывки из этой статьи. [28]

В эпиграфе к статье Л. А. Зандером приводятся следующие слова: «Иже древле расточенные, яко орел птенцы под криле собираша людие своя, сей ныне на духовное

Первый съезд РСХД в Прибалтике , август 1928 г.

на фотографии (стр. 66)

Общая группа участников Первого съезда РСХД в Прибалтике, Преображенская пустынь, под Митавой (Елгавой), август 1928 г.

Среди участников - сидят в первом ряду, на земле, слева направо : 2. С. Леппер. 3. Н. Шишаева. 5. Н. В. Маслова. 8. Т. Е. Дезен. 9. Н. А. Мигуева – из Таллина и Тарту.

Второй ряд, слева направо : Е. М. Тихоницкий (второй, далее подряд) – Л. А. Зандер, прот. И. Богоявленский, прот. Пятницкий, прот. И. Янсон, В. В. Зеньковский, диакон Л. Н. Липеровский, Г. Г. Кульман, Е. А. Македонская (Рига), Н. П. Истомина(Рига), А. И. Драгунова(Рига).

Третий ряд : 2. Ф. Ф. Цвирко (Рига), Л. Л. Рейнвальд (Таллин). 5. Г. Зайц (Рига), Т. Д. Эренштейн (Рига). 10. И. Г. Блюменталь (Рига), А. Я. Смирнова (Таллин), А. И. Беервальд (Рига), Добровольский (Рига).

Четвертый ряд : 4. Н. П. Литвин (Рига), далее подряд: Т. П. Бежаницкая (Тарту), Ю. С. Белоцветов (Рига). 10. Р. В. Вильде (Рига). 11. А. Жаворонкова (Финляндия).

Пятый ряд : А. Н. Шалин (Рига), Н. Д. Беервальд (Рига), 4–5. Мильда Ивановна и Мария Ивановна Миезис (Рига).

Среди участников группы: Н. Нарциссова (Тарту), Е. Н. Полонская (Польша).

торжество собирает нас: придите убо возрадуемся Господеви» (“Канон благоверному вел. кн. Александру Невскому“, Икос 2-ой песни).

Далее Л. А. Зандер пишет: «На опушке леса большая деревянная церковь - сруб из нетесаных бревен с голубым куполом, крест которого теряется в ветвях сосен... Это наш Синай, ибо церковь посвящена Иоанну Лествичнику, его образ украшает иконостас, его имя поминается на всех службах, трапезах, отпустах.

Немного поодаль от Синая стоит другой храм - Преображения Господня - маленькая, светлая каменная церковь. Ее сквозистая колокольня, ее легкий воздушный контур как бы подымают нас над землей и явственно говорят, что скорбный путь Лествицы - весь подвиг труда и поста - только путь к преображению плоти, к святости, к Богу.

И вот здесь, “между Синаем и Фавором“ - на лоне родной северной природы и в храме, переносящем в древнюю Русь, - имел место наш первый съезд - съезд РСХД в странах Прибалтики. Нас было не очень много: около 60 человек; из Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Финляндии. Среди нас были представители старых кружков, вполне сложившихся, имеющих свою традицию и историю, но были и новички, которые в первый раз встретились с Движением, вдохновились его идеей и разъехались на места пионерами нового дела.

Высокопреосвященнейший Иоанн посетил нас в последний день съезда (6 августа) и в прекрасной проповеди высказал свою точку зрения на Движение: он видит в нем пробуждение русского общества к церковной жизни, стремление молодежи вновь обрести источники живой воды и подлинного благочестия, от которых берут свое истинное начало всякая культурная работа, научное и художественное творчество, здоровая общественная жизнь.

Протоиерей Кирилл Зайц и протоиерей Иоанн Янсон, бывшие на съезде и отдавшие ему много времени, внимания и любви, являются старыми друзьями кружков. Посетил съезд также протоиерей Пятницкий — настоятель

митавского собора, в сопровождении своего диакона, принявшего на себя руководство нашим хором.

Представителем духовенства Эстонии был прот. Иоанн Богоявленский - настоятель ревельского собора, известный в эмиграции учебником Закона Божия. (Позже епископ Исидор, ректор Духовной Академии в Ленинграде - *Б. П.*). Ему мы обязаны не только молитвенной помощью и живым участием во всех беседах, собраниях, кружках, но и вдохновенными проповедями, которые он произносил за каждой литургией.

Дорогими гостями были мать игуменья Евгения и ее помощница, мать Никона. Приехавший из Польши о. иеродиакон Игнатий Озеров приветствовал съезд от имени митрополита Дионисия. Письменные приветствия прислали митрополит Александр Эстонский и епископ Иоанн Печорский.

Среди остальных гостей-друзей Движения, посетивших съезд, нужно отметить Е. М. Тихоницкого, В. В. Преображенского, прочитавшего на съезде доклад о значении для религиозной работы и жизни изучения церковной истории; представителя Латвийского Союза Молодых Людей г. Фридрихсена и представительниц Христианского Союза Молодых Женщин - Т. Ф. Баймакову и Э. А. Карафин, секретаря латышского Студенческого Движения Р. А. Ванага, руководителя староверческого Кружка ревнителей родной старины И. Н. Заволоко и многих других.

Расписание времени съезда было обычным: утром литургия, затем чай, кружки, доклад, прения, обед. После обеда свободное время до 4 часов; затем чай, вечернее заседание, ужин, вечерня, после которой по правилу полагался сон, а в действительности были бесконечные разговоры.

Кружками руководили В. В. Зеньковский (апологетические темы: знание и вера; чудо; происхождение мира), о. Л. Липеровский (евангельские темы) и Л. А. Зандер (религиозно-философские темы: диалектика романа “Братья Карамазовы“, как жизненно-философский путь к церкви).

Кружки были на редкость оживленны и интересны. Их участники принимали самое живое участие в работе, и не только в форме классических "вопросов и недоумений", но и активно: отстаивали свои точки зрения, высказывая собственные мнения. Эти беседы дали нам возможность ближе познакомиться с молодежью прибалтийских стран. Там было гораздо больше настоящих студентов, чем это бывает на наших эмигрантских съездах - и это очень отзывалось на психологии: научные вопросы занимали весьма значительное место, проблема отношения религии и науки интересовала не только сама по себе ("не противоречит ли религия науке"), но, главным образом, в своих конкретных применениях, более специальных случаях ("как относится христианская этика к натуралистической социологии Петражицкого"; "какое место занимает понятие чуда в логике естественно-научного мышления" и т. п.). Чувствовалась работа мысли, проблематика, рождаемая в университетских аудиториях, оперирующая научными понятиями, но еще мало знакомая с жизнью.

Доклады, прочитанные на съезде, не составляли единого цикла и были посвящены различным вопросам. Общим было в них только стремление осветить с православной точки зрения разнообразные жизненные проблемы.

В. В. Зеньковский в речи о Святой Руси говорил: Св. Русь не есть историческая реальность, и никакая бытовая стилизация, никакая романтическая реставрация не может поднять со дна Светлоярского озера затонувший в нем Китеж. И однако - он сияет нам своими подводными куполами и зовет нас не к мечтательной грусти, не к романтическим воздыханиям, а к трезвому и бодрому строительству новой жизни. Здесь рождается проблема православной культуры.

Второй доклад В. В. Зеньковского был посвящен вопросу семьи и брака: христианство не только принимает и благословляет любовь и брак, но ставит им определенные требования и тем выводит их из натурального ряда, придает им значение великой тайны и религиозного служения.

Руководящим здесь является закон креста, требование вольной жертвы, придающей всякому человеческому общению религиозный смысл, превращающий его в домашнюю церковь.

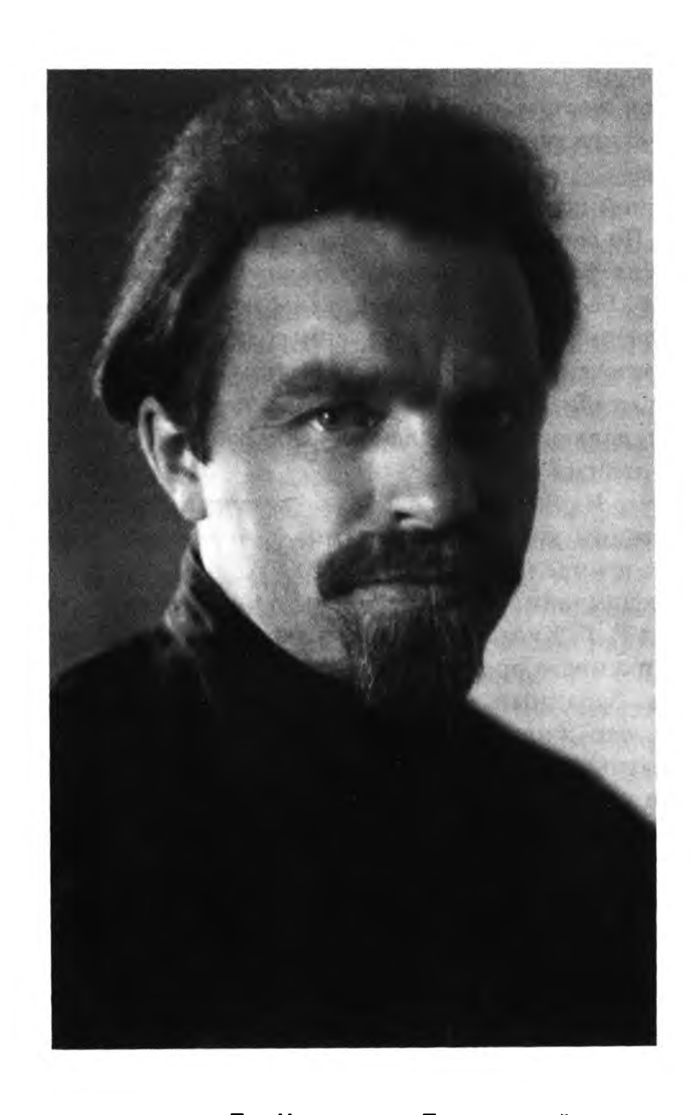
Темой доклада Л. А. Зандера было “современное общество“. По своей структуре и законам, действующим в нем, оно является прямою противоположностью евангельскому идеалу. Бессильны куцые идеалы солидаризма, социального воспитания, государственных реформ и социальных преобразований. Единственным путем является внутреннее преображение человека, выводящее его за пределы самого себя и делающее его членом великого вселенского общества - церкви.

Отец И. Янсон говорил о божественной литургии как средоточии церковной жизни и источнике духовного начала в мире.

Чрезвычайно сильное впечатление на всех произвел доклад Г. Г. Кульмана “Православие и западный мир“. Мы видели живого представителя Запада, несущего к нам свою скорбь. Западный мир переживает духовный кризис; кажется, что живое христианство совершенно вытеснено в нем научной рефлексией и социальной организацией. Но в огне мировой войны уже родилась такая жажда Бога, которой еще не знала история. И только православие способно дать западному человеку ту конкретную духовность, тот живой опыт благодатной жизни, то церковное освящение его существования, по которым тоскует душа ... ».

В последний день съезда отец Лев (диакон) Липеровский сделал подробный доклад о целях и задачах Движения. Это заседание происходило не в помещении, а на “Божьей горке“, около кладбища, вне ограды монастыря. Речь его была вдохновенной.

“Жизнь, смерть и снова жизнь“, - так о. Лев Липеровский кратко сформулировал содержание своего доклада. Для о. Льва Липеровского пребывание на съезде РСХД в Преображенской пустыни связалось с острым чувством “родной почвы“. Он вспоминал:

диакон Лев Николаевич Липеровский

«Во время Великой войны здесь находились позиции русской армии и как раз ближайшие к монастырю окопы занимал 45-ый Сибирский полк, в котором я состоял полковым врачом.

У самого храма теперь возвышаются могильные холмики, среди которых, по накрестным надписям, мне удалось найти своих однополчан. Здесь покоятся кости близких, родных офицеров и стрелков, с которыми в течение войны было пережито так много сильного, грозного и тяжелого. С отчетливой ясностью, как будто это было только вчера, воскресли воспоминания полковой жизни. Вспомнился и тот страшный бой в июле 1916 г. - наше наступление на Митавском и Бауском направлении, когда полк, потеряв убитыми и ранеными около 2/3 своего состава, был отведен в резерв. В те дни, перевязывая раненых, наши руки не высыхали от крови и гноя; вспомнились десятки и сотни умирающих стрелков, поручающих нам передачу последних приветствий их детям и женам; наконец, наш удивительный, самоотверженный, всегда жизнерадостный батюшка, о. Василий Фортунатов, никогда не отлучавшийся от больных и раненых и вскоре сам убитый разорвавшейся над нашим околотком гранатой.

Теперь вся эта жизнь и смерть ушли далеко, как будто это кем-то рассказано, но никогда в действительности не было. Но нет! Перед нами реальная, истинная почва, земля, обильно политая русской кровью и усеянная русскими костями.

Теперь здесь новая, молодая жизнь. В маленьком деревянном храме сегодня молятся не сибирские стрелки, а русские студенты, собравшиеся на религиозный съезд из Риги, Митавы, Двинска, Юрьева, Ревеля, Нарвы, Печор, Львова, Гельсингфорса. В душе еще звучит пение мощного солдатского церковного хора, но его уже покрывает хор студенческой молодежи.

В сосновом лесу нет боевой тревоги, нет ружейного огня; группы студентов в перерыве между докладами съезда бродят среди вековых сосен, обсуждают строительство христианской жизни. Закроешь глаза и думаешь - вот,

вот сейчас прожужжит неприятельский снаряд и вызовут перевязывать раненых. Но - нет. Все тихо в лесу, ласково светит заходящее солнце, звонят ко всенощной и молодежь собирается в храм. Как понять такую смену действительности? Есть ли связь между бывшим и настоящим? Или жизнь есть разорванные клочки?

В дни съезда, особенно во время богослужений, когда в пении и чтении молодежи слышалась пламенная молитва - становилось ясно, что, как 10, 15 лет тому назад, так и теперь продолжается одна и та же духовная борьба и приносятся жертвы во имя Любви.

Пусть не говорят нам, что все жертвы были принесены напрасно: ни одна капля слез, ни одна самая малая жертва не пропадет у Бога, а на этом месте и в этом храме были принесены бесчисленные жертвы Богу во имя Любви.

Невозможно заглянуть в будущее. Но если иногда удается в своей памяти ясно воспроизвести прошедшее, умом и сердцем перенестись на несколько лет назад, то, глядя оттуда, современная жизнь кажется "ясно читаемым будущим". Тогда связь "нового и старого" становится понятней, бремя времени преодолевается, жизнь ощущается как нечто цельно-единое, власть прошлого слабеет.

Любовь, которая горела в сердцах множества русских воинов, отдавших свою жизнь во имя Бога для Родины, и та жаждущая подвига любовь, которая загорается в сердцах нашей молодежи - смыкает "старое" и "новое" и льет яркий свет на современную нашу действительность, осмысливает нашу жизнь и труд.

Прибалтика имеет поле непосредственного соприкосновения с враждебным лагерем активных и организованных безбожников. В Риге, на московском предместье, находится центр безбожной пропаганды, там работают антирелигиозные кружки молодежи. Местный общественный деятель, доктор Я[нковский], настойчиво призывает Движение помочь ему в борьбе с антирелигиозниками, и Движение, конечно, отзовется на этот призыв». [29]

После Первого съезда

30 августа 1928 г., перед возобновлением работы кружков после летнего перерыва, рижское Единение созвало всех своих членов на общую молитву. Прот. Иоанном Янсоном был отслужен молебен в храме Троице-Сергиевского монастыря, с участием прот. Р. Пассита и в сослужении двух диаконов. Затем в зале монастырской школы, за чашкой чая, состоялась беседа. Было намечено расширение деятельности Единения: начать религиозно-педагогическую деятельность среди подростков, петь на клиросе в кафедральном соборе на ранней литургии, подготовлять доклады для самостоятельных выступлений.

С осени 1928 г. в рижской городской русской (Ломоносовской) средней школе возник юношеский кружок религиозно-философского направления, а также религиозный кружок в Двинске (Даугавпилсе).

В сентябре, с 10-го по 16-ое, во Франции, в замке Савез, под Амьеном, состоялся Шестой общий съезд РСХД. В съезде участвовали делегатами от Латвии Д. В. Буковский и Е. А. Македонская; от Эстонии - Тамара Павловна Бежаницкая (позже - Лаговская, Милютина).

Тамара Павловна Бежаницкая в своих воспоминаниях писала: «После съезда к нам - рижской студентке Жене Македонской и ко мне - подошел профессор Федотов, протянул ключ от своей квартиры и сказал, что его семья уже на даче и он уезжает - квартира две недели будет совершенно пуста и мы можем в ней жить, чтобы посмотреть Париж. Вот было чудо. Денег у нас было маловато, в гостинице мы жить не смогли. Для нас это было большое благо. Так для меня Георгий Петрович Федотов и остался чутким, деликатным, нежным и внимательным. И как странно мне было потом слышать о нем, да и самой видеть его в споре. Оказывается, он считался самым колючим. Никто не был так резок и беспощаден».

На этом съезде местным секретарем для Прибалтики был выбран Л. А. Зандер, а в члены Совета Движения - от

съезда прот. Иоанн Янсон, от Латвии - Н. П. Литвин и, кандидатом, Е. А. Македонская, от Эстонии - В. А. Барабанова (Дезен) и, кандидатом, Т. Е. Дезен.

По возвращении делегатов Единения из Франции было созвано общее собрание членов Единения. На собрание пришло и много посторонних, заинтересовавшихся Движением. Д. В. Буковский и Е. А. Македонская выступили с рассказом о съезде. В своих воспоминаниях Д. В. Буковский по поводу съезда в замке Савез писал: «В сентябре 1928 г. я был на общедвиженском съезде во Франции, в Савезе, и там вошел в курс общедвиженских проблем. На том съезде это был вопрос о работе Движения. "Ревнители" отстаивали строгий порядок работы библейских кружков, отрицая работу вне кружков - клубную, с юношами и девушками, социальную, с детьми, и т. д. Руководство и большинство участников съезда высказалось за эту работу, считая, что она естественно вытекает из внутренней потребности и что ее нельзя запрещать, а надо стимулировать, несмотря на известную опасность "обмирщения". С этой проблемой столкнулись и мы в Риге, когда получили квартиру в приходском доме Благовещенской церкви.

Туда повалило много любителей клубной работы. Многие (в том числе мои братья) забросили все, ежевечерне посещая клуб, играя в разные игры и т. д., в ущерб своим личным занятиям - учебе, и в ущерб кружковой работе. Но плюсы были тоже огромные - масса молодежи нашла место для культурного досуга и втягивалась в религиозную работу хотя бы косвенно. Массовость участия молодежи проявилась уже потом, на съездах, в последующие годы, особенно в Лоберже».

Тургеневская, №21[а].

1 ноября 1928 г. состоялось освящение и открытие собственного помещения РСП Единения в Риге. Событию этому была посвящена статья в газете "Слово". Приводим выдержки из этой статьи:

«1 ноября состоялось освящение нового помещения Русск. Христ. Студ. Единения в Риге (Тургеневская 21-а, кв. 8), где найдут себе приют все кружки Русского Христианского Движения, как существующие, так и вновь образующиеся в настоящее время в среде студенческой и вообще в среде русской молодежи.

Освящение совершил владыка Иоанн в сослужении с протоиереями о. К. Зайцем, о. И. Янсоном, о. Н. Тихомировым и о. Р. Пасситом, протодиаконом К. Дориным и диаконом, секретарем Русск. Христ. Движения, доктором Л. Липеровским.

Пел хор участников и участниц Движения. Владыка Иоанн сказал глубокое слово, внушая молодежи, что она, вступив теперь на путь христианского просвещения, может от своего имени с верой и надеждой произносить слова писания: "Се ныне время благоприятное, се день спасения". Слово владыки закончилось благословением иконою Спасителя и Собора святых. (В настоящее время икона хранится у меня).

За чаем председатель правления Единения, студент Н. П. Литвин, познакомил гостей с работой Единения и других кружков христианской молодежи в Риге, а д-р Липеровский - с историей Движения вообще.

От имени русской печати приветствовал кружок С. А. Белоцветов, отметивший в чисто христианском Движении здоровую русскую национальную струю, поскольку Движение стоит на почве православия, тесно связанного со всей русской культурой, с самим построением государства русского.

От имени Христианского студенческого общества в Латвии выступил студент Муйжнек, от имени Духовной семинарии - ректор ее, прот. И. Янсон, от Иоанновского общества трезвости д-р Янковский, от женского монастыря - прот. Р. Пассит. Общество русских студентов Латвии прислало приветствие.

По уходе владыки и гостей молодежь еще долго оставалась в новом своем очаге, делясь впечатлениями».

Освящение помещений Единения (1 ноября 1928 г.)

Председателем на год был выбран Н. П. Литвин, товарищем председателя Д. В. Буковский, секретарем Ф. Ф. Цвирко, помощником секретаря П. Буцен, казначеем Г. В. Зайц. Студенты Литвин, Цвирко, Буцен, Зайц были иподиаконами кафедрального собора. Это и была “группа Литвина“, о которой упомянула в своих воспоминаниях Н. П. Истомина.

В тот период в Риге работали следующие кружки: имени Креста Господня; Христианство и современность; Кружок имени профессора Болотова; Кружок при Ломоносовской гимназии; Кружок студентов Православной семинарии.

Большую помощь Единению оказывал в это время отец Л. Липеровский, пробывший в Риге около трех месяцев.

Помещение Единения состояло из четырех комнат: “правленской“, где происходили заседания правления, большой комнаты-зала, двух комнат, где проходили собрания кружков. Была и большая кухня, где ставился самовар и готовились бутерброды для чаев. При доме был большой двор, где проводились спортивные игры. С водворением в доме Единения, с многочисленными посетителями, неизбежным шумом, гамом, хлопаньем дверьми, криками и ударами мяча на дворе, тишина в доме, покой жильцов, конечно, были нарушены. Но за все существование Единения в этом доме в течение шести лет со стороны настоятеля Благовещенской церкви, проживавшего в этом доме, других соседей Единения не последовало ни одного замечания. Более нетерпеливы были участники некоторых кружков самого Единения.

На фотографии (стр. 78)

в центре, слева направо : **Надежда Македонская, диакон Н. Чертков, диакон Лев Липеровский, Николай Литвин, прот. Николай Тихомиров, Зайц, архиеп. Иоанн, протодиакон Константин Дорин, иподиакон Федор Цвирко, прот. Кирилл Зайц, прот. Роман Пассит, прот. Иоанн Янсон, Александр Беервальд, протодиакон Василий Мельников, Семен Варфоломеев, Елпидифор Михайлович Тихоницкий.**

Приезд в Прибалтику Л. А. и В. А. Зандеров

В начале 1929 г. приехали в Ригу и поселились здесь Лев Александрович Зандер, секретарь РСХД, и Валентина Александровна Зандер, жена Льва Александровича, оба выдающиеся деятели Движения.

Л. А. Зандер (19. 2. 1893–17.12.1964) был образованнейшим, очень одаренным, энергичным, предприимчивым человеком, часто веселым, большею частью легким, просветленным, любящим. Прекрасно владел иностранными языками. Увлекался фотографией. У него даже были визитные карточки: профессор-фотограф. Его научные занятия в основном были связаны с творчеством Ф. М. Достоевского и отца Сергия Булгакова.

В годы его пребывания в Риге деятельность Русского Студенческого Православного Единения не только расширилась, но значительно возрос ее уровень, возникли новые формы работы. Значительна была роль Л. А. Зандера и во влиянии на личное развитие многих участников Движения в Латвии и Прибалтике. Его лекции, рассказы, беседы, его неподдельный интерес к жизни молодежи, к проявлениям всего хотя бы мало-мальски значительного в этой жизни, способность все понять и осветить изнутри, его собственный интеллектуальный и духовный уровень, — всё это помогало становиться лучше, серьезнее, свободнее от пустяков, всевозможной мелочи.

Закончив свою работу в Прибалтике, он вернулся в Париж, стал снова преподавателем Богословского института и финансовым секретарем РСХД, объездил много стран с хором Института и выступал с лекциями о православии и русском церковном хоровом пении, стал выдающимся деятелем экуменического движения.

В 1960 г. ему была присвоена степень доктора honoris causa в Богословском институте и степень доктора богословия при университете в Марбурге.

Скончался он в поезде от сердечного припадка, при возвращении из одной из своих поездок, за полчаса до прибытия поезда в Париж.

Лев Александрович Зандер

Значительное влияние на многих членов Единения оказала и Валентина Александровна Зандер (1893–7.5.1989), человек тихий, ясный. В каждом ее слове, в каждом взгляде, как определила одна из участниц Единения, Маргарита Ион, была ласка. Она была наделена даром и опытом глубокой религиозности. Была автором работы о русских православных церковных братствах. [30] В Прибалтике ею была написана статья – о символике иконы Троицы Андрея Рублева, – опубликованная в 1931 г. в парижском журнале "Путь". [31] Скончалась она в глубокой старости – на 96-м году жизни. Она хотела умереть в дни Пасхи и умерла в воскресенье недели о Фоме.

Привожу отрывки из хранящегося у меня письма Л. А. Зандера к Т. Д. Эренштейн-Литвиной. Письмо написано из Парижа в Ригу в тридцатые годы. Сохранилось оно не полностью.

«Дорогая Тамара! Большое спасибо за Ваше письмо, которое было для меня подлинной радостью.

Недавно Вас. Вас. (Зеньковский – Б. П.*) рассказывал у нас в небольшом кружке лиц, знакомых с Прибалтикой, о своих впечатлениях во время поездки в Ваши края – и с новой силой нахлынули все впечатления, среди которых превалировало одно – как мы Вас любим, как вы нам дороги, насколько мы близки Вам – несмотря на дальность расстояния, перерыва в переписке и т. п. ... Вас. Вас., между прочим, развивал план поездок из Прибалтики сюда – мысль, о которой я говорю уже много лет. М. б. и Вам удастся навестить нас. Вот было бы хорошо.*

Обращаюсь теперь к Вашему письму. Фотографии икон высылаю. А снимка с Вашей иконы в пакете не оказалось; вероятно, Вы забыли его приложить и я очень прошу восполнить этот недостаток в следующем письме.

Что же касается зеленоватых тонов, то я отношусь к ним очень подозрительно. Фиолетовые и зеленые краски мне как-то мистически (на иконах) неприятны. В смысле красок самое сильное впечатление на меня всегда производят ранние "итальянцы": у них – подлинное небо: ясное, яркое, чистое. И вместе с тем, – это небо (в одежде, пейзаже, всюду), а не земная краска и не природная синь или зелень. Если сравнить их яркость с

Валентина Александровна Зандер

краской Бёклина или Чурлениса – сразу видишь, где преображенное искусство, а где демоничность природы и человеческого духа. В Падуе – фрески Джотто – это прямо окна в небесный мир, в рай. Я видел этих итальянцев в Лондоне; в Париже они есть. А Вам – если удастся приехать сюда, надо будет по дороге задержаться – хотя бы от поезда до поезда – в Ковно и посмотреть там Чурлениса (там спец. музей его картин) – дабы увидеть опасную глубину удивительной красочности; а затем (если бы Вам удалось проехать через Базель) – посмотреть там Бёклина (там лучшая коллекция) и – это почти по дороге – проехать через Кольмар, чтобы видеть Грюневальда. Грюневальд и Гольбейн (в Базеле) – это школа и впечатление – религиозное и художественное – на всю жизнь. Впрочем об этом я смогу Вам еще специально написать. Итальянцев, конечно, нельзя противополагать православной живописи. Это – те же краски (по духу), что и у Рублева, что вообще в ранней русской иконописи. В наше время этот красочный стиль изучает и творчески воспроизводит одна только Юлия Николаевна Рейтлингер, да еще Ляля (Валентина Александровна Зандер – Б. П.*) в тех немногих иконах, которые она написала... Очень интересно, по какой дороге идете Вы...*

То, что Вы пишете о вйдении по-новому самой себя, – очень верно. Я думаю, что бояться своей "чудовищности" не приходится; т. е. нельзя впадать в панику. Без сомнения, все мы "чудовища", и когда только краешком души увидишь себя с этой стороны – можно (но не должно) придти в величайшее смущение и даже отчаяние. И когда мы себе кажемся очень респектабельными – конечно, это не сознательный обман, а принятие светлой точки за свою сущность, тогда как на самом деле она – океан мрака. Об этом океане согласно говорит и христианская антропология (в Библии, в догме), и аскетическая психология, и современная наука (психоанализ). Противопоставить этой бездне можно только другую бездну – любви Божией ("в бездне греховной валялся..."). И в этом – суть христианства.

Я думаю, что такое созерцание себя правильно только мгновениями, для отталкивания от греха, как средство, как метод. Но ни в коем случае не как система, не как состояние. Здесь большая контроверза "плача о грехах". Потому что "чрезмерно плача, можно забыть людей и иссушить свое сердце" ».

Привожу также отрывки писем членов Русского Студенческого Православного Единения Веры Ион и Маргариты Ион-Кох из Берлина в Ригу: описание встреч с Львом Александровичем и Валентиной Александровной Зандерами.

Письмо М. Ион-Кох от 13 июня 1960 г. (описание встречи в Париже) : «Недавно Лёва меня снял с Лялей в парке, куда повез нас покататься на своем дряхлом автомобильчике, которым он, однако, страшно любит управлять. Ляля сказала, что это теперь его страсть и его отдых, раньше же он любил взбираться на горы. Теперь он очень постарел. Встреча наша была чудная, но после стольких лет, конечно, слишком краткая. Ляля, мне показалось, очень завяла и в ней стало еще больше грусти, а он очень живой, прямо удивительно, даже путешествует на своем автомобильчике. Мария все время была очень ласковой и щебетала, как канареечка. После обеда поворчала, но всё-таки вымыла посуду. А мы пока сидели у Лёвы, вспоминали былые встречи, смотрели фотографии. Как мы тогда были молоды. За эти десятки лет мы все, конечно, сильно постарели и надо было в новом, изменившемся образе найти прежний. Леву очень изменило то, что у него болезнь десны. Ему очень трудно жевать, и он всё мелко-мелко режет, на крошечные куски, как для мышки. Но шутит при этом. Он вообще был в хорошем, легком настроении, более мягком и просветленном, чем бывало иногда, много рассказывал о своих путешествиях и встречах, особенно об одном удивительно образованном французском пустыннике на о. Патмос. Они живут очень красиво, напротив Булонский лес, т. ч. кругом много прогулок, которые они любят делать по вечерам. В квартире хоть и очень много вещей и книг, но очень хорошо и уютно, хорошая атмосфера и сразу чувствуешь себя как дома: Ляля всегда обладала талантом уютно устраиваться. Кроме того много значит, если в окна видны зелень, сады и светит солнце, как было в день нашей встречи и вообще все шесть дней, что я провела в Париже. В то время цвели сирень и каштаны, особенно много

розовых каштанов. Это было дивно, как-то давало всему особо нарядную ноту».

Из письма М. Ион-Кох от 18 октября 1960 г. : «Лева получил почетное звание доктора. Я так рада, он ведь удивительно талантливый, и все еще очень живой и энергичный, несмотря на возраст и связанные с ним немощи».

Из письма В. Ион от 1 января 1965 г. : «27.12 мы получили очень печальную весть о внезапной кончине Левушки, возвращавшегося в поезде домой. Летом он был здесь несколько недель, мы много были с ним вместе, ездили за город гулять, ходили в музей, в зоологический сад, снимались... Левушка был так близок нам и по-братски сердечен, так много хорошего дал нам. Мы написали Ляле и Ваш привет. Она и Маша стараются мужественно переносить свое горе».

Из письма М. Ион-Кох, того же числа: «Мы все никак не можем привыкнуть к мысли, что больше никогда не встретимся с нашим милым Левой, таким любящим и светлым. Он умер слишком внезапно. Правда, сердце его давало часто о себе знать, но он был всегда такой живой и веселый, что о болезни и мысль не приходила. Бедная Ляля, как она все перенесет, тем более, что она так много болеет и сил у нее немного. Все думается о ней. Он как-то изнутри освещал и согревал все».

Из письма В. Ион от 26 апреля 1965 г. : «На службе мне бывает трудно с людьми, - ведь мы были очень избалованы исключительными людьми, вроде Левы, и такими высокообразованными, а теперь соприкасаешься со всякими, часто и озлобленными неудачниками, что не всегда просто».

Из письма М. Ион-Кох, от того же числа: «Когда Лева был тут, мы все помолодели словно, столько в нем было жизни, душевного тепла, интереса ко всему, и мы с ним много смеялись. Его рассказам, всегда интересным и глубокосодержательным, не было конца, приятны были и его остроумие и юмор, качества столь редкие».

Из письма В. Ион от 27 ноября 1965 г.: «Недавно мы получили от Ляли в подарок книгу, которую она написала». (О Серафиме Саровском - *Б. П.*).

Из письма М. Ион-Кох от 18 января 1966 г. : «Вот уже больше года прошло, как умер Лева, а Ляля недавно еще написала, что не знает, как без него существует. Ее письма всегда такие милые и хорошие, и грустные».

Из письма М. Ион-Кох от 5 августа 1979 г. : «У Ляли и Маши были два раза. С Лялей было такое чувство, что будто не расставались, - это с одной стороны, а с другой - все казалось как во сне. Она удивительно светла, тиха, в каждом взгляде и слове - ласка».

Большинство писем, отрывки из которых приведены, были написаны сестрами В. О. и М. О. Ион Т. Д. Литвиной.

Часто и с восхищением писала о В. А. Зандер Т. Ф. Клепинина: «4.5.78. Валентину Александровну я видела несколько раз на Olivier-de-Serres на Страстной, но не удалось с ней побеседовать. Я особенно переживала литургию (с вечерней) Великой субботы, с ее глубочайшим значением относительности времени. Один православный француз назвал это éclatement du Temps».

«7.12.78. Видела Валентину Александровну и любовалась красотой ее одухотворенности, - так она светится. Как глубока ее внутренняя жизнь со всеми ее страданиями, вынесенными с таким мужеством».

«4.4.79. Видела и говорила по телефону с Валентиной Александровной. Она еще очень активна, сдала в печать брошюрку Льва Александровича о поездках за границу хора Подворья (до войны), имевшего большой успех в разных странах».

«21.2.80. С Валентиной Александровной Зандер беседую по телефону и восхищаюсь ее духовному богатству и необыкновенному терпению. Я подарила своему доктору ее книжечку (по-французски) о Серафиме Саровском. Он очень верующий католик, но у него много русских пациентов».

«15.9.82. Вы послали описание работ Овчинникова о фресках Старо-Ладожских храмов Валентине Александровне вместе с поздравлением на ее 90-летие, что ее чрез-

Зимний съезд РСХД Прибалтики в Риге, январь 1929 г.

вычайно тронуло. Мы с ней почти не видимся, но беседуем по телефону. Она удивительный и праведный человек, нам всем в пример».

Зимний съезд РСХД Прибалтики в Риге (1929 г.)

26–27 января 1929 г. в Риге состоялся двухдневный съезд РСХД в Прибалтике. В съезде участвовали представители кружков, всего 75 человек, в том числе от рижских кружков: от "четвергового кружка", принявшего название кружка ап. Павла (на съезде был отслужен молебен ап. Павлу и этим кружок как бы получил свое крещение), кружка им. Болотова, Студенческого кружка, кружка Креста Господня, кружка изучения России; от ревельского основного, факультетского, молодежи (3 делегата), от кружков в Двинске (2 делегата), в Режице (4 делегата), в Люцене (2 делегата), в Юрьеве (2 делегата), в Печорах (1 делегат). Съезд посетили представители YMCA и YWCA.

Происходил съезд в рижском женском монастыре; там же, в здании школы, ночевали приезжие делегаты.

На съезде были прочитаны доклады Л. А. Зандером "Борьба за веру современной молодежи" и о. Л. Липеровским "Молитва и жизнь". Богослужения совершали и с проповедями выступали оо. К. Зайц, И. Янсон, Р. Пассит. В первый день съезда, 26 января, после литургии и трапезы, все участники съезда отправились на дачу арх. Иоанна и оставались там до вечера. Арх. Иоанн, по просьбе правления Единения, принял звание первого почетного члена Единения и сказал слово, в котором отметил, что "молодежь Движения, посвящающая себя проповеди веры и церковному

на фотографии *(стр. 88)* *:*

в первом ряду, слева направо : **В. А. и Л. А. Зандеры, прот. Кирилл Зайц, Н. Д. Беервальд, Н. П. и Д. В. Буковские;**

во втором ряду : **прот. Роман Пассит, Е. А. и И. Г. Блюментали, о. Лев Липеровский.**

служению, является соработником епископов и священников и делает то же Христово дело, хотя и в другом чине". О руководителях РСХД он сказал: "Они внесли много вдохновения и свежей силы в горевший здесь костер веры, раздули и продолжают раздувать это пламя". Арх. Иоанн предложил обращаться к нему со всеми вопросами, приходить к нему со всеми нуждами, пользоваться его обширной богословской библиотекой.

После этого состоялось информационное собрание, на котором представители кружков рассказали о работе своих кружков.

26 же января, до литургии, в монастырском храме была присоединена к православию Маргарита Оскаровна Ион, член кружка ап. Павла. Восприемниками были о. Л. Липеровский и В. А. Зандер.

При обсуждениях деловых вопросов 27 декабря очередной, летний съезд 1929 года было намечено провести в Эстонии, в Печорском монастыре. Вскоре было получено согласие на проведение съезда в монастыре церковных властей, митрополита Александра и епископа Иоанна, а также разрешение эстонского правительства.

В начале апреля 1929 г. в Риге была проведена первая финансовая кампания. Кампания эта, по замыслу организаторов, должна была стать не только сбором средств для Единения, но и пропагандой деятельности Движения, целей и значения этой деятельности.

В Риге была отпечатана листовка (в типографии Иге) со статьей духовного руководителя РСХД прот. Сергия Четверикова — "Русское Студенческое Христианское Движение и финансовая кампания". Отец С. Четвериков писал: «Русское общество всегда с большой добротой и отзывчивостью относилось к финансовым кампаниям Движения. Юные сборщики, с волнением и робостью подходившие к той или другой русской квартире, в большинстве случаев выходили из нее обласканные и утешенные сердечным приемом. Несомненно, это сердечное отношение отчасти вызывалось самою молодостью сборщиков, потому что мы часто и

браним, и пилим молодежь, но все-таки мы ее любим, и не можем смотреть на нее без радостной улыбки. Но есть, конечно, и более глубокие причины доброго отношения общества к делу Движения. Работа Движения у всех на глазах. Отчеты о ней ежегодно печатаются. Его знают в Риге». Далее отец С. Четвериков пишет об организации работы Движения, о формах этой работы. И продолжает: «Но не о фактическом положении Движения хочется мне говорить сейчас. Я хочу сказать о самой важной его стороне, о его душе, о его духовной природе.

Движение не является партиею - ни политическою, ни националистическою, ни церковною. Оно есть нечто иное, более глубокое. Оно есть новое течение в духовной жизни русской молодежи, русское, православное направление мысли и жизни русской молодежи, как эмигрантской, так и той, которая родилась, выросла и живет в своих природных местах, в пределах вновь возникших на территории бывшей русской империи самостоятельных государств. И в той и в другой молодежи идет один и тот же духовный процесс... Сущность Движения заключается, прежде всего, в перемене духа молодежи, в пробуждении любви ко Христу и Евангелию, в жажде чистой христианской жизни, в желании работать над собою, в чувстве святости и спасительности церкви, во внутреннем обращении души к Богу и церкви. Эта пробудившаяся в душе новая жизнь и является тем, что составляет в Движении его сердцевину, его, по Евангелию, драгоценнейшую жемчужину.

Определяя вышеприведенными словами природу Движения, я не забываю всего огромного расстояния между делом Движения и силами его исполнителей. Больше, чем кто-либо другой, я имею возможность видеть все слабости молодежи Движения. Но я также вижу и ее лучшие, чистые порывы. Историческая судьба возложила на ее молодые плечи тяжелое бремя. В ней рождается новая русская верующая интеллигенция, не только верующая, но и желающая честно жить своею верою, делая ее основанием своей жизни. В ней русская интеллигенция впервые радостно и всем сердцем обращается к Богу и к родной православной

церкви... В этом процессе выявляются и растут свежие религиозные и нравственные силы русского народа...»

Финансовая кампания в Риге, хотя она и проводилась впервые, была хорошо организована трудами Л. А. Зандера, а также членов Единения, Ивана Георгиевича Блюменталя и Евгении Александровны Македонской (позже – Блюменталь), да и всех участников кампании. Всего было около 40 сборщиков; на долю каждого приходилось около 20–28 посещений по ранее установленным адресам. Финансовая кампания проходила под покровительством архиепископа Иоанна. Синодом Латвийской православной церкви было дано указание священнослужителям и приходским советам способствовать и реально помогать проведению финансовой кампании. По рижским храмам проводился и тарелочный сбор.

Всего было собрано 3.200 лат. На 900 посещений было 30 отказов.

В феврале 1929 г. в Единении было организовано Религиозно-педагогическое бюро. В состав его вошли прот. Николай Македонский, В. В. Преображенский, Е. А. Македонская, Л. А. и В. А. Зандер. Бюро было создано по инициативе Л. А. Зандера, ставшего и его руководителем. Собрания бюро были посвящены религиозно-педагогическим вопросам, возникавшим в текущей жизни РСХД в Прибалтике. В течение зимы был разработан план организации при Единении в 1930 г. воскресной школы, план цикла докладов по вопросам религиозной педагогики; была составлена картотека книг религиозно-педагогического содержания в библиотеках Риги; было организовано исследование детей по методу Бинэ в одной из рижских основных школ, с привлечением местных педагогов к предварительной подготовке и проработке метода в бюро, а затем и испробованию его в школе. Л. А. Зандером на летних учительских курсах был прочитан курс лекций на тему "Философское введение в педагогику".

Бюро занималось также распространением среди школ Прибалтики религиозно-педагогической литературы, в том

числе изданий парижского Религиозно-педагогического кабинета, возглавлявшегося проф. В. В. Зеньковским.

При бюро начинал работать Религиозно-педагогический кружок. Этот кружок, с расширением религиозно-педагогической работы Единения, постепенно стал центром, направляющим практически всю религиозно-педагогическую работу Единения, и поглотил бюро.

В течение апреля в Единении были устроены собрания, посвященные Великому посту.

Л. А. Зандер посетил Люцен (Лудзу) и, совместно с прот. К. Зайцем, Двинск и Режицу (Даугавпилс и Резекне), для бесед с участниками религиозных кружков молодежи. К тому времени в этих городах работало 8 кружков, частично состоявших из гимназической молодежи. [32]

Съезд РСХД Прибалтики в Печорах

Второй съезд Русского Христианского Студенческого Движения в Прибалтике состоялся, как и было намечено, в Печорском монастыре 4-11 августа 1929 г.

Описанию этого съезда были посвящены записки участников съезда, вошедшие в сборник "У родных святынь". [33]

Съезд проходил под председательством Л. А. Зандера. В нем участвовал духовный руководитель РСХД прот. С. Четвериков, секретари РСХД Л. А. Зандер, И. А. Лаговский, Л. Н. Липеровский, а также В. В. Преображенский. С докладами выступили прот. С. Четвериков, Л. Н. Липеровский, Л. А. Зандер, И. А. Лаговский, местный печорский историк А. И. Макаровский. Активное участие в работе съезда принимал епископ Печорский Иоанн (Буллит). Кружковые занятия-семинары проводили: прот. С. Четвериков - на тему "Молитва и жизнь", Л. Н. Липеровский — "Евангелие как основа жизни", Л. А. Зандер - "Философия как путь к вере", И. А. Лаговский - "Вопросы религиозной педагогики", В. В. Преображенский — "Апологетика и история", В. Ф. Бухгольц -"Апологетика и естественные науки".

Съезд РСХД в Прибалтике – Печоры, июль 1929 г.

Из Латвии на съезд приехало около 100 человек; всего участников было около 250.

Поздним вечером 4 августа, в пещерном храме Успения Богородицы, «низком, темном, перегороженном колоннами на несколько узких улочек и на два зала, перед Чудотворною Иконой Успения Божьей Матери, епископ Иоанн с двумя иеромонахами отслужил молебен, открывший второй съезд РСХ Движения в Прибалтике. Пел под руководством И. А. Лаговского тут же на месте составившийся прекрасный хор. Вернее, в тот вечер пели все... Перед молебном владыка Иоанн сказал слово. Взяв исходной точкой своей проповеди евангельское событие у Овчей купели, владыка провел параллель между теми людьми, которые стекались для исцеления у Овчей купели, и нами, собравшимися дружною, жаждущей небесного исцеления, прощения и благодати семьей перед Чудотворною иконою».

На следующий день, 5 августа, после богослужения, за чаем, были сообщены правила, придерживаться которых было необходимо в монастыре. Первым из них было: в стенах монастыря курить воспрещается.

Затем, в Сретенской церкви, началось собрание. Была произведена перекличка участников съезда и произошло знакомство.

Деловая работа съезда была открыта Л. А. Зандером, сказавшим, что РСХД из братства изучающего становится братством делающим и что участникам РСХД необходимо осознать ответственность за пополнение Чаши Христовой Веры.

О. Лев Липеровский в своем слове говорил: "Мы часто не понимаем, что являемся членами величайшей, истиннейшей церкви, но на съезде нам легко бывает это понять. ... Надо сразу, немедля идти ко Христу. ... Не напрасно ведь русские святые обращались к Богу уже в ранней молодости. ... Надо учиться молиться..."

В информации о работе кружков латвийского Единения часто назывались Л. А. и В. А. Зандер, В. В. Преображенский. Участникам съезда стало ясно, что успешная работа

На семинаре В. В. Преображенского
(Второй съезд РСХД в Прибалтике, 1929 г.)

Василий Васильевич в центре, справа

кружков в Риге связана с постоянным присутствием в Риге надлежащих руководителей.

6 августа, после ранней обедни, занятия семинаров проходили на Свято-Поклонной горе. ("Святая - потому что св. Марк на ней молился и в пещерах ее св. подвижники лежат, а поклонная - потому что св. Марк на том вот камне поклоны по ночам клал, молился").

После этих занятий в Сретенской церкви состоялась лекция Л. А. Зандера — "Ветхий Завет в современной жизни". На лекцию пришло много народа из города и из соседних деревень. "Ветхий Завет права и справедливости имеет свой смысл и применение - поскольку люди бедны любовью, немощны духом и не имеют силы жить заповедями Христа Спасителя". Но "большее никогда не отменяет меньшего, но имеет его в себе", — говорил Л. А. Зандер.

После обеда был организован осмотр монастыря, монастырских пещер. Вечером продолжалась информация о работе кружков, на этот раз - в Эстонии. Сравнивалась работа кружков в Латвии и Эстонии. Общее впечатление участника съезда было: "В Латвии Движение больше и шире, в Эстонии оно невелико, но зато в Ревеле кружки куда связанней, чем в Риге". Сообщение о работе воскресной школы в Нымме было выслушано с большим интересом - как важный опыт практической работы Движения.

П. Ф. Андерсон рассказал о работе издательства YMCA-Press. Была поставлена задача распространения в Прибалтике религиозной, религиозно-философской, богословской литературы, издаваемой в Париже.

7 августа, после семинарских занятий, состоялась лекция А. И. Макаровского "Печорский монастырь и его значение для местного края". Это был рассказ "о вековой, кровью и подвигом созданной святости", увлекательный экскурс в "святорусскую историю".

После обеда была открыта участникам съезда монастырская ризница. Объяснения в ризнице давал сам епископ Иоанн Печорский. При осмотре ризницы участники съезда постоянно вспоминали и доклад Ал. Ив. Макаровского.

Позже священник Геннадий Комаровский познакомил участников съезда в Успенском соборе с монастырскими святынями.

На вечернем собрании продолжалась и была закончена информация о работе кружков. Состоялось также выступление И. А. Лаговского с сообщением о религиозно-педагогической работе среди молодежи. "Наша молодежь, как евангельский расслабленный, ищет Христа и тянется за Ним. Надо нам всеми средствами помочь ей прийти к Нему", — сказал И. А. Лаговский.

С сообщением о социальной и благотворительной работе Движения выступил Л. А. Зандер. На примере работы в Риге Содружества св. Николая Чудотворца Л. А. Зандер рассказал, какие методы должны лечь в основу христианской благотворительности.

На четвертый день съезда, 8 августа, состоялась поездка участников съезда в Изборск. Экскурсию сопровождал Ал. Ив. Макаровский. Осмотрели старинные местные церкви, потом пошли на Городище. («Высоким мысом вздымается между двух сливающихся долин ровное, как стол, взгорье. Небольшой треугольник его на конце мыса отгорожен высоким земляным валом. Это - Городище... Ныне на этом месте большой погост с церковкой псковского стиля... Больше всего привлекла к себе движенцев ... каменная изгородь, что перегибается на вершине вала. Этот перегиб - самое высокое место Городища, и отсюда ... бывает виден псковский собор Пресвятыя Троицы». Группа участников экскурсии в бинокль рассмотрела Псков. Среди них был и П. Ф. Андерсон. Он "впился биноклем в белое облачко-храм, долго внимательно рассматривал его, потом опустил бинокль, перекрестился православным крестом и сказал: "Сподобил Бог!"

«С этого дня, с видения Святой Руси, - пишет один из участников съезда, - начался "праздник съезда" - великий взлет веры и любви, который, начиная с четверга (т. е. с 8-го августа) рос и ширился до самого конца съезда; он сломал лед самых холодных душ, сделав верующими неверующих, указал смысл жизни искавшим его и явил

нам в своей высшей точке ослепительную истину торжества православия».

К пятому дню съезда уже собралось 300 человек. На доклад И. А. Лаговского о борьбе в СССР с религией собралось столько народа, что многие должны были стоять. Доклад вызвал повышенный интерес, чувствовалось сильное возбуждение, волнение аудитории. Сказанному в докладе И. А. Лаговский подвел итог словами митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского): «Силы безбожия никогда не одолеют России и православной церкви. Сердцевина уже нашла себя и поможет церкви вынести гнет...».

Слово о. Л. Липеровского было посвящено теме: "Что мы должны делать?" Закончил он словами Откровения св. Иоанна Богослова: "Се, стою у двери и стучу. Если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною".

Это Собрание в Сретенской церкви было зарисовано художником С. Виноградовым. (Зарисовка хранится у меня).

После трапезы епископ Иоанн показывал участникам съезда старинные книги, хранившиеся в ризнице.

«Не помню, сколько били часы, когда я лег спать. Мне было легко и радостно. Засыпая, я сказал себе по обычаю: "День пятый съезда окончен", потом добавил: "он был еще лучше, чем четвертый"», - заканчивает свое описание этого дня участник съезда.

Шестой день съезда начался торжественной архиерейской службой с молебном перед иконою Божией Матери Одигитрия. Служба была совершена в Успенском храме.

Затем последовал доклад отца Сергия Четверикова - "Таинство Евхаристии как средоточие жизни христианина". Церковь была переполнена, собралось больше 300 человек.

Доклад о жизни во Христе и таинстве Евхаристии был как бы переходом от рабочих дней съезда к его завершению: исповеди и причащению св. Тайн. "Дышал доклад, - записал участник съезда, - глубокой мудростью и, в то же время, был так ясен, что легко стал понятен каждому". Он был позже напечатан в журнале "Путь", издававшемся в Париже под редакцией Н. А. Бердяева, №22, июнь 1930 г.

В 4 часа дня началась малая вечерня, после которой читались правила. Исповедь началась непосредственно после чтения Правил, длилась всю всенощную и продолжалась до поздней ночи — до двух часов. Исповедовали все священники, бывшие на съезде, в их числе прот. И. Янсон, прот. И. Богоявленский, приехавший в этот вечер в Печоры, схимонах Симеон. Служил всенощную отец Сергий Четвериков. По окончании всенощной он также исповедовал до поздней ночи.

В этот вечер не было ни прогулок, ни разговоров, которым обычно предавались самозабвенно участники съезда в другие дни, в часы, свободные от занятий.

"Слова, произнесенные между двумя таинствами, могут быть только словами молитвы", — записал участник съезда, заканчивая свои записи о прошедшем дне съезда.

Седьмой, последний день съезда, 11 августа, начался в 6 часов утра, когда в переполненном храме состоялось присоединение к православию двух участников съезда. Присоединенные до самого причастия стояли со свечами и цветами в руках.

После богослужения, длившегося 5 часов, прот. И. Янсон благословил иконою Божией Матери Скоропослушницы присоединенную к православию Веру, а прот. И. Богоявленский - Георгия - от ревельского кружка им. Александра Невского - иконою св. Великомученика и Победоносца Георгия.

После чая состоялась прогулка под руководством А. П. Мельникова в Тайлово.

Последнее, заключительное собрание проводится на Свято-Поклонной горе, "под сенью дубов", как назвал свою книгу о Печорах С. Р. Минцлов. Участники съезда поделились своими впечатлениями о съезде. Говорили также о. Л. Липеровский, И. А. Лаговский.

«Когда у праведной Иулиании Лазаревской не хватало хлеба, чтобы кормить голодный люд, — сказал И. А., — она стала печь его из лебеды. Но в ее руках он был лучше пшеничного, ибо в сердце ее была любовь. Будем же и мы

раздавать наши плохие, негодные хлебцы, будем стараться зажигать души других тем огнем, которым горим сами».

В заключительном своем слове Л. А. Зандер сказал: «Много трудностей ожидает нас в будущем; много оврагов, пропастей, гор встретим мы на этом пути, на который вступим сегодня, уходя из святой обители. Но будем в эти минуты помнить, как легко и радостно взошли мы здесь на высоту этой святой горы, как легко и свободно было нам пребывание на ней».

В Успенской церкви епископ Иоанн Печерский с участием духовенства, участвовавшего в съезде, совершает молебен. Перед молебном он произносит слово на слова апостола Петра – "Добро нам здесь быти". Л. А. Зандер поблагодарил епископа Иоанна, "близкого друга молодежи". Раздаются слова молитвы, которую поют все участники съезда: "Царице моя Преблагая, Надеждо моя Богородице..." Съезд окончен.

Проведение съезда в Печорском монастыре, замечательная организация съезда, его программа, чрезвычайно содержательные и живые доклады и семинары, активность участников съезда в работе съезда, все это сообщило съезду особую вдохновенность. Естественно, что влияние съезда на последующую жизнь и деятельность РСХД в Прибалтике было очень большим.

Единение в Двинске

Активные члены рижского Единения первых лет, Н. П. Истомина и Д. В. Буковский, в Печорском съезде не участвовали. Д. В. Буковский в своих воспоминаниях пишет: «1929 год ознаменовался для движенцев в Прибалтике таким событием, как съезд в Печорском монастыре, с большим количеством участников и массой гостей, так что всколыхнул и старшее поколение. Но ни Н. П., ни я в съезде, к сожалению, не участвовали. Мы вступили в брак и одновременно я получил по службе назначение в Двинск. Переезд, организация новой жизни, служба, квартира, масса

командировок, – все это наложило барьер на движенскую работу, пока мы с Н. П. не сориентировались в новой обстановке и смогли снова что-то начать на месте – кружок, детская работа, лекции и т. д.»

Н. П. Буковская о работе в Двинске (Даугавпилсе) в своих воспоминаниях написала так: «Осенью 1929 г. мы с Димитрием приехали в Двинск, на постоянное место жительства. К тому времени там уже организовался движенский кружок под председательством одной из движенок, Лидии Гайлит, но работа еще не получила своего развития. Наш приезд и включение в работу дали определенный толчок к расширению деятельности членов кружка, которых в то время было около 10 человек. При Александро-Невской церкви (настоятель о. Михаил Петерсон) был организован Детский уголок, где мы собирали неимущих детей со всей округи. "Уголок" этот пользовался в Двинске большой популярностью и деятельность его все время расширялась. Начали мы работу с несколькими десятками детей, а потом их набралось более сотни и ограниченность помещения не позволила увеличить их количество.

Для работы в "Уголке" мы привлекали не только тех движенок, которые работали в кружке, собиравшемся два раза в неделю, но и многих других, желающих помочь: работы было очень много и она была разнообразной.

Детей собирали один раз в неделю, по воскресеньям.

Дети были разделены на группы по возрасту. Дети были – от 6-7 лет до 12-13.

Занятия проходили обычно так: от 15.00 часов до 16.00 дьякон Александро-Невской церкви занимался с детьми пением; от 16.00 до 17.00 с детьми по группам беседовали на религиозные темы, иллюстрируя беседы светскими рассказиками или сказками, учили молитвы, рассказывали жития святых, притчи, про чудеса Господни, про праздники. Иногда рисовали. С 17.00 до 18.00 проводились игры и кормежка ребят пожертвованным молоком, хлебом, колбасой.

Эта программа иногда, в зависимости от обстоятельств, варьировалась.

Дети посещали “Детский уголок“ очень охотно.

По приезде в Двинск мы с Димитрием сняли 5-комнатную квартиру с частичными удобствами (за отсутствием в городе свободных квартир меньшего размера). В дальнейшем это позволило нам развить в Двинске большую лекционную работу и принимать у себя для временного проживания - на две недели и больше - приезжих лекторов и работников Движения. У нас останавливались: проф. Л. А. Зандер, проф. В. Н. Ильин, проф. Б. П. Вышеславцев, о. Сергий Четвериков, о. Иоанн Шаховской, о. Лев Липеровский, ст. секретарь Движения А. И. Никитин и др.

Первое время двинский религиозный кружок собирался у нас на квартире, но потом, по настоянию Л. А. Зандера, сняли небольшое собственное движенское помещение.

Все мы работали на общественных началах, но все же были некоторые расходы, связанные с оплатой помещения, с частичной оплатой дороги на съезды Движения, и один или два раза мы провели в Двинске финансовую кампанию».

В Риге после Печорского съезда

Действующие кружки стали лучше посещаться, образовались новые кружки, наладилась религиозно-педагогическая работа. Всего в рижском Единении после Печорского съезда приступили к работе 13 кружков: 1 и 2 - Кружок Креста Господня: две самостоятельные группы, изучавшие богослужение и заповеди блаженства; 3-4 - Болотовский кружок, две группы, старшая и младшая, изучающие историю церкви; 5 - Кружок апостола Павла, изучавший Послания и религиозно-философские проблемы; 6 - Кружок Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (вопросы духовной жизни); 7 - Кружок Покрова (литургический); 8 - Студенческий кружок, проводивший разнообразную работу в Единении; 9 - Кружок ап. и евангелиста Иоанна Богослова - объединявший студентов духовной семинарии; 10 - Кружок изучения России, изучавший исто-

рию и быт России в религиозном освещении; 11 - Благотворительное содружество св. Николая; 12 - Кружок практической иконописи; 13 - Религиозно-педагогическая группа, проводившая занятия в "Детском уголке". В Детском уголке по воскресеньям собирались в помещении Единения, на Тургеневской, первоначально 20-30 детей, потом число их стало быстро расти, и к зиме 1930 г. возросло до 80 человек. В первую группу входили дети разного возраста - от 4 до 12 лет. Позже дети распределялись по группам в зависимости от их возраста и возникло несколько групп.

Уже на Печорском съезде Религиозно-педагогический семинар вызвал большой интерес у участников съезда, решивших посвятить себя педагогической работе. Было поставлено множество вопросов, высказано много недоумений. "Можно ли преподавать Закон Божий в школе, как это делать?", "Как охранить детское религиозное чувство?", "Как приучить к молитве, развить любовь к церкви, воспитать понимание богослужения?", "Можно ли принуждать ходить в церковь?", "Почему не удался полностью метод Рачинского?", "Чем объяснить, что чем старше дети, тем меньше их религиозная потребность?", "Может быть раскрытие человеческой личности, ее духовный расцвет осуществимы и без религиозного воспитания?", "Можно ли использовать современную художественную литературу для пробуждения религиозных интересов?", и т. д.

На семинаре сами собой возникли темы для бесед: "Проблема принуждения, дисциплины и наказания в религиозном воспитании"; "Особенности детской религиозности"; "Характеристика детской религиозности по возрастам"; "Детская молитва"; "Закон Божий в системе религиозного воспитания"; "Пути организации детской религиозной жизни".

Религиозно-педагогическая работа участников РСХД в Прибалтике в это время уже переставала быть случайным опытом, стала расширяться, приобретать твердые организационные формы. Естественно, что проблематика этой

работы занимала и увлекала участников Печорского съезда. [34]

В октябре 1929 г. (30-31 октября) в Риге состоялся очередной Собор православной церкви в Латвии. На соборе с докладом о РСХД в Латвии выступил Л. А. Зандер. Депутат от Латгалии Беклешов призвал РСХД в Латвии расширить работу Движения в Латгалии. Арх. Иоанн высоко оценил работу Движения в Риге и призывал латвийское духовенство: «Где бы вы ни встретили работу Движения, отнеситесь к ней с доверием и благожелательством и помогите, чем можете, зная, что здесь, у нас в Риге, она и проверена, и благонаправлена». [35]

В это же время в Единении была создана комиссия по организации трехдневного зимнего съезда РСХД в Латгалии.

Религиозно–педагогический съезд в Резекне. Поездки по Латгалии.

Религиозно-педагогический съезд РСХД состоялся в Режице (Резекне) 3-5 января 1930 г. В съезде приняло участие около 80 человек-педагогов, студентов и учащихся средних школ из Латвии (Двинска, Режицы, Пыталова, Риги) и Эстонии (Валка, Нарвы, Печор, Ревеля и Юрьева). Руководили съездом секретарь РСХД в Прибалтике Л. А. Зандер, секретарь РСХД И. А. Лаговский, прот. И. Янсон и др. Собрания происходили в помещении Русской правительственной гимназии, а жили участники съезда в общежитиях Русского педагогического института.

Программа съезда состояла из лекций, семинаров и дискуссий.

Лекции были прочитаны Л. А. Зандером - О проблемах религиозной педагогики (Проблема христологическая - педагогики, процесса воспитания и обучения - как Христоношения); директором Режицкой гимназии И. П. Тутышкиным - О новейших течениях в педагогической мысли

Религиозно-педагогический съезд в Режице (Резекне), январь 1930 г.

(Эмоциональная психология как основа педагогики; необходимость учитывать в педагогическом творчестве всю полноту чувств ребенка); И. А. Лаговским – О церкви и школе (о взаимоотношениях школы и окружающей среды, о необходимости реалистического подхода к школьной действительности).

Семинары проводились В. В. Преображенским – Преподавание истории и ее религиозное значение; В. Ф. Бухгольцем – Школьное естествознание и его значение для духовного роста детей; А. И. Шкультиным – Изящная литература и ее религиозное значение; И. А. Лаговским – Вопросы целостной религиозной школы.

Дискуссии проводились Л. А. Зандером – Мораль без Бога (значение добрых дел, совершаемых без добрых чувств); В. А. Зандер – О школе и церкви (о трудовом методе в вопросе религиозного воспитания; активное восприятие изложенного материала – рисование, лепка, драматизация и пр.).

«Съезд был сгущенным и в молитвенном, и в научном отношении, дал много ценного материала участникам, наполнил слухами о Движении всю Латвию».

В организации и проведении съезда большую помощь на месте оказали И. П. Тутышкин и о. Евстратий Рушанов. [36]

В январе-феврале 1930 г. приезжал в Латвию И. А. Лаговский. Было организовано посещение им Пыталова (Яунлатгале), где он выступил с докладом "Борьба веры и неверия в советской России". Доклад, как писал потом И. А. Лаговский, претворился в молитву о России присутствующих на докладе. Зал Народного дома, рассчитанный на 400 человек, был заполнен до крайности, заполнены были даже все проходы. Шелест рук, творящих крестное знамение, глубокие вздохи слушателей сопровождали доклад И. А. Лаговского.

на фотографии (стр. 106) :

в первом ряду, в центре, справа налево – **П. А. и В. А. Зандеры, И. А. и Т. П. Лаговские.**

Третий съезд РСХД в Прибалтике
(Первый Пюхтицкий съезд), июль 1930 г.

В Вышгороде (Аугшпилс) доклад состоялся в школе. И здесь помещение и прилегающий к нему коридор были заполнены до предела. И. А. Лаговский писал, что “в Латгалии имеются все данные для создания широкого и глубокого церковно-религиозного движения“. [37]

Третий съезд РСХД в Прибалтике
(Первый Пюхтицкий съезд, 1930)

Третий Прибалтийский съезд РСХД состоялся в Пюхтицком Успенском монастыре, расположенном в 20 километрах от станции Иыхви (Иевве), в Эстонии. С 20 по 23 июля происходил деловой съезд, в котором участвовало 70 делегатов из Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии, а также из Чехии и Франции. Были прочитаны три доклада: “Пути Движения“ - В. В. Зеньковский говорил о стремительном росте Движения, о необходимости помнить, что работа Движения совершается не ради Движения, а ради церкви, ради Христа; И. А. Лаговский говорил о братолюбии в жизни каждого движенского кружка. Во время прений была поставлена задача работы с народом, работы и в городе, и в деревне.

По вечерам работали комиссии, обсуждавшие детали и методы работы в многообразных направлениях деятельности Движения.

С 24 июля начался общий съезд, пополнившийся двумястами вновь прибывшими участниками съезда.

Начался съезд, как обычно, литургией и молебном. Вступительное слово сказал В. В. Зеньковский. Он говорил: «Мир должен найти свою правду в церкви. И этот проснувшийся мир, нашедший свою правду в церкви, должен быть нашей “землей обетованной“, нашим идеалом, конечной целью наших стремлений. И к ней мы обязаны стремиться, бесстрашно делая свое дело».

После перерыва о. Лев Липеровский выступил с докладом - “Тело - храм Божий“, призывая “бережно и с любо-

Первый Пюхтицкий съезд, в Успенском монастыре, июль 1930 г.

вью относиться к нашему телу, охраняя его от разрушения грехом".

Вечером последовала информация о работе 40 кружков Движения в Латвии и Эстонии.

25 июля, утром, И. А. Лаговский прочел доклад - "Трагедия современной культуры". «Когда человек в человеке увидит собрата, соцаря в деле исполнения великого задания творчества, задания, данного от Бога, - говорил И. Лаговский, - только тогда пройдет кризис. Это путь возвращения к Богу».

После доклада начались занятия в семинарах: литургическом, аскетическом, апологетическом, религиозно- педагогическом, о многообразии форм церковной жизни в Движении; о православии, его друзьях и врагах; о браке.

Вечером была заслушана информация о работе воскресных школ и о проведении финансовых кампаний.

26 июля прибыл на съезд епископ Печорский Иоанн. Состоялся доклад В. В. Зеньковского - О духовных основах народности. Он говорил о значении национального чувства и чувства патриотизма и об опасностях и трудностях на путях развития этих чувств.

27 июля, как обычно, день начался с литургии, на этот раз торжественно отслуженной епископом Иоанном в сослужении многочисленного духовенства. Потом была отслужена панихида на могиле князя С. В. Шаховского, основателя Пюхтицкого монастыря. Днем участники съезда встречали чтимую икону Богоматери, возвращавшуюся в монастырь. По дороге одна из инокинь монастыря рассказала об основании и первом периоде существования монастыря.

28 июля были прочитаны доклады - "О положении церкви в СССР" - И. А. Лаговским и "О путях русской молодежи" - о. Л. Липеровским. Им же вечером был прочитан доклад - "Об истории РСХД за рубежом".

29 июля утром состоялся доклад - Пути спасения по житиям русских святых - прот. С. Четверикова. Отец С. Четвериков говорил о многообразии жизненных путей русских святых. На всех этих путях основным было - вера и жерт-

венная любовь. Жития святых и показывают, как должно верить и любить, независимо от жизненного пути.

С началом всенощного бдения началась и исповедь участников съезда, продолжавшаяся до 4 1/2 часов утра.

30 июля, на утренней литургии, причастились почти все участники съезда. На заключительном собрании были подведены итоги съезда, и начался разъезд. Он продолжался два дня. Уезжавшие и уходившие останавливались перед воротами монастыря и пели: "Царице моя Преблагая" и "В рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила еси, Богородице..." "И звучали в этих молитвах глубокая бодрость и твердая вера ...; они помогут, вернувшись в мир, осуществить те великие заветы и призывы, что прозвучали на съезде", - заканчивал свою обзорную статью о съезде ее автор А. Осипов. [38]

Судьба Александра Осипова

Несколько слов об Александре Осипове, трагической фигуре в истории русской религиозности. Биографические сведения даю по воспоминаниям Т. П. Милютиной.

Я впервые увидел А. Осипова в поезде, по дороге на съезд, когда в группе рижан, участников предстоящего съезда, при пересадке в Тапе, вошел в вагон поезда, следовавшего в Иевве и дальше. Я сразу же обратил внимание на юношу, по виду ученика старшего класса средней школы, окруженного слушателями чуть помоложе его. Юноша о чем-то оживленно рассказывал слушателям. Меня поразило в нем: он весь был пропитан самолюбием. Это был он, Александр Осипов. На съезде я невольно стал приглядываться и прислушиваться к нему. К сожалению, мое первое впечатление не оставило меня. Мне также показалось, что юноша наделен многими способностями, но умом не крепким. Ему явно покровительствовал участвовавший в съезде протоиерей Иоанн Богоявленский, настоятель таллинского кафедрального собора св. Александра Невского, в будущем епископ Исидор, ректор Ленинградской Духовной

академии. Позже выяснилось: это было ошибкой выдающегося священнослужителя и человека.

А. Осипов окончил Богословский факультет Тартуского университета. Потом женился на дочери тартуского священника Николая Павского Нине. Принял священство. Ко времени начала войны и мобилизации А. Осипова в армию у супругов Осиповых была трехлетняя дочь и ожидалось рождение еще одного ребенка.

В армии А. Осипов отслужил один год. Потом он был демобилизован и допущен властями к исполнению обязанностей священника в Перми.

Сразу же по освобождении Таллина А. Осипов поспешил к семье. И тут его ждало страшное известие: его жена Нина вместе с двумя дочерьми и родителями уехала на Запад.

Позже А. Осипов стал профессором и инспектором Ленинградской Духовной академии.

По рассказу близко знавших А. Осипова людей, он просил церковные власти разрешить ему вступить в новый брак, не лишая его сана. Ему в этом было отказано.

По-видимому, его семейная драма и непосильность для него безбрачия и стали в основном причиной того, на что он пошел: "Отказ от религии - единственно правильный путь". Так было озаглавлено его письмо в редакцию газеты *Правда*, которое было опубликовано 6 декабря 1959 г.

Один из коллег А. Осипова по Духовной академии говорил ему: "Можно утратить веру. Так бывает. Но, утратив веру, нельзя вступать на путь борьбы с верой. Это опасно. Это приводит к роковым последствиям, к полному разрушению личности".

А. Осипов не внял предупреждению и безрассудно вступил на путь ренегатства.

Л. Н. Толстой говорил: «Ведь не в том трагедия ренегатства, что человек меняет свой взгляд и вырабатывает новые убеждения. Это бывает со многими весьма искренними людьми... Трагизм ренегатства в той заразе клеветливости, которая быстро, как язвы проказы, покрывает все тело, расползается в душе ренегата и превращает его в

ужаснейшее из порождений - в клеветника». (Лев Толстой, "О ренегатстве". *Биржевые Ведомости*, 1908 г. Приводится в очерке В. Я. Лакшина "Интервью с Львом Толстым" - *Литературная газета*, 27.06.1984 г., №26/4988).

Таким, увы, и стал жизненный путь Саши Осипова.

Осень 1930 года

Работа Русского Студенческого Православного Единения в Риге с осени 1930 г. проходила в двух главных направлениях: работа кружков и педагогическая работа.

В работе кружков, по сравнению с предыдущим периодом работы, произошли изменения. Собирались кружки по определенным дням недели. Так, по понедельникам собирался новый Литургический кружок, в который вошли некоторые члены кружка имени Креста Господня. Руководил кружком протодиакон Василий Мельников, ставший участником и других начинаний Единения. По вторникам происходили занятия другого нового кружка - кружка по изучению России. Он назывался также кружком по изучению русской культуры. Членами этого кружка стали, главным образом, абитуриенты русской городской (Ломоносовской) средней школы. Некоторые из них к тому времени были уже студентами университета. В этот же день собирался и кружок им. Креста Господня, его основной состав. Руководили кружком в это время М. И. Миезис и А. И. Беервальд. По средам собирался хор Единения. Изучались церковные песнопения под руководством прот. И. Янсона и протодиакона В. Мельникова. По четвергам собирались три кружка: Кружок им. апостола Павла: изучались жизнь и труды апостола Павла, его послания, и проводились беседы на темы, возникавшие в связи с изучением его деятельности; Кружок Креста Господня, женский, выделившийся из основного кружка, занимавшийся вопросами христианского вероучения и христианской жизни. Были прочитаны доклады на такие темы: "Цель христианской жизни", "Цель

личной жизни", "Божие милосердие", "Молитва", "Исповедь", "Мирность сердца" и др. (Доклад "Божие милосердие" М. О. Ион был напечатан в "Вестнике РСХД", №2, 1931 г.); Кружок им. проф. В. В. Болотова, которым руководил магистр истории, приват-доцент русского Института университетских знаний В. В. Преображенский. Было отмечено 30-летие со дня смерти В. В. Болотова; в связи с этим был выпущен кружком журнал, со статьями и иллюстрациями к ним членов кружка. Изучалось Евангелие, жития святых. Кружок состоял из девушек возраста от восемнадцати до двадцати одного года. По субботам, после всенощного бдения, собирался Студенческий кружок им. евангелиста Иоанна. Основан кружок был А. В. Буковским. Изучал кружок Евангелие от Иоанна и занимался многими вопросами, возникавшими у членов кружка при изучении Евангелия. Темы прочитанных докладов: "Догмат святой Троицы", "Страшный суд", "Крещение", "Любовь к Богу". Члены кружка так определяли цель работы кружка : изучение христианских истин и применение их в жизни. В кружке много философствовали, иногда шумно. На одной карикатуре того времени изображалось, как члены кружка решают врукопашную вопросы: есть чудо? Есть ангелы? Нет ангелов? По воскресеньям, днем, собирался кружок им. Покрова Божьей Матери - Покровский кружок, состоявший из девушек восемнадцати-двадцати двух лет, работавших на фабриках. Руководила кружком М. И. Миезис. Кружок занимался разбором и характеристикой русских женских типов по житиям и литературным произведениям (Юлиания Лазаревская, Лиза Калитина и пр.). Вечером, по воскресеньям же, собирался Педагогический кружок, руководимый Н. Н. Македонской. Все члены кружка работали в воскресной школе Единения. Кружок занимался вопросами педагогики в религиозном освещении и направлении. Разрабатывались программы занятий воскресной школы, программа рождественского детского утренника. Были и доклады по вопросам педагогики.

Кружок имени В. В. Болотова

В. В. Преображенский считал, что изучение истории церкви исключительно важно для религиозного воспитания и образования людей. В связи с 75-летием со дня рождения В. В. Болотова, профессора Петербургской Духовной академии, знаменитого церковного историка (1854-1900), В. В. Преображенский опубликовал сборник памяти Болотова (1929 г.) с некоторыми статьями Болотова и со своими - вступительной статьей и послесловием. Он писал: «Не трудно найти место В. В. Болотова в ряду русских ученых, избравших полем своей деятельности историю церкви: бесспорно, ему принадлежит здесь первое место». И приводил слова проф. Б. А. Тураева: «Историческая истинность православия была для его беспощадно критического ума не только верой, но и знанием, очевидным до осязательности». Не удивительно, что свой кружок В. В. Преображенский назвал - Болотовским. Портрет В. В. Болотова находился в комнате-зале Единения.

О работе Кружка написала воспоминания Елена Карловна Берзинь-Францман, тогда ученица гимназии О. Н. Лишиной и студентка Филологического факультета Латвийского университета, позже заведовавшая кабинетом русского языка и литературы в Латвийском республиканском институте усовершенствования учителей, кандидат филологических наук: «Помню, это было в начале учебного года, в 9-м классе. В связи с ознакомлением с деятельностью Мартина Лютера, мы принимали участие в сравнении основных положений лютеранского и православного вероисповеданий. После урока наш преподаватель истории, Василий Васильевич Преображенский, подозвал меня и предложил придти на занятие в кружке им. проф. Болотова. Этот кружок был при Русском Православном Студенческом Единении. В нем принимали участие учащиеся старших классов и уже окончившие школу. С тех пор я стала членом "Болотовского кружка".

До тех пор я ходила в церковь с мамой; в гимназии мы всегда перед началом уроков собирались по классам в зале на общую молитву. Но это все было что-то привычное, не осознанное, как традиция, как обычай.

Впервые на занятиях Болотовского кружка я стала осознавать значение веры, начала понимать значение, суть религии. Читали и делали сообщения о различных религиозных направлениях. Но особенно меня увлекало изучение исторических документов, связанных с жизнью Христа. Тогда, в 1929 или 1930 г., меня поразила возможность доказательства истинности тех фактов, о которых повествовалось в Евангелии. И вот с тех пор мое восприятие религии, веры, которую раньше многие называли "слепой", стало для меня глубоко осознанной истиной, моим глубоким убеждением, которое сохранилось на всю жизнь.

Мы читали Толковое Евангелие Лопухина, произведения Ренана, свидетельства историков, живших во время жизни Христа. В. В. Преображенский, будучи сам глубоко верующим человеком, старался приобщить и других, особенно молодежь, к изучению вопросов религии. В. В. Преображенский умел руководить молодежью, приучал любить и понимать значение научной работы, приучал жить работой мысли.

Когда мы кончали гимназию, мы завели альбомы, в которых наши преподаватели писали нам что-нибудь на память. В моем альбоме В. В. Преображенский написал (по-французски): "Ложная наука создает атеизм, истинная приближает к Божеству" (Вольтер) - "Une fausse science fait des athées, une vraie prosterne l'homme devant la Divinité".

И до сих пор помню, как Василий Васильевич рассказывал нам о последних минутах проф. Болотова. Его последние слова были: "Христос идет, Бог идет! Иду ко Христу"».

Педагогическая работа Единения в Риге к 1931 г. значительно расширилась. Возникла организация мальчиков - "Дружина витязей". Рижские витязи сильно отличались от витязей в других странах. Работа рижской Дружины

витязей по направлению своему была религиозной, а по формам практической работы - скаутской. Движущей силой воспитательной работы было Евангелие, внешние формы работы строились по книге основателя скаутского движения Баден-Пауля. Впрочем, по замыслу самого основателя скаутского движения, по первоначальному замыслу, и скаутское движение мыслилось как религиозное.

Духовным руководителем Дружины был протодиакон Василий Мельников, руководителями Иван Евгеньевич Пошивайло (начальник дружины до 1933 г.), Дмитрий Васильевич Маслов, Дмитрий Яковлевич Мурзо, Георгий Большаков, Александр Жейбе, Николай Земеринг, Георгий Ильинский, Виталий Караваев, Борис Плюханов, Сергей Тушкалеев. Все руководители дружины составляли штаб дружины.

У дружины был свой флаг: на белом шелковом полотнище изображение святого благоверного великого князя Александра Невского (вышивка) и надпись - "За веру, за правду".

Дружина подразделялась на патрули-звенья. У каждого патруля было свое наименование и, соответственно, свой флажок: Варяг, Ермак, Игорь, Олег, Рюрик, Святогор, Суворов и др.

Звенья составлялись по возрасту мальчиков.

Был у членов Дружины витязей и свой значок: квадратик с красным ободком, внутри квадратика, на синем поле, белый крест.

Приему желающего поступить в Дружину предшествовал испытательный срок. Первая группа витязей составилась из мальчиков восьми лет и старше, воспитанников воскресной школы. Эти мальчики первыми, при официальном открытии дружины 14 апреля 1931 г. и освящении знамени Дружины, давали торжественное обещание: "Буду хранить веру мою, чтить знамя мое и следовать заветам витязей в жизни, в мыслях и поступках". В течение года в Дружину поступило 60 мальчиков. Кроме них нерегулярно посещали занятия еще 30 мальчиков.

В занятия патрулей включались: 1. Беседы исторического и географического содержания, сопровождавшиеся иллюстрациями; 2. Чтение рассказов религиозно- нравственного характера; 3. Беседы о практических навыках, необходимых для участия в жизни Дружины: о подготовке к лагерю и жизни в нем, о походах, об оказании первой помощи и пр. Протодиакон В. Мельников проводил беседы, посвященные объяснению молитв, двунадесятых праздников и т. д., а также обучал церковно-славянскому языку и пению, церковному и светскому (народным песням).

Важнейшими событиями 1931 г. в жизни дружины были: участие дружины в Крестном ходе в День русской культуры; два похода и две однодневные поездки в Царский лес и на Белое озеро, в весенний период. В июне был организован лагерь. Мальчики жили в палатках, участвовали в общей молитве. Пища также была общей. Осенью начало работы сопровождалось молебном и общим собранием Дружины. 20 сентября Дружина в полном составе и в форме присутствовала на молебне по случаю 10-летия архиепископства арх. Иоанна (Поммера). 30 сентября состоялось открытие кружка им. св. князя Александра Невского, в который вошли все руководители Дружины, весь штаб. В зимний период был отмечен праздник св. Александра Невского - молебном и актом. Состоялся прием новых членов Дружины. Был издан журнал "За веру, за правду". Трижды члены Дружины побывали на детских спектаклях в Театре русской драмы. Инженер-механик Андрей Павлович Иванов прочел два доклада: "История паровой машины и паровоза" и "История автомобиля". [39]

Старшим звеном Дружины руководил Д. В. Маслов, пользовавшийся большим уважением у мальчиков. Многие из этого звена через 2-3 года могли стать хорошими руководителями отдельных звеньев Дружины. Привязанность мальчиков этого звена к своему руководителю сохранилась на долгие годы. Один из витязей этого звена присутствовал даже на похоронах Дмитрия Васильевича, умершего в 1989 г.

Воскресная школа продолжала работу в составе четырех групп. Значительно возрос педагогический опыт руководителей и окрепла организация работы.

Начал работу иконописный кружок. Были организованы курсы по изучению английского, французского, немецкого и латышского языка.

Продолжало работать благотворительное содружество св. Николая, руководительницей его была Мильда Ивановна Миезис.

Начались работы по открытию Детского сада. Была разработана смета расходов - 3000 лат в год. Расходы было намечено поделить в равных долях между Единением и Дамским комитетом Просветительного общества в Риге. Детский сад должен был обслуживать детей малоимущей части населения Московского предместья г. Риги.

В состав Единения входили также два кружка в Двинске (Даугавпилсе), два кружка в Режице (Резекне) и один кружок в Люцене (Лудзе). Работал также Детский уголок в Двинске.

Для сбора средств среди русского населения в марте 1931 г. снова проводилась финансовая кампания, между 15 и 23 марта. Ни лотерей, ни иных платных мероприятий РСПЕ никогда не устраивало. Было в начале работы Единения решено провести собрание представителей русского населения Риги для ознакомления с целями работы и с самой работой Единения, представителей, о сочувствии которых к Единению было уже известно. Встреча состоялась. На приглашение Единения откликнулась Марианна Борисовна Черкасская, Мария Андреевна Ведринская, Сергей Алексеевич Белоцветов, Елизавета Александровна Лаповиц, Оскар Иванович Ион, Николай Иванович Шалин, Владимир Александрович Чумиков, некоторые представители русского купечества. Эта встреча помогла укрепить связи с русским обществом Риги. Участвовало во встрече и рижское духовенство - протоиереи Александр Македонский, Кирилл Зайц, Иоанн Янсон.

Большое значение для привлечения внимания к Единению имели также организуемые РСХД приезды и

выступления с лекциями выдающихся деятелей русской духовной культуры - В. В. Зеньковского, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, прот. С. Четверикова, о приезде которых в Латвию уже было упомянуто; приезжали также Г. В. Флоровский, Ф. Степун, иеромонах Иоанн (Шаховской) - неоднократно, В. Н. Ильин, Б. И. Сове, Б. П. Вышеславцев, монахиня Мария (Скобцова). Много значили в этом отношении и выступления с лекциями деятелей РСХД, непосредственно связанных с работой рижского Единения: Л. А. Зандера, И. А. Лаговского, Л. Н. Липеровского, А. И. Никитина.

Отец Сергий Булгаков в Прибалтику не приезжал и, таким образом, непосредственного влияния на членов Движения в Прибалтике не мог оказывать. Но среди членов Движения в Прибалтике были распространены его книги, о нем много говорили и рассказывали другие деятели Движения и те представители Движения в Прибалтике, которым выпало счастье участвовать в общих съездах РСХД.

Между прочим, в Риге проживала двоюродная сестра о. С. Булгакова по отцовской линии, Елена Петровна Булгакова-Пурмал. Скончалась она 31 марта 1990 г. У нее хранились семейные фотографии семьи Булгаковых.

Сама Елена Петровна была человеком, преданным церкви, внутренне чистым, очень скромным, в чем-то достойным своего великого брата, того, кого митрополит Евлогий (Георгиевский) назвал христианским мудрецом, учителем церковным, апостолом, просвещенным от Духа Святого.

Помня о тех злополучных обвинениях, которые в свое время возводились Московской Патриархией на отца Сергия Булгакова, Е. И. Пурмал в 80-ые годы обратилась к митрополиту Леониду (Полякову) с вопросом, как теперь относится Патриархия к о. С. Булгакову. Митрополит Леонид заверил ее, что отец Сергий Булгаков почитается как верный и достойный сын русской православной церкви.

Зимний религиозно-педагогический съезд РСХД Прибалтики на этот раз Советом Прибалтики был разделен на два съезда: латвийский и эстонский.

Зимний съезд РСХД в Латвии

Состоялся в Риге с 26 по 29 декабря 1930 г. Участвовало в съезде около 100 человек, членов Движения из Риги, Двинска - 8 человек, из Режицы - 14 человек. Участвовали также делегаты из Эстонии. Молебен был отслужен прот. И. Янсоном, им же было сказано и слово-приветствие. Был прочитан доклад Л. А. Зандером "Улица и молодежь". На следующий день, после литургии, выступил с докладом секретарь РСХД А. И. Никитин на тему "Школа как духовная семья". После обеда состоялись семинары: А. И. Никитина - "Вопросы пола"; Л. А. Зандера - "Проблемы Движения" (как принять удар безбожия; как помочь детям; экуменическая проблема) и В. В. Преображенского - апологетические вопросы.

28 декабря состоялась поездка на дачу к архиепископу Иоанну. Архиепископ Иоанн принял гостей ласково и устроил большой концерт церковных песнопений, заведя граммофон с прекрасными пластинками. В благодарственном слове, обращенном к архиепископу Иоанну, Л. А. Зандер отметил, что молодежь, обращаясь к архипастырям церкви, неизменно находит у них не власть, не учительство, а прежде всего ласку и любовь. Арх. Иоанн в ответном слове говорил о своем отношении к РСХД, его руководителям, каждому члену Движения.

Вечером прот. М. Петерсон отслужил вечерню и призвал участников съезда к исповеди. Утром 29 декабря была литургия и причастие. Литургию отслужил о. И. Янсон. Пел хор движенцев под руководством протодиакона В. Мельникова.

Позже состоялся доклад И. П. Тутышкина "Гимназисты и студенты". И. П. Тутышкин провозгласил апологию свободы, как основного содержания здоровой школьной атмосферы, но в антитезу он включил требование к молодежи: 1) искать вождей, ведущих трудной дорогой, и 2) признавать руководство старших, "властную руку, которая может ухватиться за нравственный шиворот".

Доклад вызвал споры, оживленную беседу.

После обеда и семинаров состоялось заключительное собрание, с подведением итогов съезда. Это был очень оживленный, временами даже веселый съезд. По мнению некоторых участников, съезду мешала атмосфера клуба на Тургеневской. При скученности 100 человек в комнатах Единения, конечно, бывало и шумно. Было высказано также мнение, что съезд был недостаточно духовен. Л. А. Зандер, подводя итоги состоявшемуся собеседованию о съезде, указал на опасность искать специальной "духовности"; отметил наличие серьезного, сурового подхода членов Единения к движенской работе. «Завтра вы будете вспоминать съезд с радостью и говорить: как жаль, что он уже окончился ! »

После съезда состоялось совещание Совета РСХД в Прибалтике, на котором было решено провести летний съезд РСХД Прибалтики в Латвии, в Латгалии, и привлечь молодежь к активному участию в работе съезда, поручив им проведение семинаров.[40]

Позже, на Религиозно-педагогическом съезде РСХД Эстонии, в Ревеле, происходившем 22-25 февраля 1931 г., было отмечено, что стиль непринужденного веселья до сих пор был чужд Ревелю, его принесла в Ревель с собой Рига, где эта сторона движенской жизни находится на правильном пути. Ревельцы решили работать над созданием клуба и собираться не только "в катакомбах" (в подвальном помещении под кафедральным собором, которое занимало Движение), но и частным образом, на квартирах друг у друга.

В дни съезда, при живейшем участии А. И. Никитина, группой девушек было основано "Девичье содружество", с желанием помогать Единению.

В январе 1931 г. А. И. Никитин в рижской городской русской (Ломоносовской) средней школе прочел доклад "Идеалы современной молодежи". После доклада гимназисты и гимназистки были приглашены на собрание в Единении. В пасхальные дни апреля состоялось офи-

Совет РСХД в Прибалтике
(Рига, 1931 г.)

циальное открытие кружка девушек-гимназисток. "Днем именин" кружка стал день 18-го апреля - день праздника Божьей Матери Живоносный Источник. По совету прот. К. Зайца, и сам кружок был назван "Живоносным Источником". Кружок занимался изучением Евангелия от Марка, с помощью толкования Гладкова. Два собрания были посвящены дискуссии: "Что такое счастье?"

Состоялся доклад на тему "Что дает нам вера?" Один раз в месяц устраивались собрания для разговоров "по душам", кому о чем вздумается; собрания эти проводились с чаепитием. Читались также любимые стихотворения того или иного члена кружка. При одобрении стихотворения другими членами кружка стихотворение вносилось в альбом "Наши любимые стихотворения". Был заведен также альбом для художественных открыток. Одна из гимназисток подарила кружку полное собрание открыток Третьяковской галереи. Отмечались и праздновались именины членов кружка. [41]

В 1931 г., из-за финансовых затруднений, общий съезд РСХД не созывался, а был созван съезд Совета РСХД, который состоялся 27 мая-2 июня 1931 г. Было решено к началу будущего года упразднить должность центрального секретаря в Прибалтике. Платными секретарями Единения в Латвии был выбран Н. П. Литвин, а РСХД в Эстонии Т. Е. Дезен. Л. А. Зандер был выбран центральным секретарем по финансам РСХД. Таким образом, работа РСХД в Латвии перешла полностью на ответственность местного латвийского секретаря и, частично, местного для Прибалтики Совета РСХД. Однако, не исключались приезды в Прибалтику секретарей РСХД для выступлений с лекциями и для оказания другой помощи в работе РСХД в Прибалтике.

Четвертый летний съезд РСХД в Прибалтике

Съезд состоялся 6–12 июля 1931 г. в Латгалии, в восьми километрах от Режицы, в Лоберже, в имении Вощининых.

Для съездов РСХД ключевой была связь с храмовой молитвой и таинствами исповеди и причастия. Первые три съезда РСХД проводились в стенах монастырей, уклад которых сам по себе крепил эту связь. На этот раз съезд проходил вне стен монастыря, "в миру". Задолго до съезда в кругу участников РСХД высказывались сомнения в возможности духовности съезда, проводимого в "светских" условиях. На самом съезде некоторые участники съезда и находили, что этот съезд был менее духовен, чем предыдущие. Однако автор обзорного очерка о съезде писал: «Духовность имеет различные проявления. Здесь не было, конечно, сосредоточенности монастырской жизни и молитвы, но в здоровом, бодром настроении молодежи, в ее упорной работе над религиозными вопросами, в ее проникновенных индивидуальных беседах по самым глубоким вопросам веры и жизни проявилась несомненная и подлинная духовность, и уже не только в форме "настроенности", но и в попытке найти подход к активному участию в строительстве жизни... Наш гостеприимный хозяин на заключительном собрании с волнением сказал: "До вас был в моей душе мрак, отчаяние, уныние. Явились вы и принесли с собой свет, любовь, радость и надежду. За это все я благодарю вас от всего сердца».

Основное новое в этом съезде были семинары, которые проводились молодежью Движения. Планы семинаров большею частью были разработаны под руководством Л. А. Зандера еще задолго до съезда. Руководителями семинаров был проработан большой литературный материал. Семинары, по заключению старших участников съезда, были очень содержательны, интересны и полезны для участников. Руководителями семинаров со стороны рижского Единения были: В. В. Косинский (аскетический: молитва и духовная жизнь), Е. К. Берзинь (апологетический: "Защита

христианства от нападок со стороны истории“), Д. В. Буковский (Православие и инославие), В. К. Торно (религиозно-философский: “О счастье“), А. И. Драгунова (позже – Преображенская) – религиозно-педагогический; М. И. Миезис (религиозно-литературный), Б. В. Плюханов (социальный – по книгам о. С. Булгакова “Два града“).

Вся техническая сторона съезда лежала также на самой молодежи. Руководители в течение всего съезда вставали в 5 часов утра, должны были отказываться от экскурсий, прогулок. Обязанности были самые разнообразные – по кухне, столовой, дортуарам (три громадных сеновала).

На съезде были прочитаны следующие доклады: проф. Г. В. Флоровский – Православие среди инославия; Б. И. Сове – Оксфордское движение в Англии; Л. А. Зандер – О национализме; Л. Н. Липеровский – Общественное служение христианина; И. П. Тутышкин – Идеалы педагогики; А. И. Никитин – Христианство и семья. В съезде принимал участие художник Н. П. Богданов-Бельский, выступивший с докладом о С. А. Рачинском, учеником которого он был, а также показавший свои последние работы на “латгальские“ темы. Н. П. Богданов-Бельский руководил также движенским хором – и в церкви, и во время прогулок по окрестностям Лобержа. Сам Николай Петрович Богданов-Бельский в свое время пел в хоре придворной капеллы.

Богослужения происходили в церкви имения Вощининых. Совершали богослужения священники соседних сел – настоятель Кульневской церкви о. Амвросий, о. Никанор Трубецкой, о. Геннадий Комаровский. На два последние дня съезда приехали о. К. Зайц и о. И. Янсон.

Собрания проводились на большой поляне, на опушке леса. Само имение было расположено на берегу озера.

На собрания приходили и крестьяне из соседних деревень. Особенно много собралось их на заключительном молебне. Потом один из крестьян сказал: “Вот за такой молодежью и мы готовы идти с радостью“. [42]

Во время съезда участники посетили храм села Кульнева, где находилась гробница героя Отечественной войны генерала Якова Петровича Кульнева (1763-1812), смертель-

но раненного во время сражения при Клястицах (Клястицы – по дороге из Полоцка в Себеж).

В своих воспоминаниях о Русском Студенческом Православном Единении в Режице Екатерина Мелетиевна Рагозина, окончившая русскую правительственную гимназию и русский Учительский институт в Резекне и принимавшая участие в работе РСП Единения, рассказывая о работе в Резекне, много внимания уделила съезду в Лоберже. Е. М. Рагозина пишет:

« РСХД в Режице началось в 1929/30 учебном году, когда во время рождественских каникул здесь состоялся зимний съезд.

Все заседания-доклады проходили в большом зале, в помещении русской правительственной гимназии, а приехавших на съезд движенцев разместили в интернате русского Педагогического института. Здесь движенцы и питались.

Под впечатлением этого съезда в том же году в среде учащихся института начали действовать кружки РСХД: Евангельский, Семинар по Достоевскому и Литературно-драматический. Все собрания и мероприятия, с разрешения директора Ивана Петровича Тутышкина, проходили в интернате.

Неизменным председателем кружков был С. С. Шелков, который по окончании русской гимназии продолжал образование в Педагогическом институте, а я – секретарем.

На следующие зимние съезды РСХД, которые проходили в Риге, ездили и наши члены кружков, а также и на большой летний съезд в Лоберже, о котором мне хочется рассказать подробней, так как он продолжался неделю и дает подробную картину вообще всех съездов РСХД и работы на них.

Было лето 1931 г. Съехалось более двухсот человек, главным образом студенчество и педагоги Прибалтики. Профессора прибыли из Парижа и из Риги. Присутствовали и священники.

Имение Лоберж находится в очень красивой, живописной, холмистой местности. В парке, на пригорке,

большой помещичий дом с большой верандой и белыми колоннами.

Всю молодежь разместили по большим сараям; так, в нашем женском сарае было 80 девушек и дам. Подостлав вороха свежего душистого сена, мы приготовили себе ложе для сна. В каком-то сарае были так же размещены и мужчины. В одном из сараев была устроена кухня, и еще в одном - столовая. Священников и профессоров хозяин имения поместил у себя в доме. К дому вела аллея, у начала которой слева была маленькая уютная церковь. Кажется, слева от дома был сад; справа хорошо запомнился красивый сосновый лес и за ним, под горкой, озеро.

В этом лесу я случайно познакомилась с художником-академиком Н. П. Богдановым-Бельским. Произошло это так: на другой день после приезда, рано утром, выкупавшись в еще туманном озере, я и моя подруга Тамара Пимеенко решили пройти в имение прямо через лес, а не по дороге, чтобы сократить наш путь и не опоздать в церковь на молебен перед началом лекций. Молодые и бодрые после купания, мы весело разговаривали, смело шагая по мягкому мху. Ноги утопали, как в пушистом ковре, и это нас смешило и восхищало.

Мы вдруг вышли на поляну и увидели на ней перед мольбертом солидного господина и рядом - другого, ниже ростом. В этом другом сразу узнали нашего преподавателя русского языка А. И. Шкультина. Остановившись в нерешительности и смущении (мы не предполагали, что кто-нибудь будет в лесу так рано), мы хотели потихоньку удалиться. Но Александр Иванович нас узнал и велел подойти.

Смущенные, покрасневшие от стыда (ведь мы были босые), подошли к ним. "Николай Петрович, познакомьтесь, это наши институтские художницы, Катя Рагозина и Тамара Пимеенко. Обе имеют пятерки по рисованию". Художник переложил кисточку в левую руку и пожал наши дрожащие пальчики. - "С добрым утром, милые барышни! Вы уже успели выкупаться!" - "Академик Богданов-Бельский", - отрекомендовал нам художника г. Шкультин. Услышав это имя, мы растерялись до того, что

тут же, в лесу, в летних платьицах и... босые, по привычке склонились перед художником в глубоком реверансе. Богданов-Бельский весело, добродушно смеялся, а мы готовы были плакать от смущения и стыда. Сообщив, что мы должны быть в церкви на молебне, и попросив извинения, поспешили уйти.

После молебна и завтрака была дана программа съезда. Общая тема: Человек - образ и подобие Божие. 7 докладов профессоров и семинары. На докладах профессоров должны присутствовать все, а семинар каждый выбирает себе сам. Я выбрала Педагогический. Порядок дня: служба в церкви, завтрак, доклад, обед, отдых, семинары, ужин, вечерняя молитва в храме, костры. Все лекции и семинары проводились под открытым небом на разных полянках и у опушки леса. В жаркие дни - в лесу.

Как трепетало наше сердце от умиления, когда под вечер с холмов или опушки леса, то там, то тут, слышалось пение молитвы: "Достойно есть..." Это семинары кончали свои занятия.

После вечерней молитвы в храме, на "кострах", декламировали стихи, пели русские песни, играли в горелки.

Придя в церковь на следующий день, мы были приятно поражены, что хором, составленным из движенцев, управляет Богданов-Бельский. После службы почти все остались в храме, чтобы посмотреть картину его "У иконы". Она была еще здесь. На этой картине девочки и мальчики смотрят перед образом Божией Матери на огонек в лампаде. Огонек, казалось, мигал.

После завтрака мы пошли на лекцию профессора Георгия Флоровского. По дороге на опушку леса, место, назначенное для общих докладов, мы должны были проходить мимо изгороди, отделявшей усадьбу от полей. На изгороди сидел мальчик, около, на земле, стоял другой, и Богданов-Бельский писал с них картину. Они были только в наброске.

На следующий день художник писал уже их лица.

Так каждый день в течение недели, проходя на лекции в одно и то же время, задерживаясь до последней минуты,

Доклад Г. В. Флоровского (съезд в Лоберже, 1931 г.)

мы наблюдали, как художник "одевал" мальчиков, как на наших глазах создавалась картина.

После обеда Богданов-Бельский писал других двух мальчиков, на другом месте: на фоне золотистой ржи, на большом камне у дорожки, сидели деревенские мальчики. Как мы были счастливы, что могли ежедневно наблюдать работу большого мастера и видели в оригинале его четыре полотна.

На третий день съезда почти все участники отправились пешком в имение Кульнево, в 15 км от Лобержа, чтобы отслужить панихиду в связи с приближавшимся 120-летием со дня кончины героя Отечественной войны генерала Кульнева, могила которого была в его имении.

По дороге в имение Кульнево мы пели песни, декламировали стихи, разговаривали. Было дружно, весело, интересно. В тот же день, отдохнув два часа после панихиды, мы таким же пешим порядком, усталые, но морально удовлетворенные, вернулись в Лоберж.

Вряд ли заставили бы сегодня молодежь пройти 30 км, чтобы только отслужить панихиду, да еще по умершему 120 лет назад. Для нас же это был естественный выход нашим чувствам. Мы горели любовью к России, скорбели об ее участи, преклонялись перед ее прошлым величием, перед ее культурой, ее историей.

После Кульнева я долго не могла уснуть. Слишком много было впечатлений. Доктор о. Лев Липеровский (в то время еще в сане дьякона), приехавший из Парижа, по дороге в Кульнево меня впервые заметивший, по моему лицу сказал все мои способности и наклонности так точно, как будто бы он знал меня годы. Он сказал, что я живу чем-то таким, чем не могут жить другие; что это мне дано свыше и это мое преимущество перед другими. Мне казалось, что я живу, как все другие люди, и это "что-то" меня интересовало. Я старалась разобраться в себе и не находила объяснения. Ведь мы шли группой, а он стал говорить только обо мне. Я долго не могла уснуть в ту ночь.

На следующий день был доклад Богданова-Бельского о Рачинском. Был очень жаркий день. Все расположились

на теневой стороне холма, покрытого лесом. Многие девушки были в сарафанах, а молодые люди в русских рубашках. Картина получилась живописная. Слушали очень внимательно. Богданов-Бельский родился в деревне Шепотах Бельского уезда, принадлежавшей помещику С. А. Рачинскому, профессору физиологии растений Московского университета. Рачинский оставил университет и занялся народной школой. В своем имении он основал собственную народную школу. Богданов-Бельский рассказал: "Я любил рисовать, но семья была бедная и нечем было рисовать, не было у меня и бумаги. Я углем рисовал на воротах и заборах лошадок, собак и своих друзей-мальчишек. Иногда мне попадало. Если хозяин двора ловил меня, то заставлял смыть "пачкатню". Это еще были рисунки примитивные, детские, но меня к этому тянуло. И вот открылась школа. Моя мать и мать Сашки, моего неразлучного друга, пришли к барину Рачинскому и бухнулись в ноги. – "Батюшка барин! Возьми ты этих обормотов хоть с хлеба, может они на что и сгодятся". Рачинский взял нас к себе в школу и скоро убедился, что мальчуганы мы были хорошие, способные и послушные. Сашка имел склонность к пению, божественному, а я к рисованию. Так и определилась наша судьба: я, как знаете, сделался художником, а Сашка – отцом Александром, впоследствии духовником царской семьи". О Рачинском художник вспоминал с любовью и уважением.

Мне Движение дало очень много. Оно приблизило меня к православию, под влиянием Движения я заинтересовалась вопросами духовного порядка – богословием, вопросами самосовершенствования, самопожертвования и т. д.

В Режице Движение существовало до 1934 г., когда оно вообще в Латвии было запрещено властями. К тому времени активные члены Движения уже закончили образование и разъехались из Режицы.

Всю свою дальнейшую жизнь и до старости я сохранила добрую и благодарную память о Движении и профессорах,

Заключительный молебен (съезд в Лоберже, 1931 г.)

как отец Василий Зеньковский, о. Сергий Четвериков, о Льве Александровиче Зандере, Валентине Александровне Зандер, с которыми была в переписке до конца их жизни. Живя в Париже, я часто навещала мать Марию (Скобцову), погибшую потом в немецком лагере, В. Н. Ильина, А. И. Никитина. Все они призывали нас, молодежь, к деланию добра, к духовному просвещению, к оцерковлению жизни, к жизни во Христе».

Написаны эти воспоминания Екатериной Мелетиевной Рагозиной-Гейлих (фамилия по второму браку) по моей просьбе в 1990 г., в США, где она проживает в настоящее время.

Знаменательна судьба самой Кати Рагозиной. В 1936 г. она приняла - по печатавшимся в журнале "Иллюстрированная Россия" объявлениям - предложение о браке русского эмигранта Николая Спиридоновича Данилова, вдовца, отца четырех детей, и выехала во Францию. Дети Даниловы к тому времени уже были офранцужены. Екатерина Мелетиевна вернула в семью русский язык и стала для сирот настоящей матерью, о чем свидетельствуют сами дети, называя ее до сих пор только "мама". От брака с Н. С. Даниловым у Екатерины Мелетиевны родился также сын.

В своих воспоминаниях Екатерина Мелетиевна написала: «Живя 54 года за границей, я несколько раз слышала, что Прибалтика дала много выдающихся личностей, действующих в зарубежье по сей день, особенно на ниве Христовой. И я считаю, что это благодаря Русскому Студенческому Христианскому Движению».

К замечательным личностям русского зарубежья, бывшим членам РСХД в Прибалтике, нужно причислить и Е. М. Данилову-Гейлих.

Съездом в Лоберже заканчивался период постоянного пребывания Л. А. и В. А. Зандер в Риге и Прибалтике.

Некоторые события Лобержского съезда были запечатлены в шутливых двустишиях, иногда изрядно ироничных, но всегда пронизанных душевным расположением к происходившему на съезде.

Автором этих двустиший, насколько помнится, была Нина Аникиевна Мигуева, участница Движения в Таллине. Позже Н. А. Мигуева была преподавательницей пения в Московской Духовной академии.

Приведем некоторые из них:

На вокзале шум, волненье, —
Едет в Режицу Движенье...

Разместились мы, как баре,
Светят звезды в дортуаре.

Как у нас на сеновале
В сено туфли закопали,

Шпильки, кольца, мазь, часы,
Бутерброд из колбасы.

Зандер съезд наш открывал,
К единенью призывал.

Единенье нам не в труд,
Земляники был бы пуд.

Клуб - Движенья идеал, -
Грозно Леша возвещал.
(Алексей Буковский)

В корне с братом не согласен,
Председатель тих и ясен.
(Дмитрий Буковский)

Ходит грустная молва,
Что не будет отче Льва.
(Л. Н. Липеровский, диакон, врач).

Но, о чудо! шум и гам,
Отче Лев явился к нам.

Зной полуденный томит.
Зандер бесом нас корит.

Бес лукавый искушает,
Прямо в озеро толкает.

Мы со славой знамя носим:
Каждый день комиссий восемь.
Но движенцы, на беду,
Целый день сидят в пруду.

Утром, вечером и днем
Литвин машет топором.

Комендант в трудах весь день,
Скоро будет словно тень.

А помком в сомненьях бурных -
Позабыл в лицо дежурных.

Отче Лев нас поучает,
Как подметки подбивают.

За столом мы сели в ряд,
Ножки в воздухе висят.

Нам велят зараз вздыхать,
По команде суп глотать.

Подают нам макароны,
Словно из синдетикона.

В ночь Купалы - искушенья,
Весь народ пришел в волненье.

Сам Никитин соблазнился,
Хоровод водить пустился,

И движенский быт творя,
Пляшут танец дикаря.

Все высокие духовно
Спать уходят безусловно.

Не дают нам нынче спать,
В час ложимся, в пять вставать.

В час соседи верещат,
В пять коровушек доят.

Сколько люду, сколько встреч!
Сам британец держит речь.

Был Тутышкин, и для нас
"Белых риз" привез запас,

И советов дал немало,
Как идти на Ганнибала.

В Риге жизнь кипит ключом,
Есть эстонцам стол и дом.

Бойки в Режице малютки,
"Заседают" целы сутки.

Двинцам славу воспоем. -
Держат знамя вшестером.

Словно вешние фиалки
Расцвели движенцы в Валке.
(Обыгрывается фамилия д-ра Жаворонкова – члена Валкского кружка)

Ходит Ревель в клобуке,
Ставит оперы в кружке.
(Оперы исполняла сама Н. А. Мигуева)

Юрьевчане люд усердный -
Детский сад у них примерный.

Но кругом суровый люд,
Больше кроны не дают.

А Печорам горя нет -
Проживают без монет.

Как у нарвских водопадов
О подростках ждут докладов.

И от финских хладных скал
Свет Движенья воссиял.
(Приезд Б. И. Сове из Финляндии).

Но для финских для носов
Зной латгальский нездоров.
(Б. И. Сове на съезде заболел)

Братцы, слышали вы весть? -
У движенцев дядя есть!

Дядя Саша нас в четверг
В изумление поверг.

Говорит он, что у нас
И Олимп есть, и Парнас.

На Парнасе сидит дядя,
В телескоп на север глядя,

Как чарующей звездой
Мы восходим над землей.
(А. И. Никитин – секретарь РСХД-Париж, Монпарнас, – с похвалой отзывался о РСХД в Прибалтике)

Слезы капают из глаз, -
Покидает Зандер нас.

(На съезде Л. А. Зандер прощался с членами РСХД в Прибалтике, так как срок его пребывания в Прибалтике закончился)

Утешение в одном -
Мы составим исполком.

А порядок дня таковский -
Все заканчивал Флоровский,

И во мгле ночного хлада
Согревал нас жар доклада.

После съезда : 1931–1932 гг.

11 октября 1931 г. состоялось открытие Православного Дружества учащейся молодежи, гимназического Дружества, ставшего связующим звеном между Единением и учащейся молодежью рижских средних школ. Дружество знакомило гимназистов и гимназисток с идеологией и работой как самого Дружества, так и Единения. На собрании кружка гимназисток разбирались темы: “Жил ли Христос?“, “Воскрес ли Христос?“ После докладов были прения, проводившиеся по заранее принятому плану: все слушатели выступали как оппоненты-“атеисты“. Защищая свою точку зрения, докладчик иногда сбивался. Тогда “оппоненты“ оказывали ему помощь.

Гимназическое Дружество объединяло кружки юношей и девушек, учащихся рижских средних школ. Девичье Дружество - кружки девушек, не входивших в гимназические кружки.

Зимний съезд Единения состоялся в Риге с 25-го по 27-ое декабря 1931 г.

В съезде участвовали Владимир Николаевич Ильин, профессор (тогда еще доцент) парижского Богословского института, посвятивший свой доклад литургике, и старший секретарь РСХД Александр Иванович Никитин,

говоривший о задачах религиозного воспитания молодежи, указавший на основные цели этого воспитания: пробудить чувство Бога, восприятие лика Христа внутрь себя, выработка целостного православного миросозерцания, создание волевой установки.

Позже, в январе 1932 г., делегаты Единения из Риги и Двинска приняли участие в Религиозно-педагогическом съезде РСХД в Эстонии, в Нарве.

17 января 1932 г. состоялось годичное собрание Единения. Было избрано правление в новом и расширенном составе (Литвин, Плюханов, Карклин, Маслов, Мильда Ивановна Миезис). Правлением были выбраны также помощники членов правления. Было решено, для большего объединения групп и кружков Единения, проводить общие встречи по пятницам и воскресеньям. Ответственность за проведение пятничных встреч была возложена на Д. В. Маслова, воскресных - на Б. В. Плюханова. По разработанной программе, по пятницам два раза в месяц в помещении Единения совершались акафисты, с последующим докладом на чисто религиозные темы, и два раза в месяц семинары, проводимые представителями духовенства (главным образом, о. К. Зайцем и о. И. Янсоном). Для воскресных встреч в программу были включены: один раз в месяц - доклад приглашенного лектора, один раз в месяц доклад члена Единения и два раза в месяц литературные вечера. Надолго запомнился литературный вечер, составленный из отрывков художественных произведений русских писателей - на тему "он" и "она" на протяжении десятилетий. [43]

Участница кружка "Живоносный Источник" и Гимназического дружества Надежда Карловна Либталь, позже Кравченок-Фельдман, кандидат филологических наук, доцент, в своих воспоминаниях, написанных по моей просьбе, по записям 1931-1932 гг., так описывает работу кружка и, частично, всего Единения в этот период:

«В 1931 г. учащиеся предпоследнего класса рижской русской (Ломоносовской) средней школы (где училась и Надя Либталь - *Б. П.*) почти все участвовали в работе раз-

Гимназическое дружество РСП Единения
и его гости (октябрь 1931 г.)

личных кружков Р.С.П. Единения, а с 11 октября 1931 г., когда оно стало работать, и в Гимназическом дружестве.

Осенью в кружок "Живоносный Источник" пришло пополнение. Его новыми членами стали гимназистки, которые перешли в нашу школу из других.

В ноябре 1931 г. новые члены кружка были приняты и в Гимназическое дружество.

Участницы девичьего кружка "Живоносный Источник" продолжали заниматься изучением и разбором Евангелия от Марка. Часто собрания Кружка посвящались и другим темам; читались также статьи из журнала "Вестник", письма секретаря РСХД Александра Никитина из Парижа и др. В кружок неоднократно приходили и учителя из Ломоносовской гимназии. Запомнились посещения заместителя директора по работе с девочками и классной руководительницы (тогда говорили: "классная дама") Лидии Ивановны Жиглевич. Много споров вызвало ее сообщение: "Что такое религиозность и чем религиозность отличается от обрядности". Ближе к весне Лидия Ивановна провела в кружке беседу о равноправии мужчины и женщины. Обсуждался также вопрос о выборе профессии. Впервые перед девочками была поставлена тема о назначении и роли женщины в жизни. Под конец беседы девочки стали высказываться, кем бы они хотели родиться, если бы это зависело от них, - мужчиной или женщиной!

Приходил в кружок и преподаватель русской литературы Дмитрий Павлович Тихомиров. Он рассказывал о постановке школьного образования в различных странах.

Председательницей кружка в то время была Мариамна Михайловна Валуева (позже, по мужу, Бреденфельд, известный в Риге офтальмолог; скончалась 27 сентября 1990).

Руководила кружком всеми нами любимая Тонечка, Антонина Ивановна Драгунова (в замужестве Преображенская; скончалась в 1989 г.).

Историк по образованию, она была талантливым педагогом, благотворно влияла на членов кружка, следила за развитием характеров девочек, приучала их к педагогической деятельности. Многие "живоносницы" после

Зимний съезд РСП Единения в Риге, декабрь 1931 г.

слева направо в центральном ряду: **Мильда Ив. Миезис, протодиакон Василий Мельников, прот. Иоанн Янсон, В. Н. Ильин, прот. Кирилл Зайц, А. И. Никитин, О. Ф. Бенуа, Н. Дм. Беервальд, Мария Ив. Миезис, В. Ст. Бовтович;**

нижний ряд, сидят на полу: **Борис Плюханов, Матвей Нитавский, Сева Мельников, Дм. Маслов, Лидия Эглон, Тамара Якимович, Вера Машара, Нина Кирпичникова, Антонина Драгунова, Мария Бовтович, Валентина Эглон, Мария Беатер, Вера Миезис.**

окончания средней школы стали воспитательницами в воскресных школах Единения. Случалось, что девочки-одноклассницы в школе ссорились. В кружке Антонина Ивановна их мирила.

Для более углубленных занятий в кружке Антонина Ивановна подарила кружку роскошно переплетенный, с золотым тиснением, дневник для записей тем.

В занятиях кружка иногда принимала участие и художница-иконописец Татьяна Владимировна Косинская (позже - монахиня Серафима - *Б. П.*) И она помогала нам разрешать разные сложные вопросы, возникавшие у нас. На вопрос: как относиться к божественной литургии, если ее совершает недостойный священнослужитель, Татьяна Владимировна ответила: "За недостойного Евхаристию в храме совершают ангелы".

В 1932 г. Антонина Ивановна руководство кружком передала другой единенке, Тамаре Дмитриевне Эренштейн (в замужестве Литвина). Тамара Дмитриевна, будучи также художницей-иконописцем, стала учить девочек церковному шитью.

В это время члены кружка стали заниматься разбором Евангелия от Иоанна. Попутно читали и разбирали роман Ф. М. Достоевского "Братья Карамазовы". Кроме того, члены кружка поочередно читали жития святых. Разыскивали житие своего святого. О Вере, Надежде, Любви и Софии был прочитан доклад "Три дочери и мать".

Приходили в кружок и старшие члены Единения. Студент Б. В. Плюханов прочел в кружке житие прп. Марии Египетской. Не оставлял без внимания кружковцев и председатель правления Единения Н. П. Литвин. На очередном субботнем занятии он помогал разбирать интересную книгу - "Бойтесь волков в овечьей шкуре".

Родители участниц кружка тоже не оставались безучастны к его жизни и работе. Неоднократно на собрания кружка приходила Евдокия Семеновна Бергман; на праздничные трапезы приходили Екатерина Николаевна Будкевич и Зинаида Александровна Либталь.

Содружество РСХД в Прибалтике

В 1932 г. приезжал из Парижа в Ригу о. Сергий Четвериков. Он дважды побывал в кружке. При нем одна из участниц, Елена Бергман, читала доклад "Святая Русь". Доклад всем понравился, а о. Сергий взял его с собой в Париж и доклад был напечатан в журнале "Вестник". [44]

Разучивали в кружке и стихотворения из сборника "Катехизис в стихах". На Пасху члены кружка декламировали эти стихотворения на праздничном вечере.

Кружок "Живоносный Источник" обычно собирался по субботам, в 4 часа дня, с тем расчетом, чтобы к 6 часам вечера идти всем вместе в Благовещенскую церковь ко всенощной.

Члены кружка принимали участие и в беседах по поводу общих докладов на пятничных собраниях. 25 марта 1932 г. о. Сергий Четвериков прочел доклад "О Царствии Божием по Евангелию". О. Сергию было задано очень много вопросов. Отец Сергий на все вопросы отвечал кратко, но исчерпывающе. На одном из пятничных собраний выступил с докладом студент Б. В. Плюханов – "О путях духовной жизни".

Принимали участие в пятничных собраниях, выступая с докладами, и члены Девичьего дружества. Помнится выступление Марии Бовтович с докладом "Вера и человек".

Много значили для членов кружка и воскресные собрания единенцев, клубная работа в Единении.

Молодость романтична. Не обходились и единенцы без поэзии. Иногда они собирались, чтобы почитать стихотворения своих любимых поэтов: А. Блока, А. Ахматову, Н. Гумилева, М. Цветаеву, В. Ходасевича, С. Есенина и др. Были и вечера, посвященные стихам о России. В памяти остались отдельные строки стихотворения:

Запах сена, ромашки и тмина,
Васильки наклонились во ржи,
И дороги размытая глина
Затерялась в сосновом бору.
Я давно не ходил в богомолье,
И не помню, как зреют овсы...

Через год участницы Гимназического и Девичьего дружеств будут хором скандировать эти и другие строчки стихотворения, приближаясь к монастырю Преображенской пустыни в августе 1933 г. Но не будем забегать вперед».

Пятый летний съезд РСХД в Прибалтике.
(Второй Пюхтицкий съезд).

Летний съезд РСХД в Прибалтике, пятый по счету, состоялся в Пюхтицком монастыре в конце июля 1932 г. На съезд приехало 160 человек, меньше, чем в прежние годы. Общий экономический кризис проявился и в этом. Участвовали члены Движения из Латвии, Эстонии, Финляндии. Предполагалось провести десятидневный съезд - деловой и общий. Однако правительственное разрешение было дано при условии, что съезд продлится не более 7 дней. Пришлось деловой съезд сократить до двух дней и проводить его без участия секретарей РСХД из Парижа, поскольку правительство дало разрешение на пребывание участников съезда из Парижа всего на пять дней.

В течение этих семи дней состоялись также заседания Советов Движения Эстонии, Латвии, объединенного Совета Движения Прибалтики, два собрания, посвященные журналу "Вестник", собрание по организации Религиозно-педагогического бюро и др.

Из Парижа для участия в съезде приехали проф. В. В. Зеньковский, прот. Сергий Четвериков и монахиня Мария (Скобцова), участвовавшая в съезде РСХД в Прибалтике впервые.

Я увидел монахиню на станции Иыхви, куда мы, группа латвийской молодежи, приехали для участия в съезде РСХД в Прибалтике в Пюхтицком женском Успенском монастыре.

Монахиня Мария приняла монашество незадолго до приезда в Пюхтицы. В то время к монашеской одежде она еще не привыкла. Да и сама эта одежда была необычная,

мужская, доставшаяся ей после какого-то снявшего с себя сан и сбежавшего иеромонаха.

Очень живая, жизнерадостная, с быстрыми порывистыми движениями, открытая, общительная - такой я увидел ее, когда она вышла из поезда на станции Иевве. Она показалась мне несколько диковинной монахиней.

Стали обсуждать вопрос, кто как отправится в Пюхтицы: кто поедет на автомашине, кто на подводе, кто пойдет пешком.

Монахиня Мария без колебаний присоединилась к наиболее молодым, здоровым, выносливым и веселым - к тем, кто пошел в Пюхтицы пешком.

От Иевве до Пюхтиц двадцать километров. Большую часть пути мы прошли с веселыми песнями. "Журавель, журавель-пташечка, канареечка жалобно поет... Эх-раз, эх-два, - горе не беда, - канареечка жалобно поет..." Монахиня Мария шла с нами, все время улыбалась тихой, ласковой, внутренней улыбкой очень близорукого человека и, нам казалось, почти пела с нами.

Потом, при приближении к монастырю, мы запели молитвы. "Царица моя преблагая, надежда моя Богородице..."

Монахиня Мария продолжала идти с нами и улыбалась нам все той же улыбкой.

По дороге она рассказала нам, что приняла монашество недавно - четыре месяца тому назад. (Монахиня Мария приняла монашество в марте 1932 г.). По ее словам, в начале она хотела принять тайный постриг, но както невольно получилось так, что она стала монахиней открыто. Она - монахиня без монастыря, живет в миру, по благословению постригшего ее митрополита Евлогия. С удовольствием она рассказала о происхождении своей монашеской одежды, говорила, что эта одежда особенно нуждалась в освящении, что ей дано вернуть в церковь эту поруганную священную одежду.

Она рассказывала также, что до принятия монашества она много курила и что после пострига ей еще долго снились большие соблазнительные папиросные окурки.

Участники РСП Единения на съезде РСХД в Прибалтике, Пюхтицы, лето 1932 г.

в центре группы : **мать Мария (Скобцова), прот. Сергий Четвериков, прот. Павел Димитровский, игуменья монастыря, проф. В. В. Зеньковский.**

Некоторые из нас за дорогу приутомились, подсаживались к ехавшим на подводах. Монахиня Мария бодро прошла всю дорогу пешком.

Мать Мария должна была встретиться с о. С. Четвериковым на съезде впервые после принятия монашества. Ее волновала эта встреча. Она не знала, как отнесется о. Сергий к ее монашеству и к ее намерению остаться вне монастыря, в миру.

Своим волнением она поделилась с нами, ее спутниками.

Потом, уже на съезде, она рассказала, что беседа с о. Сергием состоялась и прошла удачно: о. Сергий одобрил и ее монашество, и избранный ею путь прохождения монашества в миру.

К о. Сергию Четверикову монахиня Мария относилась с большим уважением, и ее очень обрадовала его благожелательность.

На деловом съезде были прочитаны два доклада на одну и ту же тему: "Внутренние трудности Движения" - Н. П. Литвиным и Т. Е. Дезен. Далее работа протекала в шести комиссиях: 1. Комиссия по работе с мальчиками (под руководством А. Буковского, Рига); 2. Комиссия по работе с девочками (В. Дезен, Ревель); 3. Комиссия по работе с юношеством и по работе в кружках (Н. Литвин, Рига и Т. Дезен, Ревель); 4. Комиссия по работе в деревне (В. Бухгольц, Ревель); 5. Комиссия по работе в воскресных школах (А. Драгунова, Рига); 6. Административная комиссия (М. Ридигер, Ревель).

На общем съезде были прочитаны доклады проф. В. В. Зеньковским - "Служение церкви" и "Познание себя"; прот. С. Четвериковым - "Познание Бога", и монахиней Марией - "Наш путь".

Состоялись также семинары: 1. Прот. И. Богоявленского - Аскетический; 2. Р. Лозинского - Евангельский; 3. А. Жаворонковой - Литургический; 4. В. Бухгольц - Экуменический; 5. В. Хотенко - Социальный; 6. Т. Дезен - Литературный.

Встреча чтимой иконы Пюхтицкого монастыря
– Успения Пресвятой Богородицы
(Пятый летний съезд РСХД в Прибалтике, июль 1932 г.)

в первом ряду, в центре, слева направо :
Л. Д. Шумаков, Дм. Як. Мурзо,
А. В. Буковский, М. А. Нитавский.

В своем докладе о. С. Четвериков говорил: знание о Боге часто застилает чувство Бога. Чтобы познать Бога, нужно устранить преграды, и главные из них: гордость и чувственность. Устранение этих кумиров – прямой путь к познанию Бога.

В докладе "Познай себя" В. В. Зеньковский говорил о двух родах познания себя – естественного и познания себя во Христе. Наша душа нуждается в устроении. Каждый человек имеет в себе нечто данное и нечто заданное. Знать себя, значит не преувеличивать, но и не преуменьшать того, что есть в нас. Беспристрастная оценка себя – великое достижение. Познание себя в свете Христовом трудно. Оно требует перемены внутреннего существа человека, требует истинного покаяния. Правильное познание себя предполагает правильное отношение к Богу. Рост во Христе – основная потребность духа. Путь этого роста – истинное покаяние.

Второй доклад В. В. Зеньковского как бы завершал первый доклад. Самое главное в церкви – срастание с ней, а срастание с ней – неуловимая тайна. Исчерпать возможности и пути служения церкви невозможно. Понятие церкви – многосторонне. Нельзя смешивать церковь с храмом, с духовенством. Это внешние образы внутренней реальности. Задача служения церкви – явление в видимом незримой реальности церкви. Служение церкви в единстве жизни. Основное в жизни церкви – литургия. Нужно добиваться смыкания вокруг церкви всех живых сил. Мы не должны быть живыми трупами по отношению к церкви. Пути служения церкви – служение через приходы, труд при храме, проповедь, создание братств, борьба с безбожием, труд над созданием православной культуры и т. д.

Исповедовались и причащались все участники съезда.

Запомнилось участие в общих съездах Движения, проводившихся в Эстонии, яркого священника, прот. Георгия Алексеева из Таллина, и скромного, доброго протоиерея Павла Дмитровского из Нарвы. Свои пути священнослужения они закончили архиерейским служением.

Пятый летний съезд РСХД в Прибалтике (Пюхтицы, 1932 г.)

слева направо сидят :

Константин Рупский, Борис Плюханов, Алексей Буковский, Николай Литвин, Михаил Ридигер; *выше :* Матвей Нитавский;

третий ряд : Ростислав Лозинский (с портфелем). Георгий Ильинский, Николай Пенькин (крайний). Над Лозинским Федор Гизетти; *выше :* Дмитрий Мурзо, Александр Жейбе, Миротворский.

Монахиня Мария на съезде в Пюхтицах выступила с докладом "Наш путь" - о работе РСХД, а также провела семинар по вопросам социальной работы. Состоялась также ее беседа с монахинями монастыря, но эта беседа была проведена вне занятий съезда.

Пюхтицкому съезду посвятил статью прот. С. Четвериков. Он назвал статью "После съезда". Отец Сергий подробно пишет о действительных целях РСХД, о просыпающейся любви молодежи к евангельской правде, к церкви, к православию; о стремлении к постановке человеческой жизни на единственно правильном и крепком основании - Христе, к обновлению души. Он ссылается на материалы одного из семинаров съезда: «Под руководством молодой девушки из Финляндии (В. С. Хотенко) и православной монахини из Парижа (матери Марии) на семинаре по социальной работе, привлекшем к себе большинство молодых участников съезда, было рассказано много любопытных случаев начинающейся в этом направлении работы и много было намечено новых планов на будущее, ... направлении, в котором жизненно, практически проявляет себя обновляющийся облик русской православной молодежи. Людям трудно понять, - пишет о. Сергий, - что религиозная жизнь сама по себе, а особенно жизнь христианская, православная, может быть ценностью, бесконечно превышающей все другие ценности государственной и общественной жизни». [45]

В этот свой приезд мать Мария уделила особое внимание монастырям в Прибалтике и в Финляндии, где она тоже побывала. Позже о своих впечатлениях она рассказала в статье "К делу", напечатанной в журнале "Новый Град". [46] В статье она отметила те опасности, которым подвергаются монастыри: старение монахов и монахинь, их вымирание, запрет новых пострижений на Валааме, бесконечное затруднение поступления в рижский монастырь неместных подданных. В монастырях, пишет монахиня Мария, «несомненно много личного благочестия, личного подвига, может быть даже личной святости; но как подлинные

организмы, как некое целое, как некая стена нерушимая, они просто не существуют... Значение этих лимитрофных монастырей несомненно: они блюдут заветы, они берегут огромные клады прошлого быта, золотой ларец традиции и благолепия. Надо верить, что они доберегут, дохранят, достерегут... Они, может быть, даже провиденциально попали в такие своеобразные, далекие от всякой современности условия, что хрупкое и нежное очарование их быта, возможно, так и не будет подвергнуто никакому насилию, никакому соприкосновению с нашей страшной, слишком быстрой и слишком напряженной жизнью».

Далее мать Мария говорит о той роли, которую должно принять современное монашество в условиях современной жизни. Оно, по ее словам, должно «занять такое же организующее место в нашей жизни, какое принадлежало ему в отдаленные времена», создавать «центры нового активного монашества, центры, концентрирующие в себе подлинное духовное ядро», которые «несли бы на своих плечах большие и творческие задачи активного православия и организовывали бы около себя не только духовную, но и экономическую и бытовую жизнь значительного числа людей».

Следует отметить, что монахини Пюхтицкого монастыря в тридцатые годы существовали как сельскохозяйственная, по преимуществу, земледельческая трудовая община, а рижский женский монастырь опекал школу, сестры монастыря составляли трудовую производственную общину и снабжали приходы епархии свечами, просфорами и пр., одновременно самоотверженно ухаживая за более пожилыми и немощными насельницами.

После съезда в Пюхтицах и объезда Эстонии и Финляндии мать Мария приезжала в Ригу и здесь прожила около двух недель. В рижском женском Свято-Троицком монастыре ей была сшита настоящая женская монашеская одежда, которая ей очень шла.

Рига для нее была близким городом. Здесь она родилась 8/20 декабря 1891 г., здесь проходили ее первоначальные детские годы. Отец монахини Марии (тогда Лизы Пиленко) был юристом. В справочниках "Памятная

книжка и Адрес-календарь Лифляндской Губернии" на 1881-1885 гг., в разделах "Уездные отделения общества попечительного о тюрьмах-Перновское" и "Прокурорский надзор Рижского окружного суда" - указано на проживание в Риге, сначала по Елисаветинской ул. №21 (теперь ул. Свердлова №1), потом по бульв. Наследника №1 (теперь - Я. Райниса, №1) титулярного советника, позже коллежского асессора, товарища прокурора Пиленко Юрия Дмитриевича.

Мать Мария часто бывала в нашем Единении на Тургеневской улице, №21-а.

Здесь я узнал, между прочим, о крайней близорукости матери Марии. Когда она, бывая в Единении, читала письма своей матери, Софьи Борисовны Пиленко, она подносила их близко-близко, почти вплотную к глазам. Она рассказывала, что ее собственные письма к матери С. Б. Пиленко не всегда может прочесть: почерк матери Марии был неясный. С. Б. Пиленко, рассказывала мать Мария, говорила: "Придет письмо, значит жива. А как живет - Бог знает".

Русские путешественники всегда отмечали необычайную живость и стремительность парижской интеллектуальной молодежи. Дочь матери Марии, Гаяна (Кузьмина-Караваева), с которой я познакомился позже, и в этой среде выделялась необычайной, какой-то огненной живостью.

В своем стихотворении "Вот ты в размеренный планетный круг влетела...", посвященном памяти дочери, мать Мария так и говорит о ней: "пир огня и света". Не следует понимать эти слова условно, видеть в них нечто фигуральное.

Но Гаяна - это и сама мать Мария в молодости. В стихотворении А. А. Блока о молодой Лизе Пиленко, обращенном к ней и посвященном ей, прежде всего и сказано: "такая живая" ("Когда Вы стоите на моем пути...") .

Необычайная живость матери Марии проявлялась и в ее почерке: она писала так быстро, что не могла писать ясно.

Слушая и наблюдая мать Марию вблизи, я обратил внимание на необычайную изящность ее быстрых и порывистых движений.

В своем стихотворении А. А. Блок, отметив живость девушки, будущей монахини Марии, отметил сразу же ее красоту: «Когда Вы стоите на моем пути такая живая и такая красивая...» Во всем облике матери Марии была мягкая, изящная красота.

При встрече с группой молодежи на квартире И. Г. Пинуса, у его дочери Ираиды, монахиня Мария впервые в Риге рассказала о своем знакомстве с А. А. Блоком, о стихотворении Блока, написанном о ней.

Выступала монахиня Мария с литературными воспоминаниями и в местном литературном кружке, в содружестве "На струге слов" (на даче художников Георгия Матвеева и Алексея Юпатова), и в Единении. Запомнились слова А. А. Блока о ранней поэзии А. А. Ахматовой, слышанные матерью Марией (тогда Елизаветой Кузьминой-Караваевой) у Вячеслава Иванова в Петербурге. Блок долго колебался и с неохотой ответил на вопрос о стихах А. Ахматовой: «Она пишет стихи свои как бы перед мужчиной, а их надо писать как бы перед Богом». Об Алексее Толстом мать Мария сказала: «Он поехал в Россию за белой булкой».

Запомнилась еще очень острая дискуссия в Единении матери Марии с С. А. Белоцветовым.

С ней всегда было интересно, она постоянно была окружена молодежью. Она умела с поразительной проницательностью определять характер человека, даже предсказывать его будущее. Так, Тамаре Эренштейн (по мужу - Литвиной) мать Мария сказала: «Вы можете спокойно спать, даже если под кроватью будет бомба». Так монахиня Мария охарактеризовала мужество Тамары Дмитриевны, подтвержденное позже всей ее дальнейшей жизнью. Держа собеседника за руку, она вглядывалась в его глаза, и ее определения были искусством психолога, а не опытного хироманта. Рассказывала она и о своей подпольной работе в России; расска-

зывала, как можно сделать гербовую печать из картофеля. В молодости она была социалисткой-революционеркой.

С молодежью мать Мария была готова бывать всюду. Она даже приняла участие в спортивном вылете молодежи на Рижское взморье, с ночевкой на сеновале в сарае.

Помню, что мать Мария в Риге много и охотно вышивала, часто без заранее сделанного рисунка.

В то время мать Мария была местным секретарем РСХД во Франции по работе в провинциях Франции. (На восьмом съезде РСХД в сентябре 1933 г. она была избрана секретарем по миссионерской и социальной работе Центрального секретариата). Она много разъезжала по местам русского рассеяния во Франции, главным образом, по промышленным центрам, где был сосредоточен пролетариат русской эмиграции. Она отлично знала "Европы фабрики и города, Европы фермы, шахты и заводы". (Из стихотворения матери Марии - "И в эту лямку радостно впрягусь...") .

Мать Мария рассказывала о рабочих фабрик и заводов, творящих молитву Иисусову под повороты колес машин, вместо четок. Много рассказывала о безработных, нищих, пьяницах, наркоманах, отчаявшихся, проводящих ночи под мостами Парижа и других городов, о психически больных.

Это было время экономического кризиса на Западе. Мать Мария говорила и писала: шоферский заработок уменьшился в три раза; в Париже около 400 русских безработных, нуждающихся в общественной помощи, - из них в ночлежках ночует 70 человек. В провинции безработных еще больше. В Лионе трещит вся шелковая промышленность, в которой занято много русских. В Марселе не хватает ночлежных домов для бездомных. В Ницце зимой ночевали под променадой, в пещерах. В Эльзасе осенью 1931 г. в разных местах покончило с собой 11 русских.

В таком преломлении ее занимал и волновал экономический кризис.

Общее положение в то время она охарактеризовала словами: "Человек человеку стена". [47]

До того мы знали эмиграцию Бунина, Зайцева, Шмелева; Бердяева, Булгакова, Зеньковского, Шестова; Ходасе-

вича, Сирина, Цветаевой; Михаила Чехова, Шаляпина, Павловой; Рахманинова, Гречанинова, Стравинского; Репина, Билибина, Коровина. От матери Марии мы узнали о другой эмиграции.

О своем пребывании в 1932 г. в Прибалтике мать Мария много писала, выступала с сообщениями, докладами. Так, на состоявшемся 24–26 сентября 1932 г. под Парижем двухдневном съезде, посвященном проблемам православной культуры (данный съезд был посвящен теме "Социальный смысл православной культуры"), мать Мария выступила с рассказом о впечатлениях от поездки в Прибалтику. Другие доклады были прочитаны: прот. С. Булгаковым – "Догматика общего дела"; В. В. Зеньковским – "О трудностях задания православной культуры"; Г. П. Федотовым – "О соотношении соборного и личного начала в культуре"; В. В. Вейдле – "О христианском искусстве". [48]

Между тем летняя работа Единения продолжалась. В Ассари состоялось открытие трехнедельной летней колонии-лагеря для старших детей воскресной школы. Кроме постоянных работников школы, колонию-лагерь усердно посещали и другие участники Единения. Был организован и лагерь дружины "Витязей".

Началу осенней работы Единения предшествовала статья А. В. Буковского, напечатанная в "Вестнике" и посвященная вопросу об одной из форм работы Единения с молодежью – клубу. Называлась статья "Душа клуба".

«У нас в Риге действительно много молодежи. Она работает в кружках, признала примат духовности. Но признать не есть еще стать духовными. Ведь стать духовными – наша цель».

Далее А. Б. пишет, что нельзя предъявлять к молодежи те же требования, что и к старшим членам. Иначе молодежь будет чувствовать себя стиснутой. Как избежать этого? А. Б. считает, что на это ответил Зосима Достоевского: «Спасет любовь. Она же заключается в нисхождении до интересов слабейших, более молодых». «Ведь это требование элементарной педагогики ... опираясь на

Детская колония-лагерь РСП Единения
(Рижское взморье, Ассари, лето 1932 г.)

интерес ведомого, медленно поднимать его. Именно на интерес. Молодежи нравится танцевать, радоваться, петь, играть... Вы же требуете суровой работы. Нет, это неправильно. Нужно дать песню, игру, танец и т. д. Вспомните, что рядом с этим работают кружки, где есть молитва, глубокая любовь к церкви... Вспомните, что молодежь признала примат религиозного... Нужно лишь позаботиться, чтобы все танцы, пение, игры - подавались в самом красивом виде, не возбуждали бы грязной стороны в человеке. У каждого народа, а тем более у нас, русских, все это есть: красивые костюмы, танцы, хороводы, наши песни, игры. В результате у нас, наряду с высокой внутренней установкой, появится и красивый быт. Ведь все время на эту группу "клубников" влияют и церковь, и кружки. Для меня лично съезды тесно связаны с духовным моментом - с причастием, и внешним - ... русским костюмом. Одно освещает другое... Культура получает тот истинный смысл, который она и должна иметь... Итак, вот что дает нам клуб как форма "Движение - Организм": 1. Отвечает потребности встречи друг с другом; 2. Дает возможность переделать, одухотворить наши досуги; 3. Приучает подходить к каждому человеку как к личности. Кроме этого, клуб имеет и другие задания, но уже в порядке Движения как "организации". Мы же сейчас говорим о Движении как организме». [49]

По упомянутым выше воспоминаниям Н. К. Либталь можно восстановить даты некоторых осенних встреч единенцев в 1932 г.

4 сентября у А. И. Драгуновой на дому состоялась воскресная встреча, посвященная рассказам об общем съезде РСХД Прибалтики в Пюхтицах. Для многих участниц съезда этот съезд был первым и дни съезда стали самыми светлыми днями их жизни. Вспоминали и доклады, и семинары, крестный ход на братские могилы русских воинов 28 июля; как дежурили на кухне, чистили картошку и мыли посуду, накрывали столы; как собирали цветы и украшали ими монастырский храм; как обменивались адресами с новыми подругами и друзьями; как юрьевцы

перед разъездом поделились с рижанами хлебом; как встречали возвращавшуюся в монастырь икону Успения Богоматери; обсуждали рассказ о явлении Богоматери и обретении иконы Успения; говорили о Клавдии Николаевне Бежаницкой, замечательном человеке и враче, участвовавшей в съезде, организовавшей медицинское обследование и оказывавшей медицинскую помощь нуждавшимся в этом.

На воскресном собрании 11 сентября мать Мария поделилась с единенцами своими впечатлениями от поездки по Эстонии и Финляндии. В Эстонии побывала она и в Нарве. Из Нарвы с группой нарвских движенок она совершила поход к границе с СССР, к русской границе. Там, из-под проволоки, они накопали русской земли и нарвали цветов.

Монахиня Мария в этот свой приезд посетила также Двинск (Даугавпилс) и Режицу (Резекне). В Режице она побывала в гостях у преподавателей, студентов и учащихся русского Педагогического института и русской правительственной гимназии. Сохранилась фотография ее встречи. (Снято в интернате института).

Выступала монахиня Мария в Режице в большом актовом зале института и гимназии.

Е. М. Рагозина (Данилова-Гейлих) вспоминает:

«В актовом зале собрались педагоги, студенты и гимназисты. Мать Мария спросила, о чем бы мы хотели слышать. Почти все заявили: "Пожалуйста, расскажите о России".

Это был не доклад, а беседа. По ее желанию, задавали вопросы о положении в России, и мать Мария подробно отвечала. Было видно, что она хорошо осведомлена о жизни в Советском Союзе, хотя в наших вопросах и ее ответах эти два слова - "Советский Союз" - не упоминались, а только - Россия. Чувствовалось ее любовное отношение к родине и забота о ней.

Остановилась мать Мария в интернате института, и я была счастлива, что мать Мария отдыхала и спала на моей кровати.

Мать Мария среди преподавателей и студентов Педагогического института в Резекне (1932)

Справа налево, вдоль стены : сидят - Сергей Яковлев, Наталия Чекстер (Яковлева), Нина Ролич, / ? /, мать Мария, Константин Тихомиров. *Стоят*- Дмитрий Ломоносов, Нина Глебова, Дементий Михайлов, Степан Шелков (председатель Резекненского кружка РСП Единения). *Сидят* - преподаватели А. Иос. Орлова, Н. В. Яковлев (в очках).

В середине комнаты сидят в первом ряду справа налево : Иван Байков, Н. П. Литвин, Мария Задвинская, / ? /, / ? /, Нина Пимеенко.

Второй ряд : И. П. Тутышкин, директор Института, Тамара Пимеенко, Елизавета Морозова, Любовь Лукьяненок, Прасковья Андреева.

Третий ряд : П. Эд. Пошивайлова, преподаватель, Екатерина Рагозина, секретарь кружка, Елена Лисова (Богданова).

Снято в столовой интерната института.

Мать Мария произвела на меня сильное впечатление. Очень подвижная, высокая, круглолицая, в очках, со здоровым румянцем на щеках, в апостольнике и рясе, она выглядела величественно.

Я с детства, да и всю жизнь, можно сказать, любила мечтать, воображать себя то одной, то другой героиней русской истории или литературы. И в тот год, помню, я часто себя воображала монахиней Марией.

Из Латвии я уехала во Францию в 1936 г., как туристка. И там вышла замуж. В 1937 г. я приехала в Париж на Религиозно-педагогический съезд Р.С.Х. Движения, который проходил в Богословском институте. На съезде я встретилась с матерью Марией.

В 1940 г. мы с семьей переехали в Париж. Теперь я могла часто посещать монахиню Марию на Лурмель. Никогда она не сидела сложа руки. То она добывала продукты для своего Православного дела, то хлопотала за кого-то. Если я не заставала монахиню Марию дома, то беседовала с ее матерью Софией Борисовной и любовалась художественными работами матери Марии. Особенно мне нравился абажур из ярких осенних листьев.

Частые налеты на Париж и завывания сирен очень пугали моего четырехлетнего сына, и нам пришлось уехать в деревню в марте 1942 г.».

11 сентября была последняя встреча 1932 г. с матерью Марией в рижском Единении. Через несколько дней она уехала в Париж.

В воскресенье, 16 октября, в помещении Единения, была отмечена годовщина Гимназического и Девичьего дружеств. А. В. Буковский выступил с большой приветственной речью и прочел свои стихи. Состоялся также доклад Д. В. Маслова “страдания и их смысл в русской литературе“.

В воскресенье 23 октября был устроен вечер под названием „Литературные шарады“: читались стихи поэтов-единенцев вперемежку со стихами поэтов-классиков; слушатели должны были отгадывать авторов сти-

хотворений. Много смеялись, когда одно стихотворение А. С. Пушкина было приписано Д. В. Маслову.

В упоминавшейся статье прот. С. Четверикова "После съезда" – о Пюхтицком съезде 1932 г. – было отмечено:

«В эстонской печати в первые дни съезда появились, к сожалению, заметки, говорившие о том, что под флагом религиозного дела в монастырь собралась русская монархическая молодежь, руководимая эмигрантами из Парижа, для обсуждения вопроса о восстановлении старой России». Отец Сергий в своей статье разъяснил, как указывалось, действительные цели РСХД. «Русское Движение есть движение к внутреннему и внешнему христианскому возрождению русской жизни... В христианском движении русской молодежи совершается обновление русской души. Это есть самое точное определение самой существенной стороны совершающегося в русской молодежи религиозного процесса... И в этом христианском обновлении души и жизни полагается твердый предел воинствующему безбожию» .[50]

В связи с попытками дезинформации о целях РСХД в Прибалтике и его работе Съезд Совета РСХД в Прибалтике (30 октября 1932 г.) вынужден был принять специальное постановление и формулировать параграф первый Устава РСХД для Прибалтики следующим образом: «Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своею основною целью объединение верующей молодежи для служения православной церкви и привлечение к вере во Христа неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовлять защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом. Движение не преследует никаких политических задач и не ведет никакой политической работы. Цели Движения чисто религиозные, оно исповедует себя православным и считает, что только в лоне православной церкви можно почерпнуть силы в борьбе с современным безбожием и материализмом». [51]

Однако, все эти разъяснения и действия мало помогли делу. Намеченный на 1933 г. в Латвии летний съезд РСХД Прибалтики латвийскими властями не был разрешен, так как последовало представление советского консула, утверждавшего, что предполагаемый съезд будет носить враждебный СССР характер. [52]

Летом 1933 г. лагерь "Витязей" был организован в Ропажах, в отдаленном от станции месте, в лесу, на берегу озера. Витязи жили в лагере, как маленькие робинзоны. Молитвы, религиозные собеседования, спортивные занятия и игры, купанье - проводились руководителями Дружины. Вся остальная часть жизни находилась в руках самих мальчиков: уборка лагеря, палаток, приготовление и раздача пищи, мытье посуды, лагерная дисциплина, подъем и спуск флага и пр. - всё это делалось и проводилось мальчиками самостоятельно.

Как обычно, был устроен для детей воскресных школ лагерь-колония на Рижском взморье.

В июне был организован лагерь-съезд "Дружинниц" в Преображенской пустыни под Елгавой. Этот съезд ознаменовался трагическим событием: в Лиелупе, реке, дно которой изрыто снарядами со времен Первой мировой войны, потонула девочка, Диночка Розенталь, решившая выкупаться самостоятельно, но не умевшая плавать и попавшая в одну из ям, вырытую снарядом. Ее отсутствие было быстро обнаружено, тело ее было найдено, но вернуть к жизни ее не удалось. Событие это было очень тяжело пережито всеми участниками лагеря-съезда. Приехавшая в Преображенскую пустынь мать Диночки, Александра Никитична Розенталь, проявила необыкновенный такт, никаких упреков в адрес руководителей съезда-лагеря не высказала, объяснила случившееся своенравием в характере своей дочери. Диночка Розенталь была похоронена 26 июня на Покровском кладбище. На похоронах присутствовали все члены Единения. Вскоре после гибели Диночки скончался и ее отец. Группа единенцев в течение многих лет поддерживала связь с А. Н. Розенталь, подружилась с ней.

Дружина мальчиков "Витязи" РСХ Движения в Нарве (12 фев. 1933)

во втором ряду справа налево : **начальник дружины Новгородский и начальник штаба дружины Корнеев;**

слева направо **– гости : Евгений Якубовский и Д. В. Маслов – представители Рижской дружины.**

Позже А. Н. Розенталь уехала в Чехословакию, к своим родным, и там, по дошедшим сведениям, организовала детский кружок по образцу кружков Единения. Никаких сведений о ее судьбе после войны получить не удалось.

В августе в той же Преображенской пустыни, вместо предполагавшегося общего съезда РСХД в Прибалтике, был проведен цикл собеседований для членов латвийского Единения: "Аскетический принцип в современной жизни",

Дружина мальчиков "Витязи"
РСП Единения в Риге, 18 апреля 1933 г.

“Идеалы русской культуры“, “Социальные задачи Движения“, “Место Движения в церкви“, “Борьба с безбожием“. В собеседованиях принимал участие приехавший в Ригу Л. А. Зандер. Некоторые собеседования из названных проходили на отличном уровне. Эта встреча единенцев закончилась в праздник Преображения Господня. Накануне праздника участники встречи участвовали в исповеди, длившейся почти всю ночь, а в день праздника причастились св. Таинств.

Успешно проходили занятия с детьми воскресной школы в Даугавпилсе. Сильно возросло число детей, желавших посещать воскресную школу. Перед началом занятий был отслужен молебен в церкви. Церковь была окружена вновь пришедшими детьми, не включенными в списки, умолявшими и их принять в воскресную школу. Всего стали посещать воскресную школу 120 детей, что создало значительные трудности для трех воспитательниц, работавших в небольших помещениях.

Возник в Даугавпилсе и кружок Витязей. Среди старших витязей, ставших во главе кружка, были И. А. Харун, Г. М. Бениксон, К. И. Кравченок.

на фотографии (стр. 168) :

Празднование второй годовщины создания Дружины, в помещении Рижской городской русской (Ломоносовской) средней школы.

Сидят, слева направо, руководители Дружины : **В. Караваев, Б. Плюханов, Н. Земмеринг, Д. Маслов; начальник Дружины И. Пошивайло, духовный руководитель прот. Николай Македонский, Д. Мурзо, Г. Ильинский, С. Тушкалеев.**

На состоявшемся в сентябре 1933 г. и закончившемся 24 сентября под Парижем VIII общем съезде РСХД были внесены изменения в структуру органов РСХД. Было установлено, что в случае невозможности созвать общий съезд, как верховный орган Движения, его заменяет съезд Совета РСХД, который был наделен некоторыми функциями общего съезда (право избирать и перемещать секретарей Движения). Был создан новый орган - "Малый Совет Движения" - в составе председателя, его товарища, священника Движения и почетных членов Движения. Председателем Движения был выбран снова проф. В. В. Зеньковский, товарищем председателя - проф. Б. П. Вышеславцев. Секретарем Центрального секретариата по социальной и миссионерской работе была избрана мать Мария (Скобцова). Был избран секретарем Центрального секретариата и редактор "Вестника" И. А. Лаговский, с временным откомандированием его для работы в Прибалтику. Для уменьшения расходов по изданию "Вестника" его печатание было решено перенести также в Прибалтику.

По предложению Всемирной Студенческой Христианской Федерации, было решено вступить в Федерацию в качестве члена-корреспондента. Было выработано положение о религиозной и социальной работе Движения. 21 сентября было отмечено 10-летие существования Движения. Выступили с докладами: проф. Б. П. Вышеславцев ("Русская культура и пути Движения"), проф. В. В. Зеньковский ("Проблемы идеологии Движения"), прот. С. Четвериков ("Духовная жизнь Движения"), проф. прот. С. Булгаков ("Движение в прошлом и настоящем"). [53]

В конце декабря 1933 г. состоялся съезд Совета Движения в Латвии. Одним из основных вопросов, рассмотренных Советом, был вопрос об устройстве летнего съезда. На Совете Движения в Эстонии в конце февраля 1934 г. было решено съезд устроить с 5 по 12 августа в Эстонии. Общая тема съезда - "Христианство и современность". Детальную разработку программы съезда Совет поручил

Дни РСП Единения в Преображенской пустыни (август 1933 г.)

На переднем плане монахиня Никона (Нирод)

тартускому Единению. Проект программы съезда, предложенный тартуским Единением РСХД, содержал следующие предложения: общая тема: “Христианство и современность“. Общая структура съезда: утренние часы должны быть посвящены идеологическим докладам, освещающим основные вопросы современности; вечерние часы – ответам на эти вопросы участников съезда, как православного движения молодежи. Каждый вечерний доклад должен был вести к тем или иным практическим выводам, намечать и предлагать их.

Первый день, утро: “Спасение мира без Христа и человека“. (Фашизм, гитлеризм, коммунизм). Вечер: “Христианский мир в наши дни. Движение в целом христианского мира“. (Православный Восток. Всемирная студенческая христианская федерация. YMCA).

Второй день, утро: “Человек и его назначение“. (Зло и грех в человеке. Утопизм современных “рецептов спасения“. Тайна свободы. Человек и общество. Святость как назначение и путь человека). Вечер: “Путь Движения“. (Обетность. Членство. Свобода и дисциплина. Движение и движенец. Личное и общее. Задача внутреннего устроения).

Третий день, утро: “Современное состояние безбожия“. Вечер: “В чем причина силы безбожия“. “Движение и борьба с безбожием“.

Четвертый день, утро: “Мир дан для делания“. (Идея и основы православной культуры). Вечер: “Замысел Движения“. (Движение и служение народу. Движение и молодежь. Миссионерские задачи Движения. Движение и культурный уровень движенцев; наши задачи в этом отношении).

Пятый день, утро: “Что значит жить в церкви“. Вечер: “Движение и его место в церковной действительности“. (Приходы. Содружество. Повышение нашей церковной культурности).

Шестой день, утро: “Литургическое понимание жизни“.

Кроме того было намечено пять семинаров, четыре постоянных и один, пятый, общий, двухразовый: 1. “Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться“. 2. “Аполо-

гетика в наши дни". 3. Литургический. 4. Религиозно-литературный. 5. Вопросов-ответов.

Цель последнего семинара - дать возможность участникам съезда поставить все волнующие их и мучающие вопросы. Для облегчения возможности откровенных вопросов предусматривалось применять "вопросы-записки".

Выработанная программа съезда была предложена на обсуждение Движений в Эстонии, Латвии и Финляндии и была одобрена. [54] Съезд состоялся недалеко от Тарту.

В начале 1934 г. была проведена финансовая кампания. Собранная в том году сумма (1200 лат) была несколько меньше, чем сумма предыдущей финансовой кампании, но, по впечатлениям сборщиков, интерес общества к Движению значительно возрос. Рижская городская управа, ознакомившись с работой Единения среди детей, со своей стороны ассигновала на эту работу 700 лат.

К этому времени уже работала третья воскресная школа, на Красной Двине. Вместе с воскресными школами в помещении Единения и на Московском предместье эти три воскресные школы объединили 200 детей.

Дружина "Витязей" и "Девичья дружина" также значительно увеличились в своем составе. Число членов Дружин составило 130 человек.

Было отмечено трехлетие существования Дружины "Витязей" торжественным молебном, на котором присутствовало много родителей "витязей", а также девочек- дружинниц. "Витязям", отличившимся в работе, были вручены подарки.

Участницы "Девичьей дружины" подготовили программу ко Дню русской девушки, который был проведен в связи с Днем русской культуры.

Объединенные собрания членов Единения, проводимые по пятницам, были посвящены темам литургии.

Под руководством приват-доцента В. В. Преображенского в начале первого семестра возник новый кружок. Цель кружка - апологетическая работа - анализ евангельского текста по темам: 1. время и место написания Евангелий; 2. круг читателей Евангелий; 3. автор и цель произведения;

4. источники; 5. любимые слова и выражения; 6. лица, упоминаемые в Евангелиях; 7. Самосвидетельство Иисуса Христа.

Работа членов Единения в приходах. Наметились два типа работы: 1) единенцы-прихожане данного прихода объединялись в кружок и начинали работу из прихода; 2) инициативная группа составлялась из единенцев, не принадлежавших к данному приходу, и работа выливалась в работу при приходе (воскресная школа, народные собеседования); 3) работа смешанного типа проводилась в Даугавпилсе, где большая работа среди детей проводилась даугавпилсским Единением совместно с Дамским комитетом при Александро-Невской церкви. Занятия с детьми по воскресеньям посещались в Даугавпилсе, как уже отмечалось, более чем ста двадцатью детьми. Там количество желающих посещать Детский уголок было вдвое больше, но размеры помещения не позволяли расширить работу, а средств для найма нового, более обширного помещения не было.

Работа в приходах отражалась и на работе Единения непосредственно: так число абонентов библиотеки Единения стало расти все больше и больше. Были созданы и две передвижные библиотеки. Одна из них составилась из книг, пожертвованных о. Иоанном Шаховским и членами Единения, и была отправлена в Латгалию. Вторая передвижная библиотека составилась из книг издательства YMCA-Press. Часть этих книг была пожертвована группой единенцев, купивших книги у издательства в рассрочку (на год). Другая часть книг была приобретена на процентные отчисления от продажи книг издательства YMCA-Press в Единении при помощи специально оборудованной витрины.

Само Единение приступило и к издательской деятельности. Была издана монография приват-доцента В. В. Преображенского - "Христианство и дохристианские религии". (Содержание: 1. Введение. 2. Единство религий с психологической стороны - "Единство религиозного чувства". 3. Христианство и дохристианские религии. Черты сходства

и различия. 4. Объяснение сходства между христианством и язычеством. 5. Христианство и ветхозаветная еврейская религия. 6. Относительная истинность языческих религий и превосходство христианства. 7. Заключение.

В Вербную субботу того года, в рижском женском монастыре, перед началом литургии была присоединена к православию долголетний член Единения Вера Оскаровна Ион. Во время молебна о. Роман Пассит приветствовал Веру Оскаровну и от своего имени, и от имени отсутствовавшего восприемника о. С. Четверикова. Восприемницей была член Единения Н. Н. Македонская. [55]

В Даугавпилсе в это время работали два кружка: Евангельский (10 человек), занимавшийся разбором Евангелий, и Гимназический (8 участников), работавший над историческими и культурно-историческими темами. Гимназический кружок издавал рукописный журнал "Паломник", в котором помещались наиболее интересные доклады, прочитанные в кружке. По воскресеньям даугавпилсским Движением устраивались общие собрания с докладами на различные темы. Летом действовал Паломнический кружок, ставивший своей задачей ознакомление с православными храмами в окрестных селах.

Осенью 1933 г. Даугавпилс посетил иеромонах Иоанн (Шаховской). Вот что записала в свой дневник Н. П. Буковская:

«27 ноября 1933 г.

На прошлой неделе мы имели радость снова принимать у себя (в Двинске) иеромонаха о. Иоанна (Шаховского). Его публичная лекция прошла при переполненном зале и многих заставила присмотреться к себе, обратить внимание на свою жизнь и стараться ее исправить; со многими прямо духовное перерождение.

Господь слышит его молитвы. В этом мы могли лишний раз убедиться, когда после его молитвы стала выздоравливать бывшая почти при смерти Зоя Янкович, у которой после кори получилось осложнение на уши, гной

вошел в лабиринт и т. д., и доктора только беспомощно разводили руками, боясь делать операцию, но и сомневаясь, выдержит ли она дорогу до Риги.

Ее мать, Наталия Викторовна, была в отчаянии. Я предложила ей попросить к Зое о. Иоанна помолиться. Она после некоторого колебания согласилась, и о. Иоанн не отказал. На следующее же утро температура у Зои упала до нормальной и началось выздоровление, к удивлению докторов, которые объяснили, что гной прошел в рот, или что-то в этом роде.

Можно даже не слышать о. Иоанна, достаточно видеть, чтобы невольно обратить внимание на свою мерзость и темноту, по сравнению с ним, и захотеть быть лучше, чище, приблизиться к Богу.

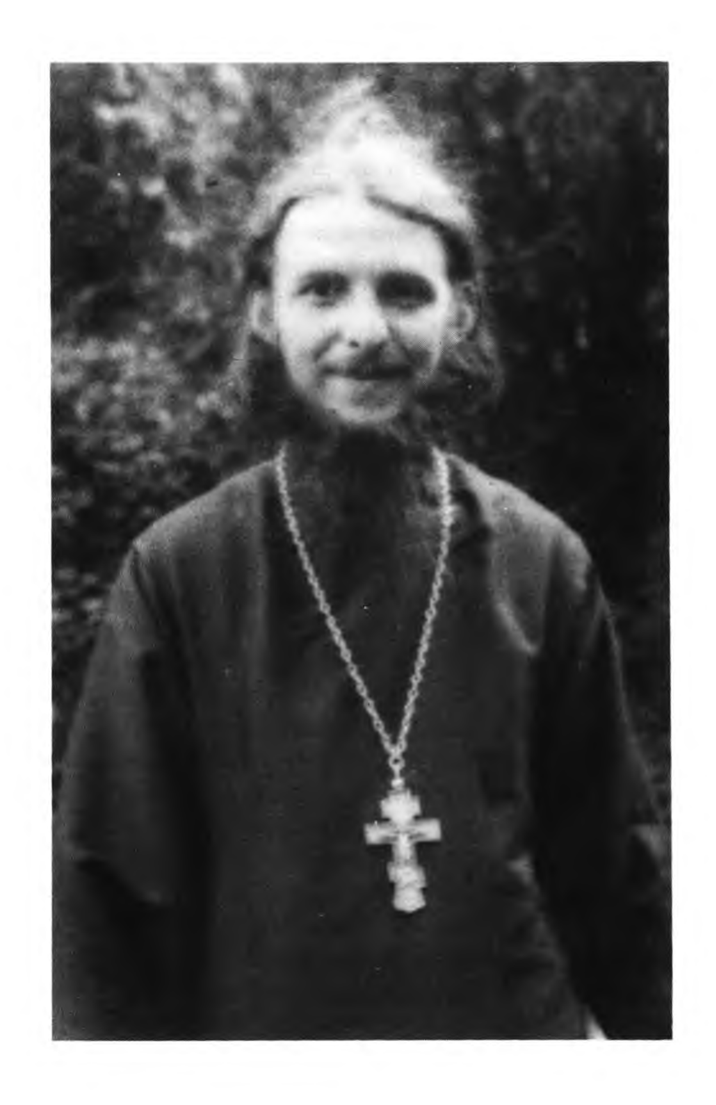
27 января 1934 г.

Сейчас читала газету религиозного содержания "Карпатская Русь", где описываются чудеса по молитве о. Иоанна Кронштадтского, и хочется для памяти записать случай исцеления Зои Янкович, дочери нашего прокурора, по молитве о. Иоанна (Шаховского).

Осенью 1933 г. Зоя заболела корью. Потом появилось осложнение - воспаление среднего уха. Затем болезнь осложнилась еще больше, и кончилось тем, что доктора никак не могли определить, что именно с ней происходит.

Двенадцатилетняя высокая девочка исхудала совершенно, металась в беспамятстве при высокой температуре, и родители были в отчаянии. Созывали консилиум за консилиумом, но доктора только разводили руками, признаваясь в своем бессилии. Одни говорили: везите ее в Ригу на операцию; другие: они, собственно, не знают, какая операция нужна; третьи: ослабевшая девочка не вынесет операции из-за своего сердца; четвертые: она умрет в пути от тряски поезда, т. к. гной войдет в мозг (ехать 4 1/2 часа). Родителей подготовляли к смерти дочери, и они сами совсем извелись.

В это время приехал в Двинск о. Иоанн читать лекцию и вообще навестить движенский кружок. Был также в

иеромонах Иоанн (Шаховской), март 1933 г.

“Детском уголке“ Движения, где мы собирали около сотни бедных ребятишек, беседовал и благословил детвору. Пришла и Наталия Викторовна, мать девочки. Я никогда не видела такой несчастной эту энергичную женщину, на ней, как говорится, лица не было. С первых же слов о дочери она разрыдалась. Надо позвать о. Иоанна, пусть он поможет! - тотчас пришла мне в голову мысль. “Ах, Зоичка так боится мысли о смерти, это ее напугает! ... “ Но я настаивала, и она попросила о. Иоанна зайти к ним. Я их не сопровождала, так как Наталия Викторовна боялась, что я могу перенести на своих детей заразу кори. Но потом мне рассказывала матушка Петерсон, бывшая там, что о. Иоанн встал на колени у постели больной и горячо помолился, но так, что слов она не разобрала, потом наклонился к Зое и сказал, чтобы и она повторяла за ним слова молитвы. Потом он поговорил с Зоей, сказал, чтобы она сама тоже всегда молилась и в церковь ходила, на что Зоя ответила, что папа не пускает; потом, благословив, ушел. На следующий день температура понизилась до почти нормальной и девочка стала поправляться.

Доктора только руками развели. И только один пояснил, что, по его мнению, Наталия Викторовна, полоская Зое ухо, сильной струей пробила отверстие в гортань и гной вышел через рот. Но так или иначе, только никакой операции не понадобилось и девочка теперь здорова. Сама Наталия Викторовна признала чудо.

Насколько опасно было положение больной, видно из такого маленького случая. Зое за несколько дней до дня ее рождения отдали привезенные бабушкой в подарок часики, так как думали, что она до тех пор не дотянет и нужно ей хоть перед смертью доставить эту маленькую радость. Но Зоя заплакала и сказала: “Я знаю, что вы считаете, что я умру, и поэтому даете мне их раньше!“

Уезжая из Двинска, о. Иоанн оставил мне для Зои маленький нательный образок Божией Матери и еще Серафима Саровского».

(Выписано из Дневника 9 февраля 1989 г.)

В начале лета в Тарту состоялось собрание Совета РСХД в Прибалтике, на котором было решено предложить общему съезду РСХД в Прибалтике принять постановление об организационной структуре РСХД в Эстонии и Латвии согласно следующей формулировке: "РСХД в Эстонии и Латвии являются автономными организациями. В качестве таковых, они входят в общую федерацию русских студенческих христианских движений, известную под именем "Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом". Через посредство этой федерации Движения в Эстонии и Латвии входят в качестве членов-корреспондентов в состав Всемирной Студенческой Христианской Федерации.

Местопребывание общего федерального органа ("Центра") РСХД устанавливается съездом представителей автономных Движений, входящих в состав РСХД".

Советом было также предложено обратить особое внимание на развитие местной экуменической работы (сближение с латышским и эстонским студенческим христианским движением, взаимная помощь в работе и пр.) [56]

Следует отметить, что в Риге между Русским Студенческим Православным Единением и Латышским Студенческим Христианским Движением существовала долголетняя близкая связь. Наиболее интересные лекции и доклады в Единении посещались членами ЛСХД, а лекции и доклады в ЛСХД - членами Единения. Сближению обеих организаций способствовала Мильда Ивановна Миезис, участница РСХД в России до Первой мировой войны, состоявшая в Латвии как в Единении, так и в латышском кружке. Позже, когда Мильда Ивановна скончалась, заупокойное прощание с ней совершил совместно участник латышского кружка пастор Роберт Фельдман и член Единения священник Георгий Бениксон.

Особый интерес проявляли не только члены Латышского Студенческого Христианского объединения, но и более широкие круги латышского студенчества к выступлениям приезжавших по приглашению Единения из Парижа лекторов, к профессорам В. В. Зеньковскому, Н. А. Бердяе-

ву, Б. П. Вышеславцеву, иеромонаху Иоанну Шаховскому, приезжавшему из Берлина, С. Л. Франку и др.

В. В. Зеньковский в Риге бывал неоднократно. В больших аудиториях он выступал с лекциями на тему "Проблемы воспитания в свете христианской антропологии". В 1934 г. в издательстве YMCA-Press на эту тему была издана книга, содержавшая следующие разделы: Вопрос о религиозном обосновании педагогики; Основные проблемы воспитания; Основы христианской антропологии; Учение о человеке в антропософии; Проблемы зла в человеке; Натуральная и благодатная соборность; Духовная жизнь в различные периоды детства; Что и как воспитывать; Принципы православной педагогики; Церковь и школа. Перед участниками РСХД В. В. Зеньковский обычно выступал с докладами по вопросам идеологии РСХД.

Его книга "Проблемы воспитания в свете христианской антропологии" была переведена на латышский язык директором и педагогом рижской латышской средней школы Бергом.

Б. П. Вышеславцев выступил с лекцией на тему "Трагизм возвышенного и спекуляция на понижении" в марте 1933 г. Лекция состоялась в зале Дома Черноголовых, собрала громадную аудиторию и произвела большое впечатление как значительностью своего содержания, так и блеском и артистизмом лектора. Лектор говорил: проблема трагизма жизни составляет основной вопрос христианской мысли. Откуда трагизм, в чем его сущность, как его преодолеть? Этому и была посвящена лекция. Лекция была издана издательством YMCA-Press в 1933 г.

На память дорогому Николаю Петровичу [illegible] от [illegible] Марту 1933. Б. Вышеславцев

Б. П. Вышеславцев

Рижские движенцы в гостях у двинских (октябрь 1933)

слева направо сидят : **Т. Д. Эренштейн (Рига), Н. П. Буковская (Двинск), далее все из Двинска – ?, В. С. Смагина, Л. Лукьяненок. Повыше Лукьяненок – П. И. Круковская (Двинск).**

стоят : **Б. В. Плюханов (Рига), И. А. Харун, Д. В. Буковский (Двинск), А. В. Буковский (Рига).**

Н. А. Бердяев

Н. А. Бердяев посетил Латвию и Эстонию также в марте 1934 г. 19 марта 1934 г. в Единении было отмечено его 60-летие. Н. А. Бердяев подарил Единению свою большую фотографию-портрет с надписью: "В память о дне, проведенном с движенцами в Риге 19 марта 1934 г." (Фотография-портрет хранится у меня - *Б. П.*).

В Риге Н. А. Бердяев выступил с циклом лекций на тему "Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)". Одна из лекций этого цикла состоялась в Латвийском университете, в переполненной студентами и профессорами самой большой аудитории университета. Профессуру университета представляли профессора Богословского факультета во главе с архиепископом еванг. лютеранской церкви Гринбергом, профессора философского отделения Филологического факультета во главе с профессором В. И. Синайским.

YMCA-Press в 1935 г. издала книгу Н. А. Бердяева под тем же названием - "Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)". В аннотации к книге, помещенной в каталоге издательства за 1935-1937 гг., было указано: «Эта книга переведена на ряд европейских языков и получила очень большое распространение на Западе, где она воспринимается, как крупное духовное событие. Ее цитируют, комментируют, с ней спорят, на нее ссылаются».

Позже, в 1939 г., когда Н. Бердяеву исполнилось 65 лет, в газете-журнале "Путь жизни", издававшемся РСХД в Эстонии, была помещена моя статья - "Николай Александрович Бердяев. К его 65-летию", навеянная впечатлениями от чтения его книги в те годы:

«В этом году, 19-го марта, исполнилось шестьдесят пять лет известному русскому мыслителю и моралисту Николаю Александровичу Бердяеву. В 1934 г. Бердяев приезжал в Эстонию и Латвию и выступил с чтением нескольких лекций на общую тему о судьбе человека в современном мире. Тогда же в Риге группа русской молодежи в присутствии самого Бердяева

отметила его шестидесятилетие. Следует и теперь, в кругу молодежи Эстонии и Латвии, объединенной журналом "Путь Жизни", отозваться на очередную юбилейную годовщину жизни наиболее читаемого у нас философа и публициста.

За сорок лет творческой работы Бердяев пережил значительную и интересную эволюцию своих взглядов. Путь Бердяева был - от марксизма к идеализму и от идеализма к христианству и православию. Бердяев был связан с духовным движением русской интеллигенции начала XX века и отчасти возглавлял его. Но Бердяев в числе немногих деятелей русского духовного возрождения не только пережил его, но пережил и мировую войну, и большевистскую революцию, был изгнан из России (в 1922 г. - вместе с некоторыми другими русскими мыслителями) и уже в Зап. Европе написал все свои лучшие книги, приобрел известность, мировое имя. Влияние Бердяева в иностранных кругах велико. Существуют мыслители и даже целые движения молодежи, формирующиеся под влиянием идей Бердяева.

В чем сила, в чем дар Бердяева? У Бердяева изумительное чувство истории, исторического развития. Оно у него сильное и острое, какое-то пронзительное. Ничто совершившееся и совершающееся в истории человечества его не может соблазнить, потому что он различает во всем исторический ход, а в историческом находит религиозный смысл, религиозную глубину. Это дает ему силу всему дать оценку, установить духовную и моральную сущность всего и именем христианского мыслителя и моралиста все судить - и осуждать, и оправдывать.

Без этого чувства истории и чутья к истории не могла быть создана не только его замечательная философия истории, но не могли быть написаны и его книги, внешне с "историческим" не связанные, - не могла быть написана и его книга "О назначении человека", и его "Философия свободного духа", и "Новое средневековье", и "Христианство и классовая борьба" и т. д. и т. д.

Без этого чувства истории не смог бы Бердяев дать и своих поразительных характеристик духовного состояния современного человеческого мира. Я знаю людей, плакавших над его "Судьбой человека в современном мире".

В центре философии истории у Бердяева поставлен человек, рассмотрен вопрос о судьбе человека и об его призвании. Основные темы Бердяева - о человеческой личности, о свободе человека и его творчестве, о человечности христианства -

возникли у него также в силу чувства истории, в силу сознания, что сейчас необходимо бороться за человека.

« Мир пришел в жидкое состояние, – говорит Бердяев, – и никто не знает, какие образы он примет, когда вновь станет твердым. Склонность к диктатуре в нашу эпоху не только в политике, но и во всех областях, есть лишь оборотная сторона этого жидкого состояния мира. Человек должен чувствовать себя потерянным в этом разжиженном, расковавшемся и, вместе с тем, насилующем, призрачно свободном, реально же определяющемся капитализмом мире. /.../ Человеческая личность испытывает самую горькую форму одиночества – одиночества в принуждающем обществе /.../ Основная проблема наших дней есть прежде всего проблема человека. Проблема о Боге есть вечная проблема, проблема всех времен, она всегда первая и исходная. Но проблема нашего времени есть проблема о человеке, о спасении человеческой личности от разложения, о призвании и назначении человека, о разрешении основных вопросов общества и культуры в свете христианской идеи о человеке. Люди отвергли Бога, но этим они подвергли сомнению не достоинство Бога, а достоинство человека... Произошло понижение ранга человека /.../ Человек не может удержаться без Бога... »

Бердяев ведет непрестанный разговор с учителем социальных вопросов своей молодости – с Карлом Марксом, учителем, которому он и тогда даже, когда был марксистом, не был верен, потому что всегда отрицал социальное происхождение истины и справедливости, всегда утверждал безусловную ценность добра, потому что всегда считал, что истина, добро, справедливость не могут быть классовыми, классовыми могут быть только их искажения, т. е. ложь. Бердяев видит много правд в марксизме и только одну ложь. Но эта ложь так велика, что она искажает все правды. Это ложь о человеке и Боге, ложь атеистическая. Классовая обезьяна царства необходимости не может стать человеком и в царстве свободы. Утверждение, что человек остается классовым существом даже в интимные минуты своей жизни, даже в созерцании, даже в творчестве – это самая большая мерзость в марксизме, ложь, хула и преступление против человека.

Русские коммунисты попытались осуществить в жизни идеи Маркса. Но как они вошли в жизнь, с какими душевными чертами, с каким выражением лица? Они вошли с чертами

необыкновенного уродства... Благодать красоты не осенила их прихода в жизнь... Все оказалось уродливым: уродливое выражение лица, уродливые жесты, уродливо-неблагородный душевный уклад, уродливый уклад советского революционного быта.

Бердяев в поисках христианской социальной правды создал систему персоналистического социализма, социальную систему, "наиболее всего соответствующую христианскому персонализму", который лжи о человеке противопоставляет христианскую правду о нем, веру в человека, в его богоподобную сущность, в его высшее достоинство, в его призванность к творческому делу в мире.

Бердяев пришел в церковь после сложных дел и исканий в мире. Но он не отказался от тех вопросов, которыми жил до того. Еще до войны, в одной из своих статей (о Розанове) он писал о своеобразном проявлении русского нигилизма у людей, обращающихся к церкви и отвергающих все, чем они до того жили, и осудил эту черту. Сам он, став христианином, остался философом. Бердяев думает, что его призвание - вольное светское философское и культурно-реформаторское служение. На этом месте он сознательно остается, и с этого места он хочет говорить о духовных вопросах, мучающих мир, и бороться за христианскую правду в мире. Бердяев думает, что с этого места служить Христу возможно и нужно». [57]

* * *

В связи с возникшим в тот период обсуждением темы о своеобразии задач РСХД в Прибалтике, как организации русского меньшинства в Латвии, Эстонии, Финляндии, "Вестником" была напечатана моя статья "Пути Движения", которую я привожу в отрывках:

«Основные задачи Р.С.Х. Движения имеют безусловное значение для всех движенских объединений. Но в силу чрезвычайных различий жизни русских групп за рубежом России - эти задачи могут быть реальными только при полном учете всех особенностей внутреннего и внешнего быта каждой группы. Юридическая структура Движения не препятствует уяснению специальных "местных" задач, так как Р.С.Х. Движение является федерацией *автономных* движенских объединений.

Р.С.Х. Движения в Латвии, Эстонии, Финляндии являются организациями русского национального меньшинства. Поэтому

перед Движением в Прибалтике стоят две задачи - раскрытие национального самосознания и утверждение меньшинственного сознания, правильней - есть одна задача - честного, недвусмысленного согласования национального самосознания с меньшинственным сознанием.

*

Мир России, как и весь мир, распадался и распадается в разные стремления. Тот, кто хочет почувствовать, обрести в глубине своего сердца строй русского духа, должен проникнуть в них и воссоединить их в своей душе. Но стремления русского духа отложились в русской культуре. Отсюда задача - непрестанной, напряженной *памяти* о русской культуре. Память не есть только набирание слов, образов, лиц и удержание их в сознании. Мы памятью дерзаем побеждать смерть, потому, что памятью *посвящаемся* в то, что не умирает, но живет. "Сотвори, Господи, вечную память", - молимся мы, т. е. - "просвети, приобщи, дай *быть* в мире Твоем, в мире жизни". И нужно нам проникнуть и быть в той глубине, где открывается живая душа творца русской культуры - русского народа - и мысль Божия о нем.

Памятью о культуре, напряженной и сосредоточенной, памятью, свидетельствующей о духе, духовной памятью мы возрастаем до ощущения единства нашего народа в Боге. И национальное русское сознание, это - сознание, запечатлевающее религиозный опыт русского народа, это сознание, утверждающее единство русского народа в духовной теме и религиозном опыте.

*

Сущность *государственного* народа можно определить как совокупность народностей, объединившихся в желании и в воле к сотрудничеству в области политической, социальной, духовной жизни. Русский народ, населяющий Прибалтийский край, принял активное и жертвенное участие как в самом создании, так и в развитии государственного бытия Эстонии и Латвии. И то, что правосознанием государственного большинства было признано положение русских, как положение государственно-русского национального меньшинства (известного национального единства, *соучаствующего* с другими группами, качественно однородными, в деятельности данного государства), свидетельствует о демократичности этого правосознания, соответствующего действительным условиям жизни, отчетливо выражающего *факт* жизни.

Меньшинственное сознание отражается в чувстве полной легальности данного положения, полной легальности данных – прав и обязанностей. И если нам не всегда удается в легальных терминах определить свои действия, необходимость которых вытекает из наших же прав и обязанностей (например, долг национального самосознания – неприкосновенность этого долга находит себе выражение в культурной *автономии*, являющейся непреложностью демократического строя жизни), то это свидетельствует лишь о том, что мы сами не на высоте своего положения. А наше положение – положение "хозяйствующих лиц", сила которых в "хозяйствующем обществе" зависит от количества их и степени их трудоспособности. В этом и намечается действительное соотношение сил, прав, обязанностей.

С другой стороны, меньшинственное сознание – это опыт синтеза, и каждое действие меньшинства – тезисом ли или антитезой – входит в синтез – дело государственного народа. Отсюда вытекает ощущение объединенности, известной связанности, заинтересованности не только своим *действием, своею жизнью,* но и общими действиями, общей жизнью государственного народа.

*

Указывают, что строй демократической жизни – построение доброго ученого, но не умного политика. Но в русской мысли еще ранние славянофилы (И. Киреевский, Ю. Самарин), разрабатывая тему о природе знания, о соотношении знания "формального" и "полного", пришли к выводу, что в процессе мышления простым, формальным знанием, определяющим не существо вещей, а только границы и отношения понятий, т. н. логическим знанием можно высвободиться из чешуи психологической и иной лжи. Самарин дорожит "невозмутимым процессом законного самоубийства всякой лжи не только как неотъемлемым правом свободной мысли, но еще и потому, что этим процессом достигаются положительные результаты очищения правды и уяснения ее ad extra, в логическом ее понимании". Но только полное, высшее, религиозное знание, которое вырабатывается личностью в живом, творческом процессе из материала действительности, дает нам возможность проникнуть в сущность вещей. Но оно не уничтожает формального знания, обратно – утверждает его, входит в него тонусом, наполняет, окрашивает его.

Не следует ли в данном случае, в силу нашей практической настроенности, задуматься над религиозной ценностью фор-

мальных основ демократического строя и - для себя и в себе, сначала - придать абстрактным очертаниям религиозную действительность?

*

Русское религиозное сознание представляется той правдой о жизни, которую забыли многие и не в русском мире. Условия нашей жизни особенно понуждают нас к обнаружению глубины русского религиозного сознания, так как интеллигенция народов, в среде которых мы живем, пребывая в творческом усилии выявления стиля своей культуры, не обнаруживает даже простого интереса к нашей культуре. Тут, конечно, равнодушие сознательное, равнодушие людей, воспитывающих в себе полное охлаждение к русской культуре. Как только русская культура станет *иностранной*, к ней снова обратятся. Такое отношение психологически понятно. Исторические судьбы латышского, эстонского и других народов были таковы, что эти народы находились все время перед опасностью (соблазном) утери своей самобытности. Чрезвычайные испытания укрепили желание, волю к самобытности, но сообщили им некоторую настороженность. И в отношении к православной церкви, несмотря на значительное число православных латышей, эстонцев, наблюдается целый ряд психологических затруднений, которые мешают почувствовать все значение православия. Перед Движением в Прибалтике очень трудная, очень большая и жизненная задача духовной миссии в среде инославных, которую, считаясь с психологическими затруднениями, переживаемыми молодыми народами в связи с "памятью о прошлом", следует поставить не как задачу национального признания русского народа вообще, а как долг совести русского меньшинства - Латвии, Эстонии, Финляндии». [58]

Статья эта отражала не только установку автора; в какой-то мере она свидетельствовала об умонастроении широкого круга участников РСХД в Прибалтике.

Первый семестр 1934 года

Разросшаяся и расширившаяся работа Единения потребовала координации отдельных видов работы. Все собрания членов Единения в начале семестра, как общие, так и отдельных кружков и групп, были посвящены, главным образом, укреплению связи между отдельными видами работ, улучшению осведомленности движенцев об Единении в целом. Стало считаться: "Осведомленность о жизни и деятельности Единения - первая добродетель единенца"!

Периодически, раз в месяц, созывались руководители кружков. Собрание их частично посвящалось сообщениям и обмену мнений о работе кружков. Разрабатывались также темы евангельских собеседований, по возможности, каждый раз законченных, которые проводились в каждом кружке раз в месяц, т. е. по одному из четырех собраний кружка, какого бы характера кружок ни был.

Религиозно-педагогическое бюро продолжало координировать всю религиозно-педагогическую работу Единения. Собрания Бюро проводились последовательно всеми религиозно-педагогическими отделами. Каждому отделу была предоставлена возможность заранее наметить вопросы, возникающие в работе данного отдела, а также вопросы, возникающие в связи с работой других отделов.

Студенческие собрания должны были обсуждать положение русского студенчества в Латвии и возможности работы Единения в студенческой среде.

О работе этих трех собраний, а также о вопросах, разработанных на заседаниях Правления Единения, регулярно сообщалось на "пятничных" собраниях членов Единения. Информационные сводки - "15 минут сообщений" - пополнялись заявлениями и вопросами членов Единения.

"Пятничные" собрания происходили два раза в месяц и были посвящены рассмотрению вопросов о жизни и деятельности Движения в современной - общей, церковной и русской - действительности, вопросам культуры будней и др. (по докладам единенцев), вопросам религиозной культуры (по докладам приглашавшихся лекторов).

С "пятничными" собраниями чередовались собрания по воскресеньям, посвященные литературным чтениям. Запомнилось чтение наизусть М. А. Нитавским и гостившей в Риге Н. С. Франк "Песни о Гайавате" Генри Лонгфелло в переводе И. А. Бунина, а также вечер юмора и сатиры - вечер остроумной самокритики. Много пели.

Произошли изменения в составе руководителей Дружин: начальницей Девичьей дружины стала Мария Ивановна Миезис, начальником Дружины витязей Борис Владимирович Плюханов.

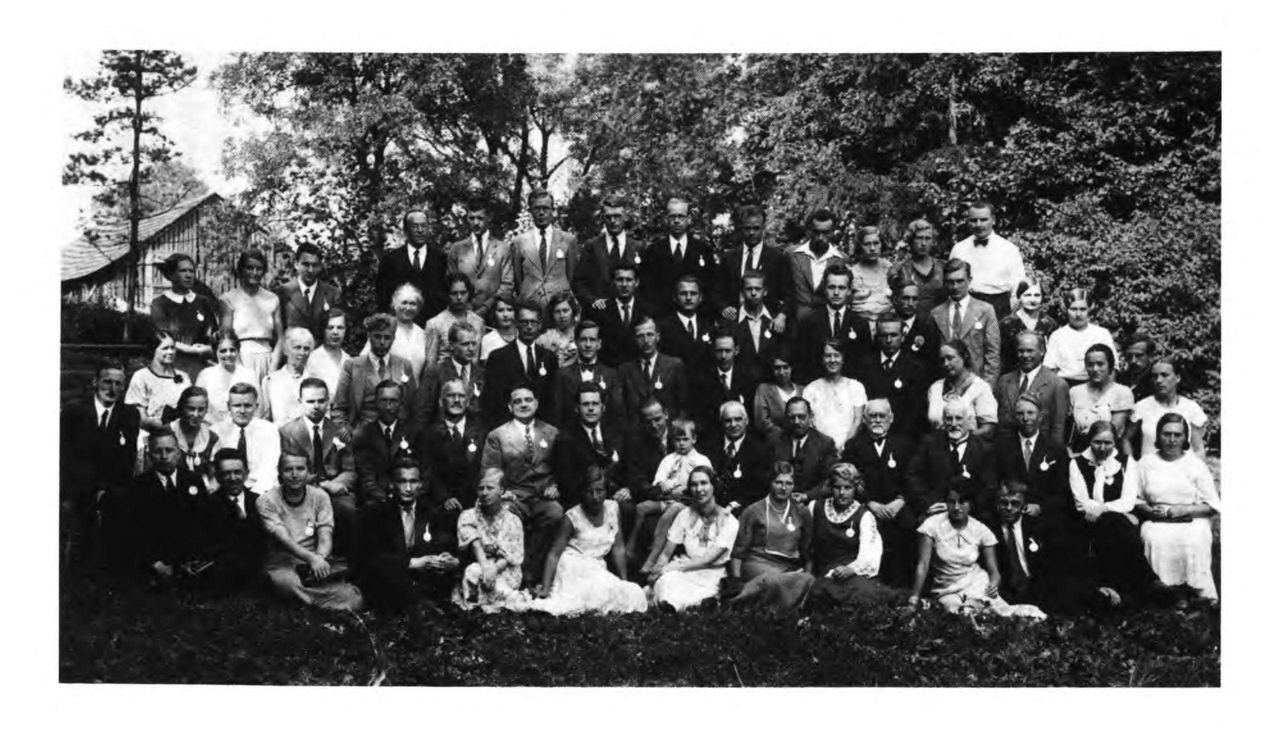
Открылась четвертая воскресная школа - на Латгальском предместье. Состав руководителей воскресных школ пополнился новыми участниками. Включились в работу Ольга и Лидия Елисеевны Бенуа, Лидия Федоровна Зепп (Экк), Евгения Петровна Квиесит, Евгения Сергеевна Печаткина, Глеб Пиранг, Вера Сергеевна Смагина.

Старшие витязи выделились в Евангельский кружок.

По примеру западноевропейских студенческих христианских организаций, было решено провести Неделю евангелизации русской молодежи. Много интересного о практике проведения Недели евангелизации в Западной Европе рассказал в Единении г-н Анрио, председатель Экуменического совета Международного христианского союза по распространению идей мира. Он провел в Единении вечер, во время своего двухдневного пребывания в гостях у Главного управления Латвийской еванг. лютеранской церкви. [59]

Экуменический съезд Всемирной Студенческой Христианской Федерации

Экуменический съезд ВСХФ состоялся в августе (с 22 по 28) в Латвии, в Салдусе. В съезде принимало участие 74 человека, в том числе представители Норвегии, Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Германии, делегации РСХД Латвии и Эстонии, а также м-сс Буллер (Англия) и д-р Слотемакер (Голландия). Съезд проходил под

Экуменический съезд Всемирной Студенческой Христианской Федерации в Салдусе, август 1934 г.

на фотографии (стр. 192) :

слева направо, нижний ряд : **Вольдемар Айварс, пастор Артур Крайклис, Анна Герехт-Беккер, Ионас Калванас (позже епископ лютеранской церкви в Литве), Лилия Битениеце, Е. К. Берзинь-Францман, Н. К. Либталь, Т. П. Якимович, Е. С. Печаткина, Т. П. и И. А. Лаговские.**

второй ряд, сидят слева направо : **1 – ? . 2, 3 – Жена пастора и пастор Эбергард Миллер (Германия). 4 – Др. Шмидт (Финляндия). 5 – проф. Слотемакер де Брюнн (Голландия). 6 – проф. П. Далэ. 7 – др. Олафсон (Швеция). 8 – пастор Роман Ванаг. 9 – д-р Виссер Туфт (ВСХФ), на руках у него сын пастора Р. Ванага, Давид. 10 – пастор Берг. 11 – В. В. Зеньковский. 12 – проф. теолог Янис Резевский. 13 – пастор Фрейбергс. 14 – художник Райтс. 15 – Вероника Ванаг (жена пастора). 16 – ?**

третий ряд, стоят слева направо : **1 – З. П. Яшина. 2 – ? . 3 – В. С. Смагина. 4 – Иоханна Осис. 5 – А. Гросбахс. 6 – Артур Чиксте. 7 – Вольдемар Штубе. 8 и 9 – студ. Коппель и Теппан (Эстония). 10 – В. Ф. Бухгольц. 11 – Н. Ф. Кирпичникова. 12 – мистрис Буллер (Англия). 13 по 17 – ?? . 18 – Н. Н. Пенькин. 19 – Т. Е. Дезен.**

четвертый ряд, стоят слева направо : **1 – Эльфрида Швалбе. 2 и 3 – ?? . 4 – М. И. Миезис. 5 – Виолетта Эверс. 6 – М. Е. Будкевич. 7 – ? . 8 – пастор Язеп Урдзе (Литва). 9 и 10 – ?? . 11 – студ. Виланс. 12 – ? . 13 – педагог Клявина. 14 – Аустра Паэгле.**

пятый ряд, стоят слева направо : **1 – ? . 2 – А. В. Буковский. 3 – Б. В. Плюханов. 4 – Роберт Фельдманис. 5 и 6 – ?? . 7 – студ. Богоявленский. 8 и 9 – ?? . 10 – студ. Валтерс.**

руководством генерального секретаря ВСХФ д-ра Виссера Туфта (Visser' t Hooft).

От Русского Студенческого Христианского Движения в съезде участвовали председатель РСХД проф. В. В. Зеньковский, секретарь И. А. Лаговский. От Русского Православного Студенческого Единения в Латвии - М. Е. Будкевич, А. В. Буковский, Е. К. Берзинь, Н. Ф. Кирпичникова, Е. С. Печаткина, Н. К. Либталь, Б. В. Плюханов, М. И. Миезис, В. С. Смагина, Т. П. Якимович, З. Ф. Яшина, а также приезжавшие для участия в литургии в салдусском православном храме певчие хора рижского кафедрального собора В. И. Лопатина, Н. А. Лукьяненок, В. К. Гурина-Плюханова, Н. Е. Родионов. Приезжал с ними и Н. Плюханов. От РСХД Эстонии принимали участие члены РСХД Т. П. Лаговская, В. Ф. Бухгольц, Т. Е. Дезен, Н. Н. Пенькин.

Съезд проходил в доме пастора ев. лютеранской церкви в Салдусе - Романа Ванага, расположенном в большом саду, засаженном массой разноцветных флоксов и ухоженном трудолюбивыми руками супруги пастора Ванага. Над входом в дом высилась надпись: "Ut omnes unum sint". Дом был украшен флагами стран, представители которых участвовали в съезде.

На съезде были прочитаны следующие доклады: д-р В. А. Виссер Туфт: "Миссия и задачи Студенческого Христианского Движения"; д-р Шмидт (Финляндия): "Движения пробуждения в наше время"; д-р Слотемакер (Голландия): "Мудрость человеческая и мудрость божественная"; д-р Олафсон (Швеция): "Задача интеллигентов"; проф. Лале (Латвия): "Сознательная вера"; студ. Теппан (Эстония): "Христос среди своего народа"; проф. В. В. Зеньковский (РСХД): "Экуменическое общение"; д-р Миллер (Германия): "*Что* и *как* в нашей работе".

Съезд в Салдусе проходил на немецком языке. Он был первой встречей на экуменической основе студенческих движений Северной Европы. Вместе с тем - он был и первой встречей христианского северо-европейского студенчества с православием и православными.

слева направо : **Н.В. Плюханов, В. И. Лопатина, Н. Д. Карпова-Либталь, В. К. Гурина-Плюханова, Н. А. Лукьяненок, Н. Е. Родионова – на экуменическом съезде в Салдусе. (август 1934 г.)**

Съезд прошел с большим духовным подъемом и вдохновением. Он дал возможность почувствовать онтологическое единство христианского мира, несмотря на все разделения и глубокие отличия.

Для православных, да, думается, и для всех участников съезда, съезд имел еще и то значение, что соприкосновение с представителями другого христианского вероисповедания, общая жизнь и совместная работа, с одной стороны, еще больше укрепили в любви к своей церкви, в понимании ее учения, а с другой, раскрыли силу веры и напряженность религиозной жизни в другом исповедании, открыли сердце для любви и понимания.

Особенно сильное впечатление произвели выступления с докладами и участие в беседах д-ра Виссера Туфта и д-ра Слотемакера.

Участники съезда присутствовали также на литургии, совершенной в салдусском православном храме настоятелем священником Николаем Жундой.

На последнем собрании съезда представители почти всех стран, участвовавших в съезде, говорили о том, какое глубокое впечатление произвело на них знакомство с православием и особенно присутствие на православном богослужении. Студент-швед сказал, что он всю жизнь будет помнить то глубокое волнение, какое овладело им на православной литургии, когда он услыхал "свое еретическое имя (Акэ) помянутым на литургии одной из древнейших церквей". (На ектении были помянуты все участники съезда).

Сообщение о съезде заканчивалось словами: "Благодаря съезду создана почва для дальнейшего развития экуменической работы среди молодежи северных стран Европы".[60]

Гибель высокопреосвященного Иоанна, архиепископа Рижского и всея Латвии.

Номер десятый "Вестника РСХД" 1934 г. открывался передовицей, датированной 15 октября 1934 г. : "Октябрь 1934 г. в памяти нашего поколения навсегда останется месяцем ужаса и глубокой скорби". Перечисляя страшные события этого месяца, передовица выделяет два события: гибель от руки террориста короля Югославии Александра в Марселе и злодейское умерщвление 11-12 октября 1934 г. на архиерейской даче под Ригой архиепископа Иоанна (Поммера), событие "не менее страшное по своему смыслу и обстановке", чем "марсельское злодеяние". Далее в передовице сообщалось: «В ночь с 11 на 12 октября на своей даче под Ригой тяжело ранен и затем заживо сожжен высокопреосвященнейший Иоанн, архиепископ Рижский и всея Латвии. Весть о мученической смерти архиепископа Иоанна поразила скорбью всех. Горе православного населения Латвии разделило и население всех окружающих государств, независимо от вероисповеданий. Все, кто близко соприкасался с убитым архиепископом, неизменно выносил впечатление большой, богато одаренной натуры, человека

архиепископ Иоанн (Поммер)
на съезде РСХ Движения в Прибалтике, август 1928 г.

(слева от него прот. Иоанн Янсон, иподиакон Г. В. Жигалов, справа иподиакон Н. П. Литвин, прот. Роман Пассит)

большого сердца и человечности. Горе православного населения Латвии достаточно убедительно свидетельствует о деятельности архиепископа Иоанна как главы Латвийской церкви.

Верностью в служении церкви, готовностью жизнь свою положить за вверенную ему паству, большими административными дарованиями засвидетельствовано святительское служение убиенного Владыки, и в те дни, когда он - в эпоху первого большевизма - был епископом в Твери и Пензе. Сын крестьянина, латыш по национальности, русский по образованию и долголетней службе, покойный архиепископ в своей личности сумел дать сочетание верности "своему народу" с глубокой любовью и пониманием иной национальной стихии, был не только выдающимся сыном своего народа, но и верным другом, защитником и даже политическим вождем русского населения Латвии».

В некрологе архиепископа Иоанна, злодейски умерщвленного 11-12 октября 1934 г., рассказано о его происхождении. Дед архиепископа Иоанна - крестьянин-латыш - перешел в православие еще в начале XIX в. «Принять православие для населения Латвии и Эстонии того времени в большинстве случаев означало перейти на положение гонимых. Судьба семьи Поммеров в этом отношении не была исключением: помещик в наказание за переход в православие выселил Андрея Поммера, отца будущего архиепископа, на новое место - в лес».

Иван Поммер закончил церковно-приходскую школу, затем рижское духовное училище и семинарию; учительствовал. После этого закончил Киевскую Духовную Академию; принял монашество; преподавал в Черниговской семинарии, был инспектором Вологодской семинарии, затем ректором Виленской семинарии. В 1911 г. архимандрит Иоанн возведен в сан епископа. Управлял делами Минской епархии, затем Одесской епархии. В 1913 г. был назначен викарным епископом Екатеринославской епархии с пребыванием в Таганроге. В 1917 г. управлял делами Тверской епархии. В 1918 г. получил назначение

в Пензу; возведен патриархом Тихоном в сан архиепископа; был арестован и приговорен к смерти. "И только чудом избежал ее".

Далее говорится: «В 1921 г. Латвийская православная церковь избрала его на Латвийскую епископскую кафедру. Высший церковный совет Патриаршего (Московского) синода утвердил - с благословения святейшего патриарха Тихона - состоявшиеся выборы и назначил архиепископа Иоанна на Рижскую кафедру ...

Латвийская церковь была в тяжелом положении - война и революция расстроили жизнь церкви и духовно, и материально. Значительное количество приходов было без пастырей, опустевшие храмы запущены, церковные имущества были расхищены, самое положение православной церкви в молодом самостоятельном государстве не было конституционно ни определено, ни закреплено.

Так как Алексеевский монастырь, где прежде находился дом епископов Рижских, был передан католикам, архиепископ Иоанн поселился в сыром подвальном помещении под собором.

Благодаря неустанной энергии и трудам Владыки, Латвийская церковь с честью вышла из всех затруднений, выпавших на ее долю. В 1923 г., на первом соборе Латвийской православной церкви, был утвержден предложенный Владыкой "Устав православной церкви в Латвии", упорядочивший жизнь Латвийской церкви и административно, и экономически.

Вслед за этим архиепископу Иоанну удалось добиться издания специального закона, определяющего отношения православной церкви с государством и предоставляющего ей ряд прав и преимуществ.

Интересы православной церкви и православного населения Владыка защищал не только как глава церкви, но и как крупный политический деятель и член Латвийского сейма.

Заботами почившего Владыки в Риге была создана семинария, выпустившая уже ряд молодых пастырей. Некоторые из воспитанников семинарии получили и получают

высшее богословское образование в парижском Богословском институте». [61]

Много внимания архиепископ Иоанн уделял и русской молодежи и в случае надобности немедленно приходил на помощь. И мне лично в критическую минуту он оказал большую помощь. Она определила весь дальнейший ход моей жизни. Такую же помощь он оказывал и другим моим сверстникам, которых я знал лично.

В самый последний период своей жизни архиепископ Иоанн переживал какие-то нарушения душевного равновесия, что вызвало у него отчуждение от некоторых его ближайших сотрудников, а также и от нашего Единения. Со стороны Единения была допущена ошибка: один из членов правления Единения дал интервью газете "Pēdējā Brīdī" ("В последнюю минуту"), в котором это отчуждение было фиксировано.

Я несколько раз посещал архиепископа Иоанна на его даче, обычно, вместе с многочисленными группами единенцев; провожал его при посещении им школы, где я учился. Посетил я его, уже один, и на Иванов день 24 июня 1934 г. Был я одет в форму начальника дружины "Витязи". Позвонил несколько раз у двери. Никто мне двери не открыл. Довольно долго я оставался у двери. В лесу, в большом отдалении от меня, приподнялся Владыка, сидевший с кем-то там, и посмотрел в мою сторону. Я, по застенчивости и не зная, как мне поступить, сделал вид, что не заметил Владыку, и пошел через лес к трамваю. В следующий раз мне уже пришлось побывать у архиерейской дачи на Киш-озере 14 октября, увидеть дом, полуразрушенный от пожара, и, самое страшное, укороченный гроб с останками Владыки, когда гроб выносили из храма при даче.

Перенесение останков архиепископа Иоанна в кафедральный собор сопровождалось шествием церковного народа, растянувшимся на громадное расстояние и продолжавшимся несколько часов. Прошел за гробом этот путь и я. Потом были похороны.

Побывал я у бывшей архиерейской дачи и позже, в семидесятые годы. Увидел дом, окруженный разными пристройками, забор. Заметив меня, появились какие-то люди и с подозрением стали рассматривать меня. Пришлось сразу же уйти.

“Ноябрь, четверг, восьмое...“ – 1934 год

Помещение Единения находилось в церковном доме Благовещенского прихода в Риге, по улице Тургенева №21[а], на первом этаже, в квартире №8. Дом находился почти в центре города, за рижским вокзалом, в самом начале Московского (Латгальского) предместья, недалеко от перекрестка улиц Тургенева и Гоголя.

В конце октября - начале ноября 1934 г. на углу улиц Тургенева и Гоголя был установлен полицейский пост. Стали бродить мрачные, загадочные люди, что-то наблюдавшие.

Вечером 8 ноября в помещении Единения собралось довольно много единенцев; одни пришли после занятий в университете, другие - после работы. Помню некоторых из присутствовавших. Были: Алексей Владимирович Буковский, студент факультета естественных наук, сын профессора и сенатора В. И. Буковского; Нина Афанасьевна Лукьяненок, педагог; Надежда Николаевна Македонская, педагог, дочь прот. Николая Македонского; Николай Ефремович Родионов, студент Инженерного факультета; был я – студент Юридического факультета. Пришла в Единение в тот вечер и Наталья Семеновна Франк, участница РСХД в Берлине, дочь профессора Семена Людвиговича Франка, гостившая в Риге и часто посещавшая Единение.

Вечер был мирный и светлый. У иконы Спасителя и собора святых мерцала лампада. Все помещения Единения были украшены вышивками девушек Единения, картинами и рисунками художников, портретами руководителей Р.С.Х. Движения. Н. Е. Родионов играл на фисгармонии.

Вместе с Н. А. Лукьяненок они много и очень музыкально, на голоса, пели; пели, как обычно, русские народные песни. Обсуждались какие-то вопросы работы Единения.

К концу вечера у входной двери раздался громкий и резкий звонок, в помещение Единения быстро вошли работники латвийской политической полиции. К находившимся в помещениях Единения единенцам были приставлены надзиратели, а чины Политического управления приступили к обыску одновременно во всех помещениях Единения. Обыск длился долго. Мы вдвоем с А. В. Буковским оказались в "правленской" комнате. Стали обсуждать статью отца Сергия Булгакова "Идея общего дела", незадолго до того опубликованную в "Вестнике РСХ Движения" (№10-1934). Потом А. В. Буковский стал рассуждать на тему "пространство и время". Приставленный к нам надзиратель нашими разговорами был весьма озадачен и стоял, уткнувшись взглядом в пол.

Скоро мы услышали шум передвигаемой мебели над нами: обыск распространился дальше, на второй этаж, в квартиру прот. Александра Македонского, настоятеля Благовещенской церкви. Его дочь Евгения Александровна, педагог, и зять Иван Георгиевич Блюменталь были также членами Р.С.П. Единения.

Все единенцы, находившиеся в тот вечер на Тургеневской, были подвергнуты аресту и направлены в латвийское политическое управление.

Увозимый среди других, я оставил на столе в "правленской" записку с прощальными словами, процитировав лесковского героя: "Кончилась жизнь, началось житие". О записке и нашей судьбе стало известно нашим родным, друзьям, знакомым, да и незнакомым людям. Стало поступать множество изобильных продовольственных передач, из-за которых обслуга этого дома как-то стала теряться перед нами. Мы с моим сокамерником Н. Е. Родионовым щедро делились продуктами со всеми заключенными, помещаемыми в нашу камеру.

Заключение длилось почти до конца декабря 1934 г.

Проходя от камеры (наша №4) до уборной по коридору, который мы именовали шутя “Бульваром Свободы“, мы на разный лад подавали голосами друг другу весточку и, таким образом, сообщали о себе и узнавали о других наших товарищах, попавших в политохранку. Всего в ту ночь и позже было арестовано несколько десятков единенцев.

Время проходило в вынужденном томительном безделии. К счастью, Н. Е. Родионов был настоящим складом талантов. То он пел, то лепил из хлеба скульптурные портреты знакомых; смастерил настольный крокет, игру “ричрач“; из ваксы приготовил чернила. Я воспользовался ими и стал писать шутливую “поэму“ - “Узники Альбертовской“ (на Альбертовской улице находилось Политическое управление).

Привожу несколько отрывков из первой части “поэмы“:

Облетели сады и рощи
Величавой латвийской Тавриды,
И на стенке болтается тощий
Отрывной календарь Инвалидов.
Стало холодно. Небо пустое,
Смыты ветрами с неба барашки...
И на счет нам летит костяшка -
Ноябрь, четверг, восьмое!...

*

Терзает быстротечность дней,
Не осушить слез полотенцем!
Но мы - но мы мудрее змей,
Облекшись мудростью движенцев.

Как загораются глаза,
Как радостны и страстны речи,
Когда, расширив шумы дня,
В окно тихонько веет ... ветер!

*

Покончив разговор с Круглевским,
Счастливо избежав Синайского,
Стопою юношески-дерзкою
Спешу я на форштадт Латгальский.

Чуть отступает на восток
Дом, в вечности отмеченный...

Охрана обеспечена
На перекрестке двух дорог.

Сосчитаны мои шаги
Невозмутимым полицейским,
Остался "некто" позади..
Да, да - дела житейские!

*

О, полон знаков этот мир,
Глубок их смысл и не случаен,
Тот попадает метко в тир,
Кто приобщается их тайне.

Вот знак - и смысл его глубок,
И следует его заметить:
На перекрестке д в у х дорог...
От Гоголя дана нам нечисть!

*

В восьмом часу спешил домой
И нервничал слегка Алеша,
Небрежно снял пальто, галоши
В одиннадцать, махнув рукой.

Ушла Наташа. Поздний час.
Пришел пытать судьбу Молчалин...
И мог бы кончиться рассказ,
Но был для нас конец началом.

*

Разорвал тишину
Звонок - выстрел.
Раскрылись двери,
Вошли люди
И начали обыск
Неожиданно, быстро.

*

Все обысканы наши карманы,
Все рассмотрены наши секреты,
Взяты Надя и оба Баяна.
Злую шутку сыграли билеты.

Вот и полночь. Но времени грани
Нарушаются грозной облавой.
Перевернуты на поле брани
Все немые свидетели славы.

Где-то кашляет сухо собака.
Чуем мы: быть греху, быть греху...
И над нами, что грома раскаты,
Сундуки шевелят наверху.

Дальше мчатся чиновников длани,
И пожаром расширились шумы.
В пол уткнулся охранник угрюмый.
Мы с Алешей одни на диване.

Взяли Вестник, и сердце, что плакало,
Так легко, так высоко запело.
Вдохновенные мысли Булгакова,
Вдохновенное "Общее дело".

"Дело" будет, доклад не заявленный
Наших судеб ничем не изменит,
И Алеша, докладчик прославленный,
Говорит о пространстве и времени.

Тихо дышит суровый охранник...
Мягким звоном наполнилось тело.
Все потеряно, снова мы странники!
В окнах день занимается белый.

*

Охранник встал, угрюм и черен.
Вперед рванулись мы душой.
На лестнице, в толпе густой,
Сам Блюменталь, à la Печорин.

Последний взгляд на место тризн.
Привет родным, привет друзьям.
На житие меняем жизнь,
И с нами Митин чемодан.

*

Густой и звучный шум мотора
Осыпался на камни улиц,
Пересекли, глаза зажмурив,
Тень кафедрального собора.

Приехали, конец пути.
Ввели нас быстро в мрачный дом.
Проснулся дом, со всех сторон
Бегут, бегут... Нам не уйти.

Устали мы, как перед смертью.
В тумане все, и все двоится.

Служитель с улицы Альберта
Кричит, и рвет глазами лица.

Как жалок крик ничтожной моськи!
О, подожди, мой друг, мой друг -
Моя фамилия - Буковский -
И моська зашаталась вдруг.

И новый муж, осыпав лестью:
- О, долго вас, друзья, мы ждали -
Повел меня наверх по лестнице.
Все вещи, обыскав, отняли.

Тяжелый лег на дверь засов.
Я в камере полит. охранки.
Как пахнет потом и портянками...
Тоску мою воспой, Тассо!

Сочится свет из лампы тусклой.
Ничем не разогнать тоску.
Со мною рядом, на скамейке узкой,
Повесив нос, сидит - Куку.

В пальто останусь - утро скоро.
Но Коля как? Я лег в углу.
И ловко виртуоз Куку
Летал на пол, ища опоры.

Уснуло все. Уснуть, уснуть!
Щелкает где-то вновь засов.
И некто скрежетом зубов
Разламывает тишину...

Упоминаемые в тексте "поэмы" единенцы: *Алеша* - Алексей Владимирович Буковский; *Наташа* - Наталия Семеновна Франк. Она также была арестована и гордилась тем, что приняла участие в несении бед, выпавших на долю рижских единенцев. *Молчалин, Куку, Коля, Баян* - Николай Ефремович Родионов, музыкант, певец. *Второй Баян* - Нина Афанасьевна Лукьяненок. Синайский Василий Иванович и Круглевский Александр Николаевич - профессора Юридического факультета Латвийского университета.

Мое занятие писательством однажды было замечено надзирателем по прозвищу "Баптист". Он потребовал, чтобы я отдал ему "карандаш", и был страшно удивлен, узнав,

что “поэма“ пишется ваксой. Писалась “поэма“ на серой бумаге, в которой поступали продуктовые передачи. “Поэму“ Баптист забрал.

На допросы нас с Н. Е. Родионовым практически не вызывали.

Но по поводу “поэмы“ я был вызван к следователю, фамилия которого была - Петринь. Он, без особого интереса, спросил меня, о чем это я пишу. Я что-то ответил, не помню, что именно. Этим разговор о “поэме“ и закончился. Тогда я спросил следователя, в связи с чем я арестован и так долго содержусь в заключении. Петринь мне сообщил, что я подозреваюсь ... в убийстве архиепископа Иоанна. Это дикое сообщение взволновало меня чрезмерно. Я вскочил, подошел к окну и долго оставался у окна. Несколько успокоившись, повернулся к Петриню и сказал ему: «Я многим обязан архиепископу Иоанну, и гибель его для меня страшная беда». Потом упомянул одну из версий гибели архиепископа Иоанна, проскользнувшую в газетных сообщениях среди множества других. Со временем эта версия отпала, как совершенно несостоятельная. Петринь, как бы успокаивая меня, сказал, что эта версия материалами дела не подтверждается. На этом разговор наш и закончился. Больше ни Петриня, ни другого какого-нибудь следователя я не видел.

“Поэму“ Петринь мне не вернул. И все же она ко мне вернулась. Во время допроса Тамары Димитриевны Эренштейн, с отцом которой, начальником железнодорожной станции Юрьева, Петринь встречался еще до Первой мировой войны, он показал ей мою “поэму“. Тамара Дмитриевна выхватила у него “серую тетрадь“ мою с “поэмой“ и спрятала ее себе в карман. Петринь махнул рукой, и этим судьба “поэмы“ была решена. Позже “поэма“ была удачно иллюстрирована Львом Владимировичем Буковским, известным латвийским скульптором. Посвящена она Н. Е. Родионову.

Лично для Петриня это следственное дело - по подозрению в убийстве архиепископа Иоанна членами Р.С.П. Единения - закончилось самым невероятным образом: он ... женился на одной из подследственных.

Во время разговора с Петринем мне показалось, что свои слова о подозрении членов Р.С.П. Единения в совершении убийства архиепископа Иоанна он сам считает несерьезными. Да это подтверждалось и всем поведением работников следственной группы Политического управления. Ведь за время (более месяца) нашего нахождения там никаких следственных действий, как я уже отметил, ни с Н. Е. Родионовым, ни со мной по существу не проводилось. Я был заместителем председателя правления Р.С.П. Единения и, следовательно, латвийская политическая полиция должна была предполагать, что я был в курсе всех событий и дел Единения.

Кроме того, из разговора с Петринем у меня возникло впечатление, что Политическому управлению по делу об убийстве архиепископа Иоанна вообще ничего установить не удалось. Позже это подтвердил в своих воспоминаниях и Д. В. Буковский. В первые месяцы советской власти в Латвии, в 1940 г., он короткое время был фактически исполняющим обязанности прокурора республики и у него была возможность познакомиться со всеми материалами дела об убийстве архиепископа Иоанна, что он и сделал. Дело было затребовано из прокурорского архива, прочтено им от начала до конца, и он выяснил, что виновного в преступлении действительно разыскать не удалось и дело было прекращено именно за неразысканием виновного.

После оккупации Риги немцами Д. В. Буковский был нацистами арестован. Во время допросов в Гестапо он допрашивался и по делу об убийстве архиепископа Иоанна. Он считает, что немецкая политическая полиция интересовалась этим делом в своих антисоветских целях. Отвечая на вопросы по этому делу, Д. В., как он пишет в своих воспоминаниях, указал, что "все видно из следственного дела". По-видимому, нацисты познакомились с делом и ничего конкретного там не обнаружили. Во всяком случае, на допросах Д. В. они к этому делу больше не возвращались.

В декабре 1934 г. мы были из заключения освобождены.

Но нас ожидал новый удар латвийских властей.

“Прискорбное недоразумение“ (декабрь 1934 года)

Под названием “Прискорбное недоразумение“ РСХ Движение поместило в журнале “Вестник“ [62] сообщение следующего содержания:

«Латвийское Телеграфное Агентство (ЛТА) 6.XII сообщило о закрытии Русск. Студенч. Православного Единения в Риге.

Сообщения латвийской прессы по поводу постановления о закрытии Р.С.П. Единения свидетельствуют о том, что Единение стало жертвой печального недоразумения, основанного на неверной и даже тенденциозной информации о деятельности Р.С.П. Единения и Русск. Студ. Христианского Движения за рубежом.

Приводим текст этого сообщения («Закрытие вредной организации “восстановления святой России“»)полностью, заимствуя его из газеты *“Jaunākās Zinas“* (“Новейшие Известия“) от 7.XII.34 г. :

«В свое время в Риге было основано общество Русское Православное Студенческое Единение. Хотя устав этой организации совсем невинен, она, вопреки уставу, занималась политикой в духе национального шовинизма и руссификации, проповедовала идею восстановления "единой святой, великой России". Само собой понятно, что в Р.С.П. Единении объединялись, главным образом, только в таком духе настроенные люди.

Выяснено, что это общество – тайное отделение парижской эмигрантской организации “Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом". У парижской центральной организации военная окраска. Цель организации – восстановить “великую единую святую Россию". Она руководила также в Риге нелегальными собраниями русских людей балтийских государств. Теперь вице-министр внутренних дел А. Берзинь закрыл Р.С.П. Единение и назначил для этого ликвидационную комиссию».

Далее в сообщении “Вестника РСХД“ следует подробный разбор и опровержение всех нелепых утверждений, содержащихся в сообщениях ЛТА.

В свое время, когда советское посольство выступило с представлением против Единения и съезда РСХД в Прибалтике на территории Латвии, оно обвинило РСП Единение в контрреволюционной деятельности. Содержалась ли расшифровка понятия "контрреволюционная деятельность" в этом представлении или она была сочинена начальником Политического управления Фридрихсоном и его командой, чтобы оправдать наш арест, сейчас сказать трудно; во всяком случае по духу в них было много общего.

В сообщении РСХД сказано осторожно: все утверждения сообщений ЛТА «не соответствуют действительности и являются плодом н е д о р а з у м е н и я».

В опровержениях указывалось, что РСП Единение, будучи административно совершенно независимой самоуправляющейся организацией русского студенчества в Латвии, входит в качестве таковой в Федерацию студенческих Движений - РСХД; что никакой политической работы, а тем более "в духе национального шовинизма" ни РСХД, ни РПСЕ не проводят; что "национальный шовинизм" всегда встречал в Движении решительное осуждение и противодействие; что в проявлениях шовинизма РСХД видит искажение идеи национальности и обнаружение языческих начал; что "русификаторской" работы ни РСХД, ни РСПЕ не могли вести уже по тому одному, что их деятельность протекает среди р у с с к и х же; что стремление русской молодежи к изучению и раскрытию духовных богатств русской культуры называть "русификаторской работой" можно только в том случае, если отрицать за русской молодежью право знакомиться с собственной родной культурой; что приписывание "парижской центральной организации" военной окраски ни один осведомленный орган печати не мог бы себе позволить; что сообщение латвийской прессы свидетельствует о совершенном незнании действительного характера и духа РСХД; что сочетание "единая" и "святая" "Россия" представляет смешение двух областей - политической и религиозной и совершенно искажает перспективу работы РСХД, поскольку "величие" Святой Руси РСХД мыслит как раскрытие силы православной веры в нацио-

нальном и социальном творчестве русского народа, как строительство новой жизни и православной культуры; что ни одно мероприятие, ни одна конференция, ни одно собрание, где бы то ни было, не проводились без соответствующего разрешения властей и ни один приезд лекторов, нансенистов, не происходил и не мог произойти без таких разрешений; что попытка представить РСХД как какую-то конспиративную политическую организацию должна быть категорически отвергнута, так как деятельность РСХД, где оно существует, всегда протекает в рамках законности и строгой лояльности, протекает у всех на виду.

Далее в Сообщении РСХД предлагалось правительству Латвии - через полномочных представителей в Париже познакомиться со всей деятельностью РСХД, его "парижской центральной организацией" и указывалось, что РСХД будет стремиться к восстановлению своего доброго имени и репутации, а также всей правды о работе РСХД.

По поступившим позже сведениям, латвийские власти не только закрыли Единение и прекратили всю его деятельность и громадную социальную работу, но наметили и высылку, на основании временно действовавшего на территории Латвии так называемого закона Керенского, группы деятелей РСП Единения за пределы Латвии.

Однако, в результате вмешательства Всемирной Христианской Студенческой Федерации, представитель Латвии был приглашен в одну из организаций Лиги Наций и предупрежден о возможных последствиях такого шага для латвийского правительства. Высылки не последовало.

Зима 1935 года
Приезд монахини Марии (Скобцовой)

В начале 1935 г. монахиня Мария, теперь уже секретарь по миссионерской и социальной работе центрального секретариата РСХД, снова побывала в Риге.

В 1932 г., во время пребывания в Прибалтике, мать Мария познакомилась с обвинениями в местной прессе против

РСХД. В своей статье "К делу", напечатанной в парижском журнале "Новый Град" (1932 г., №5, сс. 93-98, см. ст. 96), рассказывая о центрах религиозной жизни в Прибалтике, православных монастырях, она, между прочим, писала: стоит им попасть "в какую-нибудь комбинацию несложной и провинциальной местной политики" и они погибнут.

Можно себе представить, что испытывала мать Мария, страстная социалистка-революционерка в недавнем прошлом, читая обвинения в адрес РСХД и РСП Единения в решении латвийского правительства о закрытии Единения.

Подруга юности будущей монахини Марии, Ю. Я. Эйгер (Мошковская), отмечала такую черту характера Лизы Пиленко: «Я не помню, чтобы она в классе с кем-нибудь ссорилась или о ком-нибудь отзывалась плохо: она просто не замечала тех, кто был незначительным, мелким, пошлым». [63]

Известен рассказ С. В. Носович, соузницы матери Марии по концлагерю Равенсбрюк: «Как-то на перекличке монахиня Мария заговорила с одной советской девушкой и не заметила подошедшей к ней женщины "SS". Та грубо окликнула ее и стеганула со всей силы ремнем по лицу. Матушка, будто не замечая этого, спокойно докончила начатую по-русски фразу. Взбешенная "SS" набросилась на нее и сыпала удары ремнем по лицу, а та ее даже взглядом не удостоила. Она потом мне говорила, что даже и в эту минуту никакой злобы на эту женщину не ощущала. "Будто ее совсем передо мной и нет..." У матушки самой злобы не было, был гнев души... » [64]

Нечто подобное монахиня Мария могла испытывать и в Латвии в этот свой приезд. И она вела себя так, как будто ничего не случилось. В этот свой приезд монахиня Мария много рассказывала о жизни в общежитии основанного ею объединения "Православное дело" в Париже, на рю Лурмель. Отец Сергий Булгаков шутя называл это общежитие "Шаталова пустынь": там жило много людей, материально неустроенных, а нравственно иногда пошатывающихся.

Встречи монахини Марии с молодежью в этот ее приезд происходили на частных квартирах. Запомнился один вечер у сестер М. Дом сестер М. отличался атмосферой миролюбия, дружественности, доброты. Одна из сестер, Вера, попросила у матери Марии ее подрясник и апостольник, чтобы надеть их и посмотреть, какой бы она была монахиней. Худенькая, стройная, она была очень мила в монашеском одеянии. Мать Мария залюбовалась ею и сказала, что весь облик девушки стал необычайно привлекателен. Потом в Риге много говорили об этом случае и кое-кто осуждал мать Марию, считая, что монашеское одеяние монахиня не смеет никому отдавать. Она в ответ только улыбалась.

Суждения монахини Марии обычно были непреклонны, категоричны, что было связано с революционной сущностью ее психологии. Но теперь это была революционность особая, трансформировавшаяся, направленная против мира "сего" вообще, против мира обыденности. Она очень увлекалась и много говорила в Риге об одном своеобразном типе духовного жизненного пути, протекавшего в условиях старой русской государственности, при наличии устоявшегося быта, традиций, уставов, определенной эстетики, известного благочестия: о явлении "Христа ради буйственного жития", то есть о юродивых. С особым увлечением рассказывала о жизни Василия Блаженного. Она отмечала, что в кондаке Василия Блаженного поется, что он хотел "убежать ловления льстивого миродержца", следовал завету "не любите мира, ни того, что в мире". Живописуя жизнь Василия Блаженного, рассказывала, что блаженный часто швырял камни в церкви и в дома добродетельных людей, а на кабаки крестился, объясняя, что около чистых мест всякая нечисть водится, а около кабаков ангелы о погибших душах поют. Она приводила описание иконы Василия по "подлиннику": он "наг, сед, курчеват, брада невеличка, раздвоились космочки, власы истерхались". С сочувствием упоминала об отзыве о значении юродства, данном Флетчером в 1588 г., в год канонизации Василия Блаженного: «Блаженные, подобно пасквилям, указывают

на недостатки знатных, о которых никто другой говорить не смеет». В своей поэме “Духов день“ мать Мария писала:

А по Москве Василий, бос и наг,
С душою ангельской, с улыбкой детской
Ивану просто правду говорит...

И это она считала одним из основных по важности моментов русской истории.

Поразительно сходство того, что мать Мария говорила о юродстве, с тем, что думала о предначертаниях своей жизни, своей судьбы. Считая, что весь максимализм подвига юродства, все его своеобразное творчество, весь напор направлены на мир и в мире его непосредственное дело, она сама стремилась идти и шла тем же путем.

Нам, слушавшим тогда мать Марию, постепенно становилась понятна и внутренняя сущность ее натуры: ее личности было присуще особое свободолюбие, она несла в себе какое-то трепетное чувство свободы, душа ее знала милый, веселый праздник свободы. Но душа ее знала и суровость свободы, отрицавшей во имя ее идеалов мир обыденности, его власть. Поэтому кое-кто из ее тогдашних рижских слушателей, может быть, наиболее чутких, почувствовал возможность того, о чем она сама так часто говорила в своих стихах, - неизбежность трагического исхода ее жизни:

А дальше поведет меня дорога
При всех владыках мира в Соловки...

(Поэма "Духов день. Терцины", сборник "Мать Мария", 1947, с. 25). [65]

Деятельность комиссии по ликвидации РСП Единения

Назначенная для ликвидации Единения ликвидационная комиссия состояла из трех человек. Председателем комиссии был назначен капитан латвийской армии в отставке Энзелинь. Фамилий других членов комиссии я не

помню. Один из них был студентом Богословского факультета.

Роковым условием деятельности комиссий стало то, что заработная плата членов комиссии должна была выплачиваться за счет средств ликвидируемой организации, т. е. денежных средств Единения и средств, изыскиваемых комиссией в ходе ликвидации Единения. И деятельность ликвидационной комиссии по существу свелась к взысканию этих средств. Поскольку сам председатель комиссии до назначения ликвидационной комиссии явно был человеком без профессии, безработным и несколько опустившимся, ликвидацию Единения он затягивал и затягивал, изыскивая новые и новые источники для содержания себя и еще одного члена комиссии. Студент-богослов довольно скоро почувствовал неблаговидность деятельности комиссии и обязанности члена ее с себя снял. Ликвидация Единения длилась до 1940 г., т. е. 5 полных лет. А деятельность Единения продолжалась 7 лет.

Ликвидация Единения прежде всего повела к прекращению всей социальной работы, работы среди детей, подростков, юношества. Прекращена была работа кружков, собраний, библиотеки. Все имущество было описано. Когда были исчерпаны денежные средства Единения, комиссия начала распродавать имущество Единения: библиотеку, инвентарь, мебель. Значительная часть библиотеки, кое-что из вещей Единения было откуплено членами Единения и их родителями. Затем комиссия стала оспаривать одну за другой статьи расходов средств за минувшее время, восстанавливать истраченные суммы и предъявлять иски к членам правления Единения. Начались судебные дела. Решения по отдельным делам судами выносились то в пользу членов Единения, то в пользу ликвидационной комиссии. Но постепенно дела стали решаться только в пользу ликвидационной комиссии. Поводы для восстановления истраченных сумм были весьма многообразны. Например, не были признаны выплаты, внесенные в главную книгу, но записанные другим почерком, чем те, которые записывались в основной период деятельности

Единения, хотя и на эти выплаты были надлежаще оформленные документы. Не были признаны расходы по квартирной плате за помещение, снимавшееся даугавпилсским кружком Единения - на том основании, что на выплату их не было постановления правления Единения, хотя выплаты производились за счет средств, собираемых самим даугавпилсским кружком. Решение ликвидационной комиссии дополнительно мотивировалось и тем, что хозяйка квартиры, сдававшая свое помещение даугавпилсскому кружку, с испугу не подтвердила сдачи ею помещения. Энзелинь сам рассказывал об этом со смехом. Все расходы, не признанные ликвидационной комиссией, действительно имели место, и по существу это не вызывало у ликвидационной комиссии сомнений. Но требования о восстановлении тех или иных сумм основывались на различных мелких формальных нарушениях, которыми и оправдывал свои действия Энзелинь с апломбом, присущим "юристам", начавшим изучать юриспруденцию, но не дошедшим в ее изучении даже до середины университетского курса. А средства для существования были ему очень нужны.

Интересы Единения в судебных инстанциях представлял известный в те времена присяжный поверенный Алкснис и его помощники Иостсон и Берг. Они потратили много сил и энергии при ведении дел Единения; опыт и знания Алксниса, добросовестность Иостсона и Берга на первых порах давали положительный результат. Но позже все это было подмято неравенством сил тяжущихся. Ведь ликвидационная комиссия действовала как бы в интересах государственного бюджета.

События 1940 г. положили конец этой тяжбе.

Сам Энзелинь позже споткнулся на каком-то уголовном деле.

В 1945-1946 гг. я проходил следствие в органах государственной безопасности, как участник РСХ Движения и как секретарь Латвийского Епархиального управления в годы войны. Следствие продолжалось с перерывами 22 месяца, которые я провел в тюрьмах и лагере. К этому времени наше Единение уже было организацией, давно не сущест-

Т. П. Лаговская (1935 г.)

вующей. Я утверждал (как и было на самом деле), что РСХД было религиозной организацией, ставившей своею целью укрепление в вере во Христа верующих и привлечение к вере во Христа неверующих, и что косвенно деятельность Единения препятствовала латышизации русского населения в Латвии. В годы войны я считал, что советская власть - единственная власть, представляющая в войне интересы русского народа. Следствие проходило в мучительных условиях, велось жесточайшими методами и приемами. Заканчивалось оно уже по окончании войны. И я в конце концов по завершении следствия был освобожден "за отсутствием доказательств совершения преступления", т. е. измены родине. Так что, можно сказать, что латвийские власти, закрывшие в 1934 г. наше Единение, в какой-то мере способствовали моему спасению и, может быть, спасению некоторых других деятелей Единения, членов правления Единения, от гибели.

Иначе произошло в Эстонии. Там РСХД продолжало существовать до июня 1940 г. Все главные деятели РСХД в Эстонии: Иван Аркадьевич Лаговский, Татьяна Евгеньевна Дезен, Николай Николаевич Пенькин были расстреляны; погиб в Соликамском лагере, еще до завершения следствия, Лев Дмитриевич Шумаков; 13 лет (с 4 июля 1941 г. по 16 июля 1946 г. и с 14 марта 1949 г. по июнь 1957 г.) пробыла в лагерях и ссылке Тамара Павловна Лаговская-Милютина. Проведя 14 месяцев в Александровском Централе в абсолютной неподвижности (там все камеры были так набиты, что ходить было совершенно невозможно), она, уже в Тайшете, была брошена на уборку картошки. Память о Тайшете осталась на всю последующую жизнь: отекли и стали болезненны суставы рук и ног; съехали один на другой поясничные позвонки.

В пятидесятые годы мне удалось посетить мать Николая Николаевича Пенькина - Ольгу Владимировну, жившую в Печорах, где проходила деятельность Николая Николаевича. Неверно, что горе матери может излечить время. Она была безутешна.

И. А. Лаговский

Л. Дм. Шумаков
член Совета РСХД в Эстонии

Все упомянутые деятели Движения, безусловно, были выдающиеся люди, выдающиеся по своим дарованиям, по своей деятельности, по образу жизни. Николай Николаевич Пенькин и внешне был необычайно красив. Для меня они окружены ореолом святости.

Погибли тогда и член нарвского Движения, талантливый писатель Никифоров-Волгин, имя которого в 30-е годы стало появляться в большой прессе Зарубежья, и член таллинского РСХД Всеволод Чернявский.

В 1944 г. были арестованы находившиеся в эвакуации, в Союзе, члены таллинского РСХД Нина Аникиевна Мигуева и Ксения Сергеевна Хлебникова (по мужу Смирнова). Они обвинялись в намерении организовать на территории СССР РСХ Движение и были приговорены, каждая, к 10 годам заключения в ИТЛ.

Предъявить такое обвинение членам РСП Единения даже по тем временам уже было невозможно.

Н. М. Зернов написал об И. А. Лаговском: "Насколько Зандеры чувствовали себя дома в Европе, настолько Лаговский, третий секретарь Движения, всецело принадлежал России.

Он не был шовинистом, сочувствовал экуменической работе, но сам он жил только родиной и болел ею. Он внимательно следил за всем, что случалось на антирелигиозном фронте, и был лучшим экспертом в эмиграции по этому вопросу. Его статьи регулярно появлялись в "Вестнике РСХД", давая исчерпывающую информацию на эту тему.

Он был увлекательным оратором, его доклады о России были всегда полны точных фактов и продуманных заключений.

Переехав в Эстонию, он вел успешную работу среди молодежи Прибалтики.

Кончил он свою плодотворную жизнь мучеником". [66]

В газете "Печорская Правда" за 9-е и 14-е августа 1990 г. была помещена статья Петра Алексеевича Дятлова "Вспомним всех поименно..." П. А. Дятлов пишет: "Лишь немногие из нынешних жителей Печор знают, что волна

террора прокатилась в 1940 г. и по печорской земле. Для начала расскажу лишь о тех, кого мне посчастливилось хорошо знать. Они не занимали высоких постов, были простыми, но очень хорошими настоящими людьми, каких, к сожалению, в мире бывает не так уж много. Их величие не в звании или должности, а в их высокой нравственной культуре, в богатой эрудиции, в подлинном человеколюбии и патриотизме, в их духовности, к которой мы ныне с таким опозданием взываем.

Осенью 1933 г. в Шумилкинской начальной (шестиклассной) школе появился новый учитель - Николай Николаевич Пенькин, только что окончивший Таллинский Педагогиум. Мне посчастливилось учиться у него два года - в 5-м и 6-м классах (1933-34 и 1934-35 учебные годы). С его прибытием в школе зародилась совершенно новая атмосфера, появилась осмысленность всей нашей работы и самого бытия, установились доселе неведомые нам человеческие отношения.

Николай Николаевич по-настоящему любил детей - нас, обутых в лапти и одетых в домотканную одежду ребятишек. Бесконечно любили и мы его. По дороге в школу или из школы его всегда сопровождала гурьба школьников из разных классов, в том числе и тех, кому приходилось для этого делать немалый круг. И мы не просто шли, а играли. Именно Н. Н. Пенькин добился того, чтобы я пошел учиться дальше. Чтобы дать возможность детям из бедных семей учиться в средней школе, он организовал в Печорах общежитие. Так глубоко сознающий свою роль учитель и благонастроенный человек - он уделил большое внимание нравственному воспитанию школьников и молодежи. Для последней он организовал кружки, где читались и обсуждались произведения Чехова, Лескова, Л. Толстого, Достоевского и др., устраивались литературные суды. В этих кружках участвовали и мы - школьники. И работа в кружках, и просто общение с Николаем Николаевичем открывали перед нами доселе неведомый мир прекрасного, мир человека, богатый мир идей.

Н. Н. Пенькин с епископом Сергием Пражским (Королевым)

Мое общение с ним не прерывалось и позднее, когда я уже учился в Печорах. По субботам Н. Н. Пенькин всегда приезжал домой в Печоры, где жила его мама, Ольга Владимировна, добрая, приветливая женщина, и непременно заходил к нам в общежитие. А с 1938 г., когда в школах было введено преподавание ряда предметов на эстонском языке, он остался без работы. Язык он, конечно, знал, но не настолько, чтобы на нем преподавать. Постоянно жил в Печорах, так что встречались мы почти ежедневно. Николай Николаевич хорошо и глубоко знал Н. Бердяева, С. Булгакова и других великих русских мыслителей, крупицы учения которых становились и нашим достоянием. Так я прожил в общении со своим Учителем 8 лет. И все эти годы он носил один и тот же костюм, потертый, но чистенький, и те же выгоревшие пальто и фуражку, которые так шли к его красивому, умному, благородному лицу. А летом 1940 г. Н. Н. Пенькин был арестован, отправлен в Ленинград и вскоре расстрелян.

В 1936 г. в наше общежитие приехала из Таллина Татьяна Евгеньевна Дезен. Именно она заведовала с тех пор нашим общежитием и была нашей доброй наставницей. Она же и еду готовила - с нашей помощью, добывала средства для общежития (пожертвования по подписному листу). Это был человек огромной эрудиции (у нее было высшее юридическое образование), с добрым, человеколюбивым сердцем, поистине умный человек. Так мы и жили очень дружной семьей, где все уважали и любили друг друга, где каждый чувствовал, что он действительно дорог остальным. Вся атмосфера в общежитии была настолько дорога нам, что и во время каникул мы не выдерживали долгой разлуки и приезжали (вернее, приходили, как я за 30 километров) пожить хоть день-другой в нашем родном общежитии.

Татьяна Евгеньевна заботилась о каждом из нас. Увидев, что у меня очень слабое зрение, она повезла меня в Тарту, в глазную клинику, где, после тщательного обследования и установления диагноза (астигматизм), прописали хорошие очки. Через пару лет у меня открылся

Т. Е. Дезен
ведущая участница РСХД в Эстонии

туберкулезный процесс в легких. Татьяна Евгеньевна опять возила меня в Тарту, в университетскую клинику, к лучшим специалистам. При наших в общем-то скудных средствах она умудрилась добывать и готовить мне особое, укрепляющее питание, организовала специальные процедуры и т. д. И тем, что я выжил, я, конечно же, обязан ей, этому самоотверженному человеку. Это был настоящий, замечательный человек. Общение с ней облагораживало каждого. Сейчас во многих регионах нашей страны неожиданно остро встала проблема языка. Татьяна Евгеньевна сказала так: говорить надо на том языке, который легче для собеседника. Кстати, у меня интерес, а может быть и способность к языкам зародились именно от нее.

Татьяну Евгеньевну забрали осенью 1940 г. – у нас на глазах, поздно вечером; было очень темно. Осенила крестным знамением своего престарелого отца, по-матерински попрощалась с нами. Осиротели мы, остались одни, без нашей доброй и мудрой наставницы".

О своей статье П. А. Дятлов написал в письме к Т. П. Милютиной от 11.12.90 г. : "В основном я написал лишь то, что в январе 1989 г. писал в Прокуратуру Эстонии и Псковской области".

На обращения П. Я. Дятлова в органы Прокуратуры последовали два ответа:

I

ВЕРХОВНЫЙ СУД РСФСР	*Гр. Дятлову П.*
103289, Москва, пл. Куйбышева, д. 3/7	*202754 Эстонская ССР,*
15.10.90 №В 190-695	*Выруский р-н, п/о Пухамаа*

Сообщаю, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 6 августа 1990 г. приговор Военного Трибунала Ленинградского округа от 25 апреля 1941 г. в отношении Лаговского Ивана Аркадьевича и Пенькина Николая Николаевича отменен и дело производством прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Гр. гр. Лаговский И.А. и Пенькин Н. Н. по настоящему делу реабилитированы.

Заместитель Председателя Верховного Суда Р.С.Ф.С.Р.
(В.И. Радченко)

II

ПРОКУРАТУРА СССР
ПРОКУРАТУРА ЭСТОНСКОЙ ССР
200103, Таллинн, ул. Висмари, 7

Ув. Петру Алексеевичу Дятлову
Выруский р–н, 202754 Пухамаа

В дополнение к направленному Вам председателем Верховного Суда РСФСР 15.10.1990 г. ответу №ВI-90-595 насчет реабилитации Пенькина Николая Николаевича сообщаю, что Судебная коллегия Верховного Суда РСФСР по уголовным делам 06 августа 1990 г. отменила решение Военного Трибунала Ленинградского Военного округа от 25 апреля 1941 г. в отношении Дезен Татьяны Евгеньевны и прекратила уголовное дело за отсутствием в ее действиях состава преступления.

Таким образом Дезен Татьяна Евгеньевна реабилитирована.

1-й заместитель Прокурора Эстонской Республики
(Ю. Роотс).

Письма приводятся по копии, второе письмо - копия с переводом с эстонского. Из этих писем видно, что И. А. Лаговский, Т. Е. Дезен и Н. Н. Пенькин проходили следствие по о д н о м у и тому же делу, т. е. как деятели РСХ Движения, и приняли страдание и смерть одновременно именно как работники РСХ Движения в Прибалтике и христианские мученики.Из статьи П. А. Дятлова видно, что вопрос о реабилитации этих деятелей РСХ Движения был поставлен их воспитанником, участником Русского Христианского Движения Крестьянской Молодежи, проявившим при этом любовь к РСХ Движению и чуткость, верность, способность к благодарности своего сердца. Петр Алексеевич Дятлов в настоящее время проживает в г. Печоры, 181500, Псковской области, Садовый пер. №2, кв. 3.

Родился он 12 июня 1921 г.

Красный уголок

М. И. Миезис и Т. П. Якимович
(над ними - витрины с изданиями YMCA-Press*)*

Слева направо - первый ряд : **А. В. Буковский, М. С. Бовтович, Н. Ф. Кирпичникова, В. С. Бовтович, Н. П. Литвин.** *Второй ряд :* **М. О. Ион, Н. Н. Македонская, Б. В. Плюханов, Т. Д. Эренштейн.**

При проводившемся у меня на дому в ночь на 9 января 1945 г. обыске были изъяты рукописи русских зарубежных писателей и поэтов, печатавшихся в журнале "Перезвоны", подаренные мне наследницами редактора журнала Сергея Алексеевича Белоцветова - его вдовой Антониной Ефимовной и дочерью Наталией Сергеевной, а также документы о моем трудовом стаже, начиная с гимназических лет.

Все это, как мне пояснили позже, было в КГБ сожжено. Однако один из сотрудников КГБ, отнесшийся ко мне во время следствия, как мне казалось, с сочувствием, сохранил в своем письменном столе машинописный текст рассказа И. А. Бунина "Мордовский сарафан" с авторской правкой и несколько фотографий из нашего семейного альбома и все это вернул мне по своей инициативе при моем освобождении.

Во время следствия в Риге и позже, в лагере, я подвергался уговорам стать осведомителем. По-видимому, предполагалось вернуть меня на работу в Епархиальное управление в Риге. В КГБ в Риге в этих уговорах участвовал

генералитет КГБ. Должен отметить, что мой отказ никак не отозвался позже на условиях моего пребывания в лагере, они не были хуже, чем у других, и зависели только от моего поведения в лагере. По моим наблюдениям, согласившиеся на такое сотрудничество часто погибали раньше других, теряя душевное равновесие и, вместе с этим, способность к внутреннему противостоянию тяжким условиям лагерной жизни. Это мое наблюдение относится к той среде заключенных, с которыми я находился в лагере: подследственные, этапированные из Латвии, и "власовцы".

На закрытие Единения Дмитрий Васильевич Маслов написал стихотворение:

Я не хочу, как бедный Ленский,
Слагать надгробный мадригал.
Пусть вещи сложены в правленской,
Затих и пуст, и темен зал.

Ушло, что было в жизни свято,
И (знаю твердо, как урок)
Детей со всех, со всех форштадтов
Сюда не пустят на порог.

Но знаю также: есть владенья,
Которых силой не возьмешь,
И живо наше Единенье,
Доколь мертва пред Богом ложь.

Перед Живым бессильна злоба,
Безгласны клевета и тать.
А где наступят силы гроба,
Там помогает благодать.

Можно вспомнить и стихотворение З. Н. Гиппиус "Грех" - первое четверостишие стихотворения:

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнанья.
А злое дело - воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

Закрытие Единения было, конечно, злым делом латвийских властей.

ЧАСТЬ III

ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ

(НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ)

Поездка в Париж

В 1935 г., летом, с 1 по 4 июня, во Франции, в местечке Буасси, недалеко от Парижа, состоялся съезд Совета РСХД в расширенном составе. Я был приглашен участвовать в съезде, с оплатой поездки из средств РСХД. От РСХД в Эстонии принимали участие в съезде секретарь Центрального секретариата РСХД и секретарь РСХД в Эстонии И. А. Лаговский и священник Александр Киселев.

Поездка в Париж дала мне возможность осуществить одно мое решение (я был с конца 1933 г. начальником дружины мальчиков "Витязи"), поддержанное и другими членами правления Единения: увезти из Латвии и передать в парижский храм РСХД - Введения Богородицы - знамя Дружины "Витязей" - белое шелковое полотнище с изображением иконы Александра Невского, вышитой девушками Единения.

В Риге я присоединился к проезжавшим через Ригу И. А. Лаговскому и о. А. Киселеву. Нас проводили в Париж многочисленные члены Единения: Единение все еще как бы продолжало свое существование.

В купе вагона находилась одна женщина-немка. В разговоре с ней выяснилась ее точка зрения на происходящее в Германии. Она считала, что "то, что происходит в Германии, происходит, что Богу нужно, а Богу нужно, что мы, немцы, хотим". Это была теория немецкого бога.

В Париже, по приглашению монахини Марии, переданному мне еще в Риге, я остановился на улице Лурмель, 77, в общежитии монахини Марии. Мне была предоставлена

большая комната, с паркетным полом, с камином, с большим балконом.

В комнате была железная кровать, стол, стул.

У меня было с собой масло, сыр, шпроты. Денег у меня было очень мало, и я мог дать общежитию только эти "яства".

В эти дни в общежитии ожидали из Англии англиканских монахинь. Мать Мария тщательно готовилась к их приему, месила тесто (за этим занятием я ее сфотографировал), пекла пироги. Но главным козырем предстоящего приема и угощения должен был стать, по словам монахини Марии, "швейцарский" сыр латвийского производства. "Вы не можете себе представить, какое это для нас богатство", - говорила монахиня Мария о моих "приношениях".

С приездом англиканских монахинь связывалась надежда на англиканскую денежную помощь общежитию.

Когда я впервые пришел в общежитие, монахиня Мария и ее помощники находились в кухне.

Здесь происходил сложный дипломатический разговор с поваром общежития. Очевидно, повар принадлежал к числу шатающихся, очевидно, к моему приходу сильно зашатался, и общежитие могло остаться без повара.

Монахиня Мария во время разговора вышла из кухни, но скоро снова появилась с пакетом в руках. Этот пакет она передала повару. Там был папиросный табак. Повар, человек желчный, чем-то раздраженный, несколько высокомерный, табаком явно заинтересовался. Был ли найден к нему подход раньше, или поиски подхода происходили при мне, - я не знаю. Но табак он принял милостиво и заметно смягчился.

Комната, в которой я поселился, находилась на втором этаже. На первом этаже, рядом с большой столовой-залом, находилась комната самой монахини Марии. В ней происходили и собрания работников объединения "Православное дело". Но первоначально монахиня Мария жила в комнатке под лестницей. На нее мне показывала

Гаяна, дочь монахини Марии, и монахиня Мария, когда они однажды разговаривали со мной, стоя на лестнице.

26 мая, вечером, И. А. Лаговский был приглашен к Клавдии Михайловне Перешневой, казначею РСХД в Париже. Был приглашен и я. Темы разговоров К. М. Перешневой и И. А. Лаговского были невеселые: о несогласиях, разделениях, противоборстве. Но разговор был необычайно остроумен. На вопрос И. А. Лаговского, как К. М. Перешнева все это переживает, К. М., не задумываясь, ответила: "Я перестала расстраиваться. Последний раз я расстраивалась, когда Вы уезжали из Парижа!" Слушая остроумные диалоги собеседников, я много в тот вечер смеялся.

27 мая, утром, митрополит Евлогий принял И. А. Лаговского. Я сопровождал его.

Митрополит Евлогий жил в домике при кафедральном соборе, бывшей посольской церкви, в очень скромном помещении, по-видимому, бывшей сторожке.

Беседа митрополита Евлогия и И. А. Лаговского продолжалась долго. Говорилось и о событиях в Латвии. Митрополит Евлогий, знавший архиепископа Иоанна (Поммера) еще молодым монахом в России, говорил о необыкновенной физической силе его. Будучи инспектором Вологодской духовной семинарии, он без труда разнес баррикады, воздвигнутые "расшалившимися" студентами семинарии. По поводу закрытия РСП Единения и обвинений, воздвигнутых латвийскими властями против РСХД за рубежом, митрополит Евлогий с огорчением и осуждением сказал: "Напрасно всё это".

В тот же день, 27 мая, состоялось собрание Центрального секретариата РСХД. На нем присутствовали Василий Васильевич Зеньковский, Иван Аркадьевич Лаговский, Павел Францевич Андерсон, монахиня Мария (Скобцова), Софья Михайловна Зернова, Александра Сергеевна Четверикова, о. Лев Липеровский, Владимир Федорович Слепьян, Ирина Васильевна Окунева, Федор Тимофеевич Пьянов. На собрание был приглашен и я.

К. М. Перешнева прислала мне подарок: шутливую поэму участника РСХД Юрия Степанова о Бьервильском

съезде РСХД 1926 г., посвященную К. М. Перешневой. Подарок К. М. Перешневой был передан мне перед самым началом собрания. Сидя в заднем ряду, я не удержался и развернул поэму. Получил я ее свернутой рулончиком, перевязанным розовой вуалькой. К несчастью, взгляд мой пал на описание сновидений участников Бьервильского съезда в одну из бьервильских ночей:

Но мучит Зандера кошмар:
Что будто он, как на беду,
Гребенку потерял в саду.

В этом месте я не сдержался и фыркнул: Лев Александрович Зандер был совершенно лысый. В. В. Зеньковский, проводивший собрание, был оскорблен и сделал мне замечание. После собрания произошло объяснение. Знавшие о получении мною подарка от К. М. Перешневой объяснили В. В., чем было вызвано мое веселье, и В. В. несколько смягчился.

На собрании обсуждались вопросы структуры РСХД. Монахиня Мария рассказала о посещении ею Прибалтики.

В июне 1935 г. в съезде Совета РСХД приняло участие около 40 человек. Привожу в приложении список участников по сохранившейся фотографии.

В съезде принимал участие и митрополит Евлогий.

Во вступительном слове В. В. Зеньковский отметил: из недр Движения выросло Англо-русское содружество; ради Движения Всемирная Студенческая Христианская Федерация отказалась от интерконфессионализма и вступила на путь экуменизма. Это признаки силы Движения. К внешним трудностям Движения В. В. Зеньковский отнес наличие некоторого "внутреннего самоотравления", связанного с возникновением в Движении противоречивых течений. Эти течения приобрели недолжную заостренность, так как ослабело братотворение. Отмечалось также ухудшение финансового положения, уменьшение притока новых членов, наличие недобросовестной агитации против Движения, ослабление контактов с русским обществом. К внутренним трудностям В. В. Зеньковский отнес непонимание основного замысла Движения: культурный перелом под

знаменем церкви; порок духовного зрения – неприятие факта разнотипности духовной жизни, отсюда нетерпимость; склонность к духовной "обломовщине", готовность помечтать о подвиге при неспособности к подвигу; ослабление литургической основы Движения.

Говоря о задаче внедрения идей Движения в общество, В. В. Зеньковский указал, что во время финансовых кампаний следует не только знакомить общество с нуждами Движения, но нужно знакомить и с сущностью Движения.

Отец Сергий Булгаков говорил о Движении как нашей Пятидесятнице, Божьем чуде. Он указал, что минувший год был наименее праздничным в жизни Движения. Нельзя позволить себе внутренне отойти от Движения. Мы живем в катастрофическое время. Перспективы дела – и нашего, и России – далеки. Но злые энергии могут быстро оборваться. Нужно терпеть. Это ставка на веру, не на крепкие нервы. "Я буду – сказал отец Сергий – все свои силы отдавать Движению".

Монахиня Мария (Скобцова) утверждала: воздух, в котором мы живем, образуется двумя типами жизни. Меньшинства (в Прибалтике) национально здоровы, восприимчивы, культурно значительны. В эмиграции национальное сознание формируется под влиянием национального унижения, национальной децентрализации, безработицы. Наблюдается снобизм по отношению к СССР. Но это болезненные реакции: на место раны – абсолютно деформированного национального самолюбия – самохвальство – в своем национализме люди фактически интернациональны, денациональны, – так как здорового питания нет. И в этом море плавает Движение. Движенский корабль был силен абсолютной ориентацией только на церковное, на главное. Может быть было даже ослабление придаточного. Через брешь в Движение проникла злободневность. Брешь заделали. Но гнилая вода осталась. Но у нас есть возможность координировать. На съезде 1933 г. (имеется в виду Восьмой общий съезд РСХД, состоявшийся в сентябре 1933 г. во Франции – *Б. П.*) придаточное внес Париж, главное – провинция. Центр не выражает общей физиономии Движения.

Центр привязывается к Парижу. Должно быть отсечение всего местного. Сейчас, как никогда, нужно отбросить все придаточное, сосредоточиться на главном - любви к Богу, любви к человеку - конкретно - богословской и практической задаче. Нельзя поддаваться провокациям жизни.

И. А. Лаговский отметил значение Салдусского экуменического съезда в Латвии в 1934 г. Откровение Евангелия должно войти в жизнь Движения. Говоря об отношении меньшинств и эмиграции, И. А. Лаговский сказал: мы (русское население в Прибалтике) - меньшинство к тому народу, с которым мы живем. К русскому народу мы - часть. Судьба русского народа нас так же волнует, как волнует и русскую эмиграцию. В странах, где мы живем как меньшинство, мы особенно хорошо понимаем значение эмиграции. Необходимо обращение к Будущему.

Б. П. Вышеславцев говорил о благотворении. Отметил, что в Движении наблюдается тирания одного религиозного типа, единообразного, который, однако, в истории Движения менялся: был аскетический, монашеский, был лагерно-маршрутный, национальный. Диктатура одного типа смешна. Братство - осуществление любви. При этом и личность преображается.

А. И. Никитин : всегда в домостроительстве Божием есть трудности, но есть и силы к их преодолению. Необходим натиск на жизнь. Основная задача - миссионерская. Следует преодолевать волевую леность.

В. А. Нерцессян : необходимо создание специалистов для работы в Движении.

Отец Сергий Булгаков : мы собрались под давящим впечатлением - не кризиса, а скандала. Грех состоял в том, что все были увлечены самоутверждением. Наше Движение - евхаристическое. Это наше торжество. Переживание этого года - грех против Чаши. Наше Движение еще и евангельское. Глубокая слабость и греховная слабость - отступление от Евангелия. Поражает на международных конференциях способность участников быть вежливыми. Но не это главное. Но главное - живут с Евангелием. Наивны были комментарии, наивно было вручать Евангелие так, как

делал Николаи. Но он спас многие души. Движение осуществляет реформацию. Надо распространять Евангелие. Евангелие принадлежит церкви и может быть жизнью только в церкви.

Истекшее время, особенно последний год в жизни Движения, должно быть признано нашим общим грехом. Это признание должно родить наше общее же покаяние. Наши нестроения, взаимное непонимание, нетерпимость, страстность - все это грех нашего самоутверждения. Это грех перед церковью, грех перед св. Чашей, грех перед задачей братотворения, грех перед Евангелием. Нужно научиться жить с Евангелием, так как жизнь в свете Евангелия и есть подлинное покаяние.

Священник А. Киселев : цели Движения должны быть более определенными, рельефными. У нас больше стало подъездных путей к цели - созданию христианской личности. Мы делаем не движенское, а церковное дело. За Движение не будет мучеников.

И. К. Юрьева говорила о разделении на группы в национальном вопросе. Любовь к родине была вплетена в веру у Симеона Столпника и у Александра Невского. Нужно принять друг друга в свое сердце.

В первый день съезда был заслушан также доклад священника Л. Липеровского (диакон Лев Николаевич Липеровский был рукоположен митрополитом Евлогием во иереи 9 апреля 1934 г., на второй день Пасхи) о работе РСХД во Франции. Доклад был составлен по материалам специальной комиссии, созданной в связи с заявлением Ф. Т. Пьянова об уходе его, как секретаря РСХД по работе РСХД во Франции, с работы. Доклад содержал подробные сведения об обширнейшей работе РСХД, чрезвычайно разнообразной (свой храм; съезды - взрослых, молодежи, специальные съезды для рабочих; лагеря витязей, девичьи; кружки, содружества, клубы, - дружины - студенческие, юношеские, девичьи; курсы - руководителей детской и юношеской работы, медицинские, технические; миссионерские группы; лекции; библиотека; ежегодная финансовая кампания; участие в международных съездах и пр.).

Были высказаны и предложения об отказе от форм работы, непосредственно не связанных с основной линией РСХД.

Было оглашено письмо Ф. Т. Пьянова о снятии им с себя обязанностей секретаря РСХД во Франции, в котором приводились и мотивы его решения: расхождения при составлении и проведении плана работы; разногласия с Н. Ф. Федоровым, до того возглавлявшим дружину "Витязей"; несогласие с его подходом к работе Центрального секретариата Движения. Заявление Советом было принято к сведению. В резолюции по заявлению было выражено "глубокое сожаление о том, что Ф. Т. Пьянов покидает работу в качестве секретаря Движения во Франции". Совет отметил "исключительную энергию и творческую инициативу, проявленную Ф. Т. Пьяновым, его любовь и преданность работе Движения". Была высказана искренняя благодарность ему "за все ценное, что он внес как в Движение во Франции, так и в Движение в целом". Далее было сказано: "Совет выражает уверенность, что Ф. Т. Пьянов в своей новой церковно-общественной работе будет тесно сотрудничать с Движением и продолжит непосредственное участие в жизни и работе Движения".

Ф. Т. Пьянов Советом был также избран в члены Малого Совета РСХД.

У меня лично возникло впечатление, что Ф. Т. Пьянов был человеком с трудным характером. В дальнейшем, насколько я знаю, он совершенно отошел от непосредственной работы в Движении и пережил даже известное отчуждение от РСХД. Позже он стал сотрудником матери Марии по работе "Православного дела". Тамара Федоровна Баймакова-Клепинина, знавшая Ф. Т. Пьянова долгие годы, написала мне в письме от 3.8.82 г. так: «Пьянов передал о. Гаккелю много материала своего архива. Он был *self made man*, но очень достойным и идейным человеком. Чрезвычайно чтил Николая Александровича (Бердяева - *Б. П.*). Его вдова живет у внучки, недалеко от Парижа, мы с ней иногда переписываемся. Она очень скромная, верующая женщина.

Ф. Т. был в семье очень властным, в делах был очень толковым и очень помогал матери Марии».

Вместо Н. Ф. Федорова Советом был избран начальником объединенной организации "Витязей и Дружинниц" В. С. Слепьян.

На второй день съезда, 2 июня, после литургии и проповеди отца Сергия Булгакова, состоялось собрание, посвященное двум темам: религиозное понимание национальной задачи и отношение к большевизму.

Во вступительном слове В. В. Зеньковский сказал: всякая идеология двусмысленна по самой своей природе. Область идей является некоторой "серединной областью"; она находится между миром высших, абсолютных ценностей и миром земных, человеческих, греховных и страстных стремлений. Идеология хочет связать "серединные" ценности с земными целями. В идеологических спорах люди поэтому всегда спорят не о последних ценностях, а о посредствующих, "средних". Здесь корень "идеологических страстей", являющихся "страстями ума". Движение должно твердо осознавать, что идеология Движения должна быть связана не с "идеями", а с догматическим сознанием. В том, что идеология Движения должна покоиться на догматическом основании, великое преимущество и, вместе, величайшая трудность пути, избираемого Движением. При возведении идеологии к высоте догматического сознания становится ясным, что кипение в Движении "идейной" борьбы есть признак не силы, а слабости.

Эта слабость особенно сказывается в том, как многие из нас ставят тему о национальности. "Идейные споры" на эту тему обнаруживают, что нас волнует не метафизика национальности, а захватывают злободневные, преходящие страсти. Это свидетельствует о нашей незрелости.

Расхождения по второстепенным вопросам в Движении естественны. Но Движение должно быть единым в основном. Основное это: 1) первенство во всем религиозного начала; 2) непримиримость к большевизму, являющемуся отрицанием Божией правды о жизни. Вопрос о нужности

или полной бесполезности политической активности в борьбе с большевизмом является вопросом личного понимания своего религиозного долга и не может быть причиной разделения внутри Движения. Всякий, кто хочет искать "единое на потребу" и ставит его выше всего, может быть с нами. 3) Внутри себя Движение должно сохранить полную свободу и терпимость, чтобы в нем могли объединиться люди разных партий. 4) В работе Движения с юношеством Движение может сотрудничать только с организациями неполитическими - скаутами, соколами. Сотрудничество с юношескими организациями при политических течениях и группировках для Движения исключено. Кто не может принять первенство религиозного начала прежде всего, тот должен выйти из действительных членов Движения.

Мать Мария (Скобцова) : Василию Васильевичу Зеньковскому нельзя возразить, и это плохо. Его линия - мудро-хитро-средняя, равнодействующая. Религиозная расценка большевизма должна учитывать: 1) гонение на церковь; 2) большевистская религия человекобожия - антихристова. Вся официальная Франция - безбожна. Ее отношение к СССР - неинтересно. Эта тема не подлежит нашему обсуждению, она религиозно бессодержательна. Но есть вопросы, которые затрагивают глубины. Война нейтрализует личную волю. Большевизм содержит религиозное обоснование террора.

А. И. Никитин : Бесспорно - мы отвергаем большевизм из глубины религиозного сознания. Есть два момента в моей жизни, которые я могу снести к Богу: участие в Белом движении и участие в Русском Студенческом Христианском Движении. Из РСХД я подошел к Белому движению. Идея Белого движения - святая. Оно погибло потому, что люди, дерзнувшие начать его, не были религиозно достойны. На вопрос о вооруженной борьбе с большевизмом, мы со страхом, но даем положительный ответ. Н. Ф. Федоров на деле не был воином. Я мог бы потягаться с ним послужным списком. Он не воин. Антидисциплинарен.

Б. П. Вышеславцев : религиозная точка зрения не р я д о м с другими точками зрения. Дело не в том, что большевизм отрицает б о л ь ш е. Нужно взять основные свои переживания в самом большевизме, кто сидел в нем. Основное – хула на Дух. На всякого духа. Если Маркс хулит дух во имя гуманизма, тем хуже для гуманизма. Весь стиль советской прессы – в стиле, в языке, в искусстве, в воспитании, в отношении к церкви – хула на духа, на духовность. Несоизмеримость духовной, религиозной жизни с практическими выводами. Живут не политические идеи. (Об этом у Достоевского в "Дневнике писателя"). Младороссы могут быть историческим эпизодом. Движение иное. Заниматься политикой без *polis'* а невозможно. Нужно лишь готовиться принять участие в Российском государстве.

Отец Сергий Булгаков : мы не можем видеть света, но мы можем видеть в свете. Свет может быть и тьмой (Силоамская купель). Ум Христов, религиозная воля, любовь. О ней говорить больно, но в наших силах достичь то, что апостол Павел определяет отрицательно. *(Из проповеди). Далее добавление к проповеди:* еще нужно присоединить добродетель религиозного такта, что противоположно не только бестактности, но и отдаче провокациям. При отрицательном отношении к большевизму как к религии, нужно этим и ограничиться. Большевизм есть болезнь русского народа, но есть и народные силы. Отношение к большевизму – как полипу, который прикрывает жизнь русского народа. Пораженчество с точки зрения Деникина.

О терроре и войне. Если бы мы были толстовцы, для нас не было б вопроса или мы считали б эти вопросы нехристианскими. Нужна терпимость. О военизации. Можно идти по линии наименьшего сопротивления. Таким путем для младороссов является военизация. Она в воздухе, присуща младороссам, является педагогической демагогией.

Пусть Белое движение – святыня, как знамя; пусть психологически часто ставится знак равенства между остатками Белого движения и его задачами, – в эмиграции оно не побелело, оставшись Белым. Нельзя забывать о нем.

Но нужно противопоставить его *militis christi*. Аскетическое ограничение себя. Воспитание в духовной белизне. Но она может выразиться и в военном деле. Нельзя только приспособляться. От политической пыли может ничего не останется. Но духовные витязи останутся. И прививка – не поддаваться провокациям жизни. Должно быть христианское самоопределение и самосознание.

И. А. Лаговский : наш опыт (РСХД в Прибалтике) отличается от опыта эмиграции. У нас есть одно слагаемое – жизнь. У нас приходится наблюдать двусмысленность идеологии в жизни. Поэтому широкое объединение на идеологической почве для нас невозможно. Что в эмиграции совместно, в Движении в Прибалтике невозможно. В эмиграции пережит инстинкт собственности, освобождение от эгоизма, инстинкта собственности. Так же нужно относиться к инстинкту национальному, освобождая дело Христово от всего натурально темного. К идеологии нужно относиться прагматически. Движение воспитывает великое и свободное подчинение Христу, превращаемое в сыновство. Принимаем младоросса, не принимаем младо-россизм.

Большевизм воспитывает рабство партии. Большевизм антирелигиозен. *Анти* – не только противопоставление, но и подмена. Здесь это умопостигаемая величина, в Прибалтике – жгучая осязательность. Есть некая пустота в тех путях и программах, которые творятся здесь. Они законны. Возьмем русского человека как брата. Непрерывная, продолжающаяся волна русского народа у нас. Можно, ориентируясь на видимый нами русский народ, сказать: помертвелость церковной жизни; хулиганство. Нужно идти в низы. Принимаю идею духовной борьбы. Кто возьмет оружие – должен быть воином Христовым.

Отец Лев Липеровский : если б нам коммунисты предоставили свободу проповеди, что мы могли бы взять с собой в вагон? Нам нужно делать то, что мы должны делать сейчас для нашей великой нации. Не нужно готовиться к войне. Нужно быть готовыми стать воинами Христовыми.

И. В. Окунева : сейчас перегнули палку в другую сторону: эмиграция – пыль, носимая по ветру. Братья – не в

пределе Движения - хотя бы по крови. Нужно уважение и доверие. Нужно заниматься всеми вопросами в свете христианства. Бестактность - подставлять ногу.

В. А. Нерцессян : безбожие Франции непоследовательно, религия коммунизма проявляется последовательно. Военный путь не есть широкий путь. Нам нужно учитывать нашу веру. Опасная конструкция: что мы стали бы делать, если б нас впустили в Россию; это спекулятивная конструкция.

Отец А. Чекан : речь В. В. Зеньковского подобна речи Достоевского на открытии памятника Пушкину. Ничего нельзя было записать, так как слушали, как Орфея. Религиозный момент в речи. Желание избегать острых углов. Вопрос о Пьянове на съезде в сфере общественной незрелости.

И. А. Лаговский : решение обсуждаемых проблем - задача личной совести. Нам нужна линия, на которой мы ближе всего ко Христу.

Мать Мария (Скобцова) : (о терроре). Люди, которые погибали - герои; люди, которые не погибали - несчастные, так как единственное оправдание - смерть; люди, которые организовывали - негодяи. Даже благословлять нельзя. Это настолько интимная вещь, что не может быть никаких деклараций.

Совет следующим образом определил основные линии работы с юношеством: «В работе с юношеством РСХ Движение стремится выработать в юношестве христианское мировоззрение, дать юношеству знание истории и культуры родного народа и воспитать любовь к нему.

РСХ Движение отвергает воспитание юношества в каком бы то ни было партийном духе, так как полагает, что православно-христианское мировоззрение, развивая сознание религиозного смысла гражданской и политической ответственности, даст молодежи верные основы самостоятельного выбора пути деятельности».

2 июня, после обеда, состоялся доклад А. Д. Маттео о работе столовой РСХД для безработных и о другой помощи, оказываемой безработным.

Собрано на парижском центральном рынке для столовой около 10.000 кг продуктов для обедов. При столовой - сапожная и портняжная мастерские, амбулатория, обслуживаемая Союзом христианских врачей, которой заведует Л. И. Шибаева; юридическая консультация.

Из общего числа обращающихся за юридической помощью у 90% нет документов и им угрожает высылка из страны. Общий путь для помощи - обращение в министерство. При облаве полиции - попытка “отбить“. Если не удается отбить - сопровождение в префектуру; и там, если направление в тюрьму, вручение всего необходимого и направление письма к адвокату. В тюрьму направляются деньги, связь поддерживается письмами. Оказана помощь деньгами 24 арестованным; в 7 случаях - помощь адвоката; дана 271 консультация; 123 ходатайства о документах; подыскивалась работа.

За 1/3 года собрано и истрачено 41.180 фр.; представлено 4319 ночлегов, в том числе 607 через “Армию Спасения“; выдано 756 обедов; на пасхальные разговены пришло 560 человек; выдано 127 пар сапог, 1957 различных вещей; 200 раз давалось направление в парикмахерскую.

Религиозно-культурная работа среди безработных. Еженедельные беседы в течение Великого поста о. С. Четверикова; беседы Мочульского, Баймаковой.

Была заслушана информация И. А. Лаговского о деятельности РСХД в Эстонии; информация о деятельности РСХД в Болгарии, где работают кружки в Софии, а в последнее время и в Русе; информация о юношеской работе в Париже и в Берлине.

На вечернем заседании второго дня съезда было заслушано заявление духовного руководителя РСХД прот. С. Четверикова с просьбой обсудить совместно с митрополитом Евлогием возможность его освобождения от обязанностей духовного руководителя РСХД. При этом о. С. Четвериков сослался на общую усталость, как результат его предыдущей жизни и особенно последних 18 лет. Совет, выслушав заявление о. С. Четверикова, решил передать его заявление в Избирательную комиссию, дополнив

прот. Сергий Четвериков
духовный руководитель РСХД

ее состав через вхождение в нее митрополита Евлогия и протоиерея С. Булгакова.

В резолюции по заявлению о. С. Четверикова указывалось: «Совет Движения признает деятельность о. С. Четверикова для Движения исключительно ценной и просит о. С. Четверикова и впредь оставаться священником Движения. Совет считает, что, в соответствии с предложением о. С. Четверикова, священнику Движения должна быть обеспечена возможность посещения местных Движений и длительного общения с ними».

На третий день съезда, 3 июня 1935 г., после литургии, отслуженной митрополитом Евлогием, и его проповеди, посвященной празднику того дня – св. равноап. Константина и Елены и сретению иконы Владимирской Божьей Матери, в котором митр. Евлогий увидел гармоническое сочетание вселенского момента с национальным в жизни церкви и призывал молиться о православной церкви, нужной, может быть, и для всего мира, и для экуменического движения, продолжали работу сформированные в начале съезда комиссии: бюджетная, под руководством В. В. Зеньковского; комиссия по работе с юношеством, под руководством И. А. Лаговского; избирательная, под руководством В. В. Зеньковского; конституционная, под руководством А. И. Никитина.

На общем собрании съезда по поводу заявления о. Сергия Четверикова выступили митрополит Евлогий, о. Сергий Булгаков, Л. А. Зандер. Была отмечена неразрывная связь о. С. Четверикова с Движением; его авторитет церковный, духовный, движенский; необходимость "просить и молить" (слова митр. Евлогия) его не оставлять Движение; принять меры, чтобы "облегчить заботы" его (слова о. Сергия Булгакова).

По принятому Советом решению – просить о. С. Четверикова продолжать работу духовного руководителя Движения – было заслушано решение о. С. Четверикова продолжать работу. Митрополитом Евлогием было провозглашено о. С. Четверикову многолетие.

О. Сергий Четвериков благодарил митрополита Евлогия, Движение, Совет за внимание и любовь к нему и отметил, что Совет, приняв на себя несение тяжести тех недостатков, какие о. Сергий сознает в себе, разделил с ним его бремя. Это чувство поможет ему в его дальнейшей работе.

Л. А. Зандер выступил с проектом о создании при Всемирной Студенческой Христианской Федерации специального отдела - Союза студенческих движений православных стран - Болгарии, Югославии, Румынии, Греции и РСХД. Проект был выслушан с большим интересом. Советом было высказано пожелание, чтобы Л. А. Зандер продолжал вести подготовительную работу. В проекте была усмотрена возможность некоторой "интернализации", выхода Движений на международные рельсы.

О. Л. Липеровский выступил с сообщением о медицинской работе Союза врачей - членов РСХД. Союз объединяет 14 членов. Проводятся научные собрания; работают 2 амбулатории - при Столовой для безработных и при Движении, общее число посещений - 1.900 в год; раздаются бесплатно лекарства; посещаются больные в госпиталях и на дому; оказывается медицинская помощь детским и юношеским летним лагерям.

На четвертый день съезда, 4 июня 1935 г., состоялась литургия, причастие св. Тайн, проповедь о. С. Четверикова, говорившего о перекрещении в жизни грешного и святого, об Иуде на Тайной Вечере; об ап. Петре и его отречениях; о руке Господней, протянутой утопающему Петру.

На общем собрании Совета были обсуждены и приняты резолюции по структуре РСХД, по его работе, а также были проведены выборы.

Был заслушан также доклад монахини Марии (Скобцовой) о проводимой ею работе. Мать Мария говорила о своей мечте создать некий Православный городок, Союз православного служения в миру. (Позже это начинание получило название "Православное дело". Название это было предложено, по свидетельству К. В. Мочульского, Н. А. Бердяевым). Из "уважения к социальному заказу", который дик-

тует “три линии - чисто миссионерская, социально-миссионерская, благотворительно-миссионерская“. Свое начинание монахиня Мария характеризовала как “распочкование в организме Движения“, распочкование, которое возникло из “желания самостоятельности в работе“, при “тесном сотрудничестве с Движением“.

В съезде приняла участие секретарь Всемирной Студенческой Христианской Федерации Сюзанн де Дитриш; она говорила о трагическом положении христианства в современном мире и о том, что теснейшее сплочение между собой христианских течений и вероисповеданий - задача неотложная и ответственная.

На съезде РСХД во Франции

Съезд происходил с 8 июня по 10 июня 1935 г. и был посвящен теме “Царство Божие и царство Кесаря“.

Перед началом съезда был отслужен молебен.

Со вступительным докладом на тему “Царство Божие и царство Кесаря“ выступил В. В. Зеньковский. Говоря о двух порядках бытия - порядке Божием и порядке натуральном, В. В. Зеньковский отметил, что в Евангелии противопоставление - фарисейская точка зрения. Христос отвергает фарисейскую точку зрения. Фарисеи ожидали, что Христос или одно зачеркнет, или другое подчеркнет, и явится бунтовщиком. У нас эти два порядка противопоставляются, а евангельская точка зрения дальше различия не идет. Тот дуализм, который проступает, не такой, чтобы одно другое исключало. Постановка Евангелия не предполагает, что в человеке два подданства. Обе стороны соединены в одном человеке, каждый человек несет двуединую жизнь, соединенную в живой человеческой личности. Как жить в этих двух мирах? Вся трудность в этом, как жить, а не в принципиальном разделении. Мы не умеем соединить. Господь - Творец и Отец. Мир отдалился от Бога, не Бог от мира. Трудность в душе человеческой. Это

трудность человеческая, не принципиальная. Я не хочу ослаблять этого дуализма. Но он относится к внутренней человеческой двойственности, которую без грехопадения не объяснить. В раю это противопоставление не было возможно. После грехопадения оно открылось в человеке.

Влечение к этому миру – естественно, влечение к другому миру – благодатно. Проблема спасения – центральная тема истории, завязка исторической темы.

Это не значит, что все происходит от человеческой дурной воли. Это в человеке, не от человека. Если не принять библейского учения о зле, грехе, не понять дуализма.

Есть люди, зачарованные, плененные мирской ежедневной жизнью. Но и они испытывают центральное внутреннее томление, трудности. Но вообще – и для среднего человека, и для каждой эпохи – Гетевские слова: "Но две души живут во мне..." Мы любим землю, мы не можем жить вне земли... "Мира восторг беспредельный" (Блок) дан сердцу. Земное вдохновение – тон, исходное всей нашей жизни. Человек прежде всего есть совокупность того, кого и что он любит. Исключение – то, о чем "Ангел" Лермонтова. Есть такая тонкость души, которая никогда не может напиться земным; стремится к тому, что вне души. И это присуще, обычно, всем людям. "Ты для себя создал нас, Боже, и не успокоится душа наша, пока не найдет Тебя" (бл. Августин). Мальбранш говорил: "Все, что мы любим на земле, мы любим в Боге. Мы переносим на земное те черты, которые напоены божественным вдохновением, насыщены огнем божественного вдохновения. "Рече безумец в сердце своем – несть Бога", – говорится в Библии. Отрицание Бога – безумие сердца, отречение сердца от того, чем оно держится: ведением неба, небесной музыкой. Человек в небе видит землю; о Боге и в Боге вырастающую в нем жизнь. Даже тогда, когда он этого не хочет и это отвергает, он богоподобен.

Важно – о Боге держаться, о Боге светиться. Человек не просто связан с землей. Сам мир душа воспринимает о Боге. В раю – двуединство, после грехопадения – двойственность.

Упиваясь землей, мы можем забыть о небе. И едва ли тогда мы сможем увидеть землю. Земля становится темной, лишаясь ореола божественности.

Можно ли служить земле, не служа Богу? Нельзя. Ап. Иоанн: нельзя любить Бога и не любить человека. Нельзя служить Богу, не служа миру. У монашествующих: для себя отрекаются от мира, имеют такую нежность, такую любовь к миру, что мир для них как некий "пламень внутренний" (Исаак Сирин). Чем больше обращен человек к небу, тем больше он обращен к земле.

Нельзя служить Богу, если миру не служишь. Богу ли нужны наши жертвы? Богу нужно наше сердце. Нельзя служить Богу, минуя царство Кесаря. Дело не во власти, дело в трагедии мира. Нелепая теория: государство для взаимной помощи. Не нужно думать, напрасно думать, что государство - технический аппарат, функция государства религиозно не безразлична. Царство земное не противопоставляется Царству Божию. Если оно отрицает Царство Божие - неба не видно, в человеческой истории тем темнее, тем менее видно. Кто ночью обращен только к земле, не увидит звезд. Ненасытность к земле закрывает ненасытность к Богу. Земными утехами можно приостановить влияние Неба. Донжуанизм - искание вечного через временное, постоянного через случайное. Мы можем забыть Бога, если мы зачарованы миром. Есть темное вдохновение земли, демоническая одержимость землей, и есть светлое вдохновение. Но это от нас, а не по природе. "Блюдите, как опасно ходите"; "Дай сердцу волю, заведет в неволю". Одна душа в груди, и она может не соединить. Зло в мире только от того, что мы без Бога хотим любить землю. Как возможно потемнение сердца? И откуда эта тьма? Модная теория - подполье. Напрасно думать, что это продукт только греха одного человека. Но мы неотделимы друг от друга. Существуют невидимые связи. Человечество как бы единый растительный организм. Наличность первородного греха. Первая ступень духовной жизни - внимай себе. Чем больше живут духовной жизнью, тем тяжелей крест своей личности. Тьма в человеке связывает нас со всей темой - спасения

Участники Съезда Совета РСХ Движения в Буасси
(июнь 1935 г.)

слева направо – первый ряд, сидят : **1. Е. Н. Кульман-Хирьякова (дочь проф. Н. К. Кульмана, сестра В. Н. Кульмана, ставшего еп. Мефодием); 2. М. Е. Миллер-Чекан (дочь ген. Е. К. Миллера, жена о. Александра Чекана); 3. В. А. Зандер (урожд. Калашникова); 4. Т. Ф. Баймакова (жена о. Дмитрия Клепинина); 5. В. В. Зеньковский (председатель РСХД); 6. прот. Сергий Булгаков; 7. прот. Сергий Четвериков;**

сидят по другую сторону стола : **8.М. П. Толстая; 9. А. Е. Маттео; 10. Ф. Т. Пьянов; 11. А. С. Четверикова; 12. свящ. Александр Киселев; 13. Е. С. Меньшикова (урожд. Серикова); 14. свящ. Александр Чекан; 15. И. А. Харун (позже архиеп. Сильвестр); 16. Б. В. Плюханов.**

стоят : **17. К. М. Перешнева; 18. Б. П. Вышеславцев; 19. мать Мария (Скобцова); 20. Г. Л. Романов; 21. свящ. Виктор Юрьев; 22. (за ним) П. Т. Лютов; 23. В. А.Нерцессян; 24. Лев Арабей (в белой рубашке); 25. В. С. Слепян; 26. ? ; 27. И. А. Лаговский; 28. И. В. Окунева (чуть видна); 29. З. И. Павлова (позже жена свящ. Игоря Верника); 30. Т. И. Павлова (позже жена поэта В. Смоленского); 31. Д. А. Клепинин (позже священник); 32. Л. Н. Липеровский (врач, диакон, позже священник); 33. Э. И. Мак-Нотен; 34. Л. И. Шибаева; 35. О. Л. Доценко; 36. Г. Бахрушин; 37. Л. А. Зандер.**

мира. Все виноваты перед всеми. Господь создал человека как семью, Свою, Божию. Мистическое единство человечества объясняет нашу темноту. В детях - отблеск и рая и тень темноты; темнота нависла. Как трудно ощутить реальность первородного греха. Как мы мешаем друг другу! Может быть только тот и любит мир, кто в Боге ходит.

Евангельская притча о пшенице и плевелах (Мф. 13. 24-30, 36-43) самая таинственная. Не проще ли махнуть рукой на плевелы? Но мир во зле лежит, но не есть сам зло. Нет в мире ничего, ни одной привязанности, ни одной любви, ни одного вдохновения, где не было бы вместе с пшеницей и плевелов. Р а б ы хотели вырвать плевелы. Но домовладыка сказал: нет, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы. Оставьте расти вместе то и другое до жатвы. Никто не может освободиться от образа Божия. Путь человеческий - борьба за добро, обожение. Есть "чистенькие люди" (Гоголь), которые охраняли свою чистоту, живя на своих бельэтажах, чистенькие нового издания, сбросившие иго истории.

Двойственность непринципиальна. Эти два мира могут соединиться в чистоте нашего сердца. Кесарь - весь строй жизни, который Господь благословил (несть власти не от Бога). Богу нельзя послужить, если не служить царству кесаря, людям, государству, всей жизни. Историческое противоречие между Царством Божиим и Царством Кесаря - дело фарисейское. Господь сказал: отдайте миру то, что от мира. Все у нас от мира - душа и тело. Единство не есть декларация, дело прочитанной книги. Единство раздвинутых начал в чистом сердце, в котором борьба с нечистотой, грехом ...

В последовавшем после доклада В. В. Зеньковского собеседовании В. В. Зеньковский ответил на вопросы: 1) От Бога ли власть? 2) Как быть не братом милосердия, а воином с винтовкой в руке? 3) О темном и светлом в жизни. В связи с этими вопросами В. Зеньковский, между прочим, отметил, что наибольшая трудность христианства в его конкретности. Книги, которые рационализируют грех, убий-

ство, отвратительны. Конкретность христианской активности, действий христианина: они решаются совестью.

На второй день съезда был заслушан доклад о. Л. Липеровского – "Свет в душе человека". В человеке стремление к правде, тяготение, как в природном мире, подобного к подобному, меньшего к большему. (Капли, ручейки, реки, моря, океаны – единое целое, подобное себе). Ангел тьмы в образе серости, будничности. Нельзя оставлять свою душу пустой, должно быть постоянное духовное и умственное делание: внимание к людям.

В беседе принимали участие Виктор Львович Иванов, Вадим Соколов, Виген Арамович Нерцессян, Иван Аркадьевич Лаговский, отметивший, что "направление уму дает сердце". Проф. Тимашев выступил с докладом – "Церковь и мир в Советской России." Проф. Тимашев отметил, что часто сравнивают положение верующих в Советской России с первыми веками христианства. Сближает враждебность мира – тогда и сейчас. Но тогда мир был дохристианским, непонимающим христианства, теперь – отрекшийся от христианства. Тогда была задача – дать христианство не знавшим его; теперь – вернуть отрекшихся от христианства. Тогда задача была легче: а что если Бог все-таки есть? Теперь мир признает силу церкви и может лучше, чем античный мир, сопротивляться церкви. Борьба за души людей духовным оружием, внутренним собиранием сил – по такому пути повел патриарх Тихон. Вечное, направляясь к временному, дает меняющуюся линию движения.

День 9 июня закончился исповедью участников съезда.

10 июня, после причастия и слова о. С. Четверикова, обращенного к причастникам и всем участникам съезда, с докладом о деятельности РСХД во Франции выступил А. В. Морозов. Были перечислены все общие собрания по датам, начиная с ноября 1934 г. по 29 мая 1935 г., темы собраний, лекторы и доклады (В. В. Зеньковского, о. С. Четверикова, о. С. Булгакова, о. К. Безобразова, о. Г. Флоровского, Г. П. Федотова, К. В. Мочульского, о. Л. Липеровского и др.), рассказано о всех видах и родах работы РСХД, о работе в приходах, о миссионерской работе, о работе круж-

ков, дружин, социальной, медицинской, о работе воскресных школ, съездах в провинции и т. д.

Приняли участие в работе съезда митрополит Евлогий и о. С. Булгаков, приехавшие на съезд 9 июня. Митрополит Евлогий произнес большое слово о путях Движения. Христианство не только вера и жизнь по вере, но и мировоззрение. Движение - среда, благоприятная не только для религиозной жизни, но и для искания мировоззрения. У Движения две задачи - общая мысль и общая молитва. Трудности в искании мировоззрения следует преодолевать с честью и ответственностью. Говоря о науке, митрополит Евлогий сказал, что нужен опыт жизни в науке, нужно приобрести "научные мускулы", чтобы приобщиться к честной, строгой, самоотчетливой науке. Наука не способна поставить вопроса о бытии Божьем.

Разные эпохи в жизни церкви: церковь, отрицающая мир, не верящая в его длительность; зверь; похоть очей; в эпоху Константина - крест на фоне знамени, крест воцарился в мире через кесаря; "начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч".

Однако для самых чутких выяснилась ложь, преждевременность примирения. Анахоретскость, истинное христианство в пустыне. Цезарепапизм и папоцезаризм - положение, недостойное христианства. Государство смогло быть собою, церковь смогла внутренне собраться, устроить пустыню в мире. Но произошло разделение в жизни, в мысли, в чувствах. Жизнь стала пустой, утратилось искание Бога, утрачивается жертвенник неведомому Богу. Борьба за духовную сущность человека, за культуру, за будущее, за мир. Церковь не оскудела, но не владеет жизнью. Весь мир должен принадлежать христианству. Материализм, безбожная "советчина" держится на рабстве; насильно заставляют привыкать к безбожию. Достаточно одной новой книги, одной новой мысли; стоит только открыть форточку, и все изменится. Страшно только наше бессилие. Сошествие Святого Духа не отошло и в мире пребывает, пребывает в каждой эпохе. Две силы борются за мир - сила безбожия

и сила Христа. В одном подвиге, в одной силе – в Богочеловеке. Как себя присоединить к этой борьбе, как поставить вопрос о преображении жизни? Только мы сами принадлежим себе. Если мы ответственные христиане – то, что нам дано пережить здесь, нужно унести с собой ответственно. Нужно помнить себя. Это свеча зажжена, та свеча, при которой нам читать разные страницы нашей жизни.

Жизнь определяется не знаниями, а верою и любовью. Знания имеют инструментальное значение. Никакое мировоззрение сейчас так не благоприятно, как христианское мировоззрение. Только насилием можно задерживать себя на ином мировоззрении.

Мы любили, ценили, берегли Движение. Это явление единственное. Существует много организаций. Но здесь молодежь объединилась вокруг Христа. Тут такая широта, тут вмещаются самые различные мировоззрения. Тут такая высота, выделяющая, поднимающая над миром, заражающая тем высоким идеализмом, который в христианстве, который не превзойден.

Вот почему я люблю Движение. Служите ему, поддерживайте его, и оно даст вам в жизни много-много ценного.

Съезд закончился благодарственным молебном.

В общежитии матери Марии

В один из первых дней моего пребывания в Париже и на рю Лурмель, мать Мария познакомила меня с тетрадью своих стихов и разрешила мне, по моей просьбе, переписать их. Тогда мать Мария скрывала, что она, став монахиней, продолжает писать стихи. Она разрешила мне переписать ее стихи с условием, что я ее тетрадь никому не покажу и никому ее стихов читать не буду.

Всего в тетради оказалось 157 стихотворений. Они были сгруппированы по отделам: Люди, Земля, Города, Ханаан, Иное, В начале, Вестники, Мать, Покаяние, Смерть, Ликование, Мир.

Под многими стихами были указаны время и место их написания. Стихи относились к 1928–1933 годам.

Я переписывал стихи матери Марии и в общежитии, и на съезде в Буасси в перерывах между докладами и занятиями. Однажды, когда я сидел, склонившись над стихами монахини Марии, ко мне подошел В. В. Зеньковский и, предполагая, что я сам пишу стихи, стал расспрашивать меня, чем я занимаюсь. Я сказал, что переписываю стихи, но не свои. Чьи стихи переписываю, я не сказал. Потом мать Мария несколько огорчилась, узнав об этом разговоре, и радовалась, что ее занятия стихами остались нашей тайной.

Мать Мария рассказывала мне, что свои стихи она стала писать в заключении. Очевидно, это относилось к стихам второго, более позднего периода. Но было ли это в России (мать Мария находилась в заключении в период гражданской войны на юге России, у белых) или уже в эмиграции – я не знаю. Только помню ее слова, что в условиях жизни в эмиграции – от тюрьмы и от сумы никто не может отказываться.

7 июня 1935 г. в своей записной тетради я перечислил события дня: беседа с монахиней Марией об И. И. Фондаминском; посещение Лувра; посещение столовой РСХД для безработных; посещение Религиозно-педагогического кабинета; встреча с К. В. Мочульским; беседа с А. И. Никитиным, когда А. И. Никитин рассказал мне о гимназии Кузьминой в Софии. В течение дня я дважды обращался к стихам монахини Марии.

Рассказы монахини Марии об И. И. Фондаминском, ее близком друге, я тогда не записал. Позже, в 1937 г., Париж посетила Тамара Дмитриевна Литвина. Она жила в общежитии матери Марии на ул. Лурмель, побывала с матерью Марией и у И. И. Фондаминского, на *avenue de Versailles*, 125. Тогда И. И. Фондаминский хотел поехать в Прибалтику с лекциями. «Они (т. е. мать Мария и И. И. Фондаминский), – рассказывала Т. Д. Литвина, – так были рады встрече, что никакого разговора о поездке в Прибалтику не получилось. Они забыли о моем присутствии и долго оживленно друг с другом беседовали». Т. Д. Литвина при-

везла в Ригу заметку матери Марии из ее записной книжки о И. И. Фондаминском - от 11 февраля 1932 г., г. Грасс:

«Говорили на отвлеченные темы. Илюша был оживлен, как всегда. Еще лишний раз дал почувствовать, какой в нем шарм, как он умеет заражать, какая в нем благожелательная ко всему в жизни душа.

Говорил о христианстве и о том, что в мире, в котором теперь всюду материалистическое учение, все же подспудно есть большая жажда Христа, добра, словом, всего, что под этим разумеется, хотя и нет в мире сейчас настоящего водительства.

Потом рассказывал о том, что в 19 лет, когда был еще атеистом, его посадили в тюрьму, и был он в таком энтузиазме, что трогал стены рукой и чувствовал: "Их нет! Для духа их нет! Через два дня это прошло, но я тогда почувствовал, что дух реален".

Потом он излагал свою теорию: "Раз Спаситель пришел на землю в виде человека, значит в каждом человеке есть частица божественной правды. Как же можно после этого обидеть, поразить, убить человека. Ведь так же на земле распяли Спасителя".

Мы все поддались его заразительному голосу, блеску глаз, улыбке, всей его увлекающей за собой энергии. Недаром его в революционные времена называли "Непобедимый"».

М. Осоргин в своем романе "Свидетель истории" упоминает "эсеровскую звезду, чернокудрого и черноглазого "Непобедимого". Это об Илье Исидоровиче Бунакове-Фондаминском, тогда члене Центрального комитета партии социалистов-революционеров.

В эмиграции И. И. Бунаков-Фондаминский от политической деятельности отошел.

День живущих в общежитии матери Марии начинался рано, и я ни разу не присутствовал на общем утреннем завтраке. Когда я спускался в столовую, там, на камине, стояла одинокая моя пиала ("боль", "болик" = *bol*) с кофеем, куском белого хлеба и кусочком масла.

Обычно утром ко мне в комнату врывался священник о. Лев Липеровский, всегда веселый, оживленный, и своим шумным приходом будил не только меня, но иногда, увы, и моих соседей.

Рано утром мать Мария отправлялась на Большой оптовый парижский рынок и собирала там то, что торговцы уже не могли продать, но что еще могло послужить пищей нуждающемуся русскому эмигранту: подгнившую капусту, попорченные овощи и пр.

Все это доставлялось в общежитие, помещалось в подвал. И там, в подвале, мать Мария снимала с капусты гнилые листы и из-под гнили, большой гнили, появлялись белые кочаны капусты. Так, копаясь в грязи и гнили, дыша смрадным воздухом, мать Мария подготовляла сырье для обедов обитателей общежития.

Я спускался в подвал, видел, как работала мать Мария, разговаривал с ней в подвале. Она работала среди грязи и смрада, но грязь и смрад как бы не касались ее. Она была бодра, интеллигентна, сердечна.

Мать Мария не раз порывалась сопровождать меня на Всемирную художественную выставку эпохи итальянского Возрождения, происходившую в то время в Париже, и в Лувр. Но ежедневные, ежечасные заботы об общежитии и других делах объединения не давали ей возможности совершить эти, как она говорила, "походы для души". Зато она очень была довольна, когда, узнав, что я собираюсь на открытое заседание Религиозно-духовной академии, посвященное итальянскому искусству эпохи Возрождения, смогла пойти со мной вместе. На самой выставке она смогла побывать лишь один раз, уже позже, перед самым концом выставки.

15 июня, в канун праздника Троицы, я побывал на Сергиевском подворье и присутствовал на всенощном бдении. Совершал всенощное бдение отец Сергий Булгаков. Храм был убран по-праздничному, даже пол был усыпан травой. Обращала на себя внимание роспись храма, иконостас - работы художника Дмитрия Семеновича Стеллецкого - в духе росписей XVI в. (На иконах Д. Стеллецкий

исполнил фигуру святого или композицию праздника, лики были выполнены иконописцем Львовой). Пели студенты Богословского института. Но самое главное, конечно, было служение отца Сергия Булгакова. В самом облике отца Сергия-священнослужителя было что-то львиное, могучее, вдохновенное. Невозможно было находиться в храме и оставаться усталым, вялым, рассеянным на богослужении, совершаемом отцом Сергием Булгаковым.

Приглашение к Бердяевым. На заседании Религиозно-духовной академии.

На богослужении присутствовали также Т. Ф. Баймакова, Л. А. Зандер и Ваня Харун. Т. Ф. Баймакова сообщила мне, что я приглашен на следующий день, 16 июня, к Бердяевым; по воскресеньям у Бердяевых приемы, на которых бывает много интересных людей; Бердяева-супруга большая мастерица на пироги и гости угощаются пирогами; она, Тамара Федоровна, готова сопровождать меня. Меня, конечно, это приглашение очень обрадовало. Среди многого прочего, что я там мог увидеть и услышать, мне, может быть, особенно хотелось увидеть и услышать Льва Шестова, с которым Н. А. Бердяев дружил и который, как мне сказала Тамара Федоровна, постоянно бывал у Бердяевых по воскресеньям.

В праздник св. Троицы я побывал в церкви РСХД – Введения во храм Пресвятой Богородицы. Был обрадован богослужением, совершенным о. Сергием Четвериковым. Порадовался также, что переданное мною храму знамя рижской дружины Витязей нашло в храме заметное и достойное место.

К Бердяевым мы с Тамарой Федоровной приехали в назначенное для приема время и были приняты приветливо и даже ласково. Но, к сожалению, кроме нас с Т. Ф. Баймаковой и еще одной гостьи, русской артистки, фамилию которой я не запомнил, никого больше не было. Обычные посетители приемов у Бердяевых, узнав, что в этот день

состоится заседание Религиозно-духовной академии, возглавляемой Н. А. Бердяевым, чтобы не утомлять Н. А. Бердяева, от посещения Бердяевых воздержались.

Пили чай. Ватрушки оказались действительно отличными. Я немного рассказывал о событиях в Риге. Но казалось, что Н. А. о них уже хорошо информирован.

После чая артистка сразу ушла. Тамара Федоровна вместе с Лидией Юд. Бердяевой ушли в кухню мыть посуду, и долго оставались в кухне. Я с Николаем Александровичем обсудил возможности опубликования в Риге, в переводе на латышский, его статьи "Литературное направление и социальный заказ", напечатанной в журнале "Путь" в 1931 г. (№29). Переводом статьи на латышский как раз тогда занималась моя коллега по университету Милица Гартье. Николай Александрович против публикации этой статьи на латышском не возражал. Этим разговор наш и закончился. Потом я долго стоял у окна и смотрел в сад, ожидая Тамару Федоровну. Николай Александрович с удивительной ненавязчивой вежливостью стал, оставаясь в комнате, прогуливаться по комнате. "Мы заболтались", - оправдывалась потом Тамара Федоровна.

Вечером, на заседании Религиозно-духовной академии, Николай Александрович приветствовал меня как своего доброго знакомого.

С докладом на заседании Академии выступил К. В. Мочульский, а оппонентами выступали Н. А. Бердяев и Б. П. Вышеславцев. Выступал также В. В. Вейдле.

Мы сидели с матерью Марией в первом ряду. В зале, на этом пиру мысли, было всего несколько десятков человек.

Мать Мария обратила мое внимание на руки К. В. Мочульского, выразительные, "духовные". Говорила она о К. В. Мочульском с заинтересованностью, с любовью. Со временем К. В. Мочульский стал одним из главных сотрудников матери Марии по "Православному делу". Он оставил после себя замечательные записки о матери Марии, опубликованные в сб. "Третий час", Париж, 1946, №1, стр. 64-78.

Основная мысль К. В. Мочульского об итальянском искусстве эпохи Возрождения была: божественное в искусстве

есть лишь повышенно-человеческое. Оно должно быть оценено с религиозной точки зрения. Гуманизм - диалектический процесс в христианстве. Опыт этого искусства, опыт о человеке - обогащает.

Б. П. Вышеславцев утверждал, что религиозные переживания из всех видов искусств меньше всего связываются с живописью. Иначе с музыкой, архитектурой. Итальянский Ренессанс - период гениев. Это исключительность, выходящая из истории. Ничего подобного нет в других искусствах. Стоя перед каждым, тебе кажется, что он абсолютно совершенен. Это языческое искусство на христианские сюжеты. У Рафаэля, собственно, только одна религиозная картина - Сикстинская Мадонна. Ценность этого искусства - в самом искусстве. Религиозное искусство как-то прикасается к потустороннему. Это искусство религиозных чувств не возбуждает. Ценность его в раскрытии земного рая (через библейские сюжеты). Ценность в смысле художественных построений. Ценность на тысячелетия.

Н. А. Бердяев : средневековое мировоззрение связано с концепцией иерархичности космоса. Эта концепция - античная. То же и у средневековых философов (Фома Аквинат). С Нового времени происходит разрушение античной, аристотелевской концепции, не являвшейся христианской. Декарт более христианский философ, чем средневековые. Аналогичные изменения и в искусстве.

В. В. Вейдле : нельзя разделять художественную точку зрения и религиозную. Художники Возрождения все потустороннее видели в формах этого мира. На свое искусство они еще не молились. Микель Анжело - великий религиозный художник. Художественный опыт художников Возрождения в глубине своей опыт религиозный. Заполненность религиозными энергиями.

В общежитии на Лурмель нас с матерью Марией встретили о. Лев Липеровский и Гаяна. Имя Гаяна (Гаиания) означает - земная. В своей записной книжке, по свидетельству Т. Д. Литвиной, мать Мария сделала 1 июня 1932 г. такую запись: «Гаяна в белом тканевом платье, большая, тяжелая, румяная, голорукая. И. А. (Бунин?) сказал: "Она

родилась еще при Перуне“». Но на меня, в 1935 г., в июне, Гаяна произвела большое впечатление необычайной, какой-то огненной живостью.

Еще о пребывании в Париже

На 12 июня я был приглашен к священнику Виктору Юрьеву и его супруге И. К. Юрьевой. Отец В. Юрьев принимал большое участие в работе РСХД с юношеством. Был он скромным и добрым человеком.

В доме Юрьевых я был встречен сердечно и ласково.

И. К. Юрьева имела о многом свои суждения и высказывала их с присущей ей запальчивостью и горячностью.

Между прочим, она рассказывала мне о своей нелюбви к Н. А. Бердяеву, утверждала, что в Н. А. Бердяеве много темного, злого. Вспоминая, как она однажды, на одном из съездов РСХД, спала в комнате, расположенной рядом с комнатой Н. А. Бердяева, и как Н. А. Бердяев всю ночь кричал во сне, она утверждала, что в Н. А. Бердяеве, великом русском мыслителе и моралисте, “живет дьявол“.

Отец Виктор продиктовал мне молитву к Божьей Матери участниц девичьих кружков РСХД во Франции:

«О, пречистая Дево Богородице, неувядаемый цвет чистоты и целомудрия, Мати неизреченного милосердия! К Твоему покрову и заступлению прибегаем мы, юные, немощные и недостойные чада Твои. Благослови и укрепи союз любви нашей, очисти души наши от себялюбия, страстей и всякия греховныя нечистоты. Научи нас жить во славу Божию и благо ближним. Согрей сердца наши горячим желанием неленостно, самоотверженно служить нашей святой православной церкви и страждущему отечеству нашему; вразуми нас и укажи правые пути этого служения; даждь силы твердо и неуклонно следовать по ним. Тебе, о Всеблагая, вверяем жизнь нашу, веди нас к Сыну Твоему, Христу Богу нашему, да внидем и мы под Твоим водительством, якоже мудрые девы евангельские, с горя-

щими светильниками веры и любви в пресветлые чертоги Его вечного небесного Царствия. Аминь».

В мои первые дни в Париже знакомством с Парижем руководила А. С. Четверикова. С нею я осматривал и Версаль. Потом я действовал уже самостоятельно. Побывал несколько раз в Лувре, на художественной выставке Весеннего салона, в музее Родена, трижды на Всемирной выставке картин художников итальянского Возрождения.

28 мая состоялась лекция Б. П. Вышеславцева. Многое из этой лекции позже вошло в его статью "Образ Божий в существе человека", напечатанную в журнале "Путь" (декабрь 1935, №49, сс. 48-71); о проблеме андрогинизма, которой Б. П. Вышеславцев касался в лекции, упоминается в докладе Б. П. Вышеславцева "Совершенная любовь", запись которого опубликована в "Вестнике РСХД" (№3, 1934 г., сс. 18-25).

Б. П. Вышеславцев был блестящим лектором, пленял слушателей своим изяществом и артистичностью. Лекции его увлекали выразительностью и образностью изложения, были, или во всяком случае казались, легко доступными, понятными, хотя и касались центральных вопросов философии.

Во время одной из деловых встреч с Т. Ф. Баймаковой в издательстве YMCA-Press мне пришлось услышать, как Т. Ф. Баймакова строгим голосом давала какие-то указания Б. П. Вышеславцеву по работе. По-видимому, он совмещал свое профессорство с работой в издательстве техническим работником.

За время моего пребывания в Париже я несколько раз был принят в доме о. С. Четверикова и его семьи. Побывали мы с о. А. Киселевым у В. А. Зандер. Валентина Александровна по поводу частых служебных командировок Л. А. Зандера сказала: "Лучше было бы, если б Лев Александрович был простым рабочим и приходил бы каждый вечер после работы домой". Побывал я у Зандеров и тогда, когда Л. А. вернулся домой. Принимал о. А. Киселева и меня и В. В. Зеньковский. Побывал я и у иконописца Тамары Владимировны Ельчаниновой (1898-1981), вдовы о. Алек-

сандра Ельчанинова. Ее с детьми я сфотографировал на съезде РСХД во Франции, куда приезжала и она с дочерью и сыном. Отец Александр Ельчанинов скончался незадолго до того (1.3.1881 - 24.8.1934).

У меня было какое-то поручение Т. В. Косинской к иеромонаху Мефодию. (Иеромонах Мефодий, позже архимандрит, потом епископ, в миру Владимир Николаевич Кульман, был сыном проф. Н. К. Кульмана). Он был настоятелем храма в Аньере под Парижем, посвященного Христу Спасителю в память разрушенного храма в Москве.

Встреча с иеромонахом Мефодием, весь его облик интеллигентного, мягкого к людям, твердого в вере священнослужителя, произвели на меня большое впечатление.

Запомнилась находившаяся в храме, на задней стене храма, против царских врат, большая икона работы Т. В. Косинской - Сошествие во ад.

Поездку в Аньер я предпринял 29 мая утром.

17 и 18 июня 1935 г. были последние дни моего пребывания в Париже.

17 июня утром я побывал в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на литургии, отслуженной на греческом языке.

Стало известно о письме И. А. Лаговского, уехавшего за несколько дней до того домой, в Эстонию. В письме Иван Аркадьевич сообщил, что на границе Латвии он был задержан и ему не было разрешено проехать в Эстонию через Латвию. И. А. Лаговский не скрывал своей растерянности перед новым неожиданным актом враждебности, проявленным латвийскими властями против РСХД и против него лично, как секретаря РСХД.

Событие это, естественно, вызвало глубокое огорчение среди деятелей РСХД во Франции и опасение за мою судьбу.

В общежитии матери Марии я наблюдал за работой матери Марии и слушал ее рассказы о событиях и приключениях, случающихся с ней при поездках на парижский Большой рынок за продуктами.

На завтрак я был приглашен к Четвериковым. Отец С. Четвериков был нездоров. Ко встрече со мной он подготовился и составил список единенцев, которым я должен был передать привет. В нем были имена о. Николая Македонского, о. Иоанна Янсона, Мити Мурзо, Н. П. Литвина, Мити Маслова, Раи Вильде, В. В. Преображенского, Е. А. Лаповиц, Белоцветовых (семьи С. А. Белоцветова).

Чувствовалось: о. С. Четвериков придавал своему обращению с приветом не случайное и большое значение. Особый привет посылался Маше Семеновой.

Маша, Мария Фоминична Семенова (12.11.1910–27.5. 1988), член кружка по изучению России, позже кандидат филологических наук, доцент Латвийского университета, автор более ста работ по вопросам языкознания, до конца своих дней стремилась участвовать в церковных богослужениях, но вынуждена была выезжать для этого за пределы Латвии.

В доме Четвериковых был заметен твердый домашний уклад. На завтраке присутствовали обе дочери о. Сергия, Александра и Ольга Сергеевны, муж Ольги – Сергей Сергеевич, Василий Васильевич Зеньковский, одно время столовавшийся у Четвериковых.

Побывал я и в столовой для безработных и в РСХД на бульваре Монпарнас, 10.

Вечером В. В. Зеньковский угостил А. С. Четверикову и меня ужином в одном из парижских кафе. В. В. Зеньковский вспоминал свои встречи с М. О. Ион и Н. Н. Македонской и сказал о них – "страницы неразрезанной книги".

18 июня, после литургии в храме РСХД, я снова побывал на бульваре Монпарнас, 10, на этот раз в издательстве YMCA–Press, где обсуждались с Т. Ф. Баймаковой расчеты за распространявшиеся в последние годы нашим Единением книги издательства, посвященные вопросам духовной жизни, современной культуры, православного мировоззрения.

Секретари Христианского Союза Молодых Людей П. Ф. Андерсон и Д. И. Лаури пригласили меня в Американский студенческий дом и угостили завтраком.

В последний, третий раз, я побывал на выставке картин художников итальянского Возрождения.

Побывал на лекции К. В. Мочульского о Леоне Блуа.

Побывал в церкви Покрова Божьей Матери при общежитии на 77 ул. Лурмель.

Церковь эта, как и некоторые другие русские церкви в Париже (в том числе и церковь РСХД – Введения во храм Пресвятой Богородицы), была сделана из гаража. Окна этой церкви были расписаны самой матерью Марией. На окнах были изображены цветы, листья. Я несколько раз побывал в этой церкви.

Во время одного богослужения, на котором я присутствовал, мать Мария стояла за свечным ящиком. Но церковным старостой была, насколько я помню, С. Б. Пиленко, и она обычно стояла за свечным ящиком. Постоянного священника в это время в храме не было. Д. А. Клепинин в то время был еще студентом парижского Богословского института. Он стал настоятелем церкви на Лурмель 10 октября 1938 г.

К вечеру моего последнего дня в Париже, в храме Введения, отцом С. Четвериковым в сослужении с о. В. Юрьевым и о. А. Чеканом был отслужен напутственный молебен обо мне, рабе Божьем Борисе, и я попрощался с присутствовавшими на молебне членами РСХД в Париже. На вокзал поехали проводить меня В. В. Зеньковский, о. Лев Липеровский, А. С. Четверикова, З. И. Павлова и мой земляк Иван Антонович (Ваня) Харун, тогда студент Богословского института, в будущем архиепископ Монреальский и Канадский Сильвестр.

И. В. Окунева в церкви, после молебна, подарила мне синий галстук. Это была единственная парижская вещь, которую я привез с Запада домой, в Латвию.

В Берлине

По дороге в Париж, 24–25 мая 1935 года И. А. Лаговский, о. А. Киселев и я провели в Берлине. Остановился я в Берлине и один, 19–21 июня, уже возвращаясь в Ригу.

Первое пребывание в Берлине было посвящено встречам и, для меня, знакомству с Владимиром Сергеевичем Слепяном, Вигеном Арамовичем Нецессяном, Мусей Жидковой, активными работниками местного РСХД. Много времени и внимания уделил нам и о. Сергий Положенский. Побывали мы и у иеромонаха Иоанна (Шаховского), а также на Марфо-Мариинском подворье, где познакомились с матерью о. Иоанна.

24 мая вечером в помещении немецкой гимназии состоялась лекция иеромонаха Иоанна "О кризисе добра". Кризис добра, говорил о. Иоанн, не в том, что люди перестали в добро верить, а в том, что они перестали его понимать. У каждого свое понятие добра. Искание добра и найденное добро разъединяет. Есть добро ясное, определенное, созерцаемое как истинное, высшее. Для верующего – это Бог. Есть добро относительное, неопределенно смутное; разные степени относительности. Добро – милосердие. Но милосердие может быть и злом (милосердие матери к преступнику-сыну). Всякое действие, всякое желание, даже зло – в мире – может представиться добром. Пример: марксизм. Для верующих в Маркса, Ленина – их борьба, разрушение – добро. Но эти люди горят ложным добром. Надежда на восстановление России – если люди почувствуют, что они горят ложным добром.

Всякое низшее добро воспринимается как зло при появлении добра высшего. Языческий кругозор веры был добром; там были крупицы божественного света. Но после явления Христа апостолы называют язычество злом и считают: кто не оставит язычества, обратится к смерти. Это действительно так.

Иногда большое добро в силу затемненности сознания воспринимается как зло. Наше узкое моральное и религиоз-

ное сознание как бы укалывается об истину. Больные глаза не могут выносить яркого света, яркого дня. В этом вся трагедия, вся скорбь Боговоплощения.

Есть объективное добро и есть субъективное добро. Есть известный горизонт добра у каждого человека, в зависимости от его души. Не доверяйте своему горизонту добра. Думайте, что есть более широкий, более значительный горизонт добра. "Слова Мои не вмещаются в вас": субъективный тип добра; глаз добра не может вместить всех ширей истинного добра. Известный кусочек добра был и у фарисеев, но они свой крошечный фонарик приняли за солнце и отвергли Солнце. Распинал истину добра более высокого Савл, но когда его горизонт расширился, он увидел Солнце.

В мире - волны зла, некие электромагниты зла, как радиоволны. Люди посылают разные волны, но только соответствующие восприемники воспринимают эти волны. Мой восприемник не принимает короткие волны марксизма. Или другой пример различения: все мы любим родину - Россию. Но и язычники любили родину. Православному христианину часто приходится читать газеты, в которых родина защищается язычески. Но христианское сознание видит высоту родины, высоту человека не в гордости, а в силе, правде, чистоте Истины. Христианский восприемник не может принять языческой защиты родины.

Добро радостно, радость. Но иногда добро только некоторое засеменение, предвкушение радости. Христианские мученики терпели гонения за Христа во имя радости, которую предвкушали. Добро - некое начало радости, засеменение и предвкушение рождения сквозь муки.

Добро есть радость. Радость освобождает. Вкушая добро, мы освобождаем душу. "Если Сын вас освободит, воистину свободны будете".

Добро можно уподобить звуку. Есть звук правильный, есть звук фальшивый. И добро звучит.

Добро - дух поступка. Нельзя искать его внешне. Добро перестало созерцаться как высшее внутреннее средоточие человека. Добро в грехопадении расплескалось в мире. Рас-

плесканное в мире добро собирается капельками; иные пьют из пустой чаши, иные попирают его, пользуются им для своих эгоистических целей. Это кризис добра. Зло - мираж добра, поскольку субъективно в душе человека почитается за добро. Украсть, язычествовать, унизить - весь мир вокруг нас, а иногда и в нас - плещется этими волнами. Как страшно это нечувствие, эта подмена добра злом. Политическая полиция завалена доносами русских людей. И это, может быть, воспринимается как добро? Добро в кризисе, оно распято и распинается, оно заменяется ложным добром, которое больше подходит к людскому греху. Люди принимают его и высоко поднимают в мире.

Добро предназначено для земли. Но не только для земли. Тертуллиан - душа по природе христианка. Задача: бороться не столько со злом, как с неверным духом добра. Антихрист - лжедобро.

Кризис от человека распространяется на природу. Неверное добро человека извращает природу, заставляет ее стенать. В Библии: увидел Бог, что все сотворено добро. Но природа извратилась, кризис естества, кризис отпавшей от своего источника, упавшей природы. "Когда услышите обо всем этом, не ужасайтесь, ибо надлежит этому быть". Естественный результат греха: "Надлежит сему быть". Какие страшные слова. Как тому быть, Господи? Ведь Ты создал добрый мир. Но ты, человек, изменил свободному восприятию добра, поэтому подобает этому быть. Как подобает умереть каждому человеку, завять каждому цветку. Никакие спасители мира, земли не отодвинут конца мира, предназначенного для того, чтобы мир вышел к новому состоянию, к воскрешению.

Нужно охранять порядок, как нужно лечить тело. Но безумие думать, что от этого уничтожаются корни болезни. Внешние реформы иначе сортируют отношения мира, творят маленькое добро. Ложными пророками добра являются те, кто не верит в бессмертие души и призывает думать только об этом мире.

Истинный Спаситель мира - Христос, Он и истинный Законодатель. Евангелие призывает нас строить нашу дея-

тельность на чистых основах добра. Если эта забота станет краеугольным камнем, мир станет прекрасным садом, ведущим в еще более прекрасный сад.

В ответах на вопросы иеромонах Иоанн сказал: «Самое лучшее добро то, которое человек делает, не замечая этого. Есть добро, которое человек делает, замечая это, но не гордится им, а смотрит на свое добро, как на благодеяние, оказанное ему самому. "Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая": Христос этим хотел сказать, что человек не должен возвышать себя».

Добро и Иисус Христос. Об этом говорит все Евангелие. Правильное чувство добра. Добро - это внутреннее движение сердца. Высшее движение сердца - любовь, любовь к Богу.

Абсолютного зла, чего-то, противолежащего Богу, нет. Дуализм некоторых религиозных систем неправилен. Зло противостоит Богу лишь в нашем маленьком сознании. "Бог будет всяческое во всем" - ап. Павел.

"Неудободвижимые ко злу люди". Истинное добро не принуждает.

Добро и любовь в глубоком смысле одно и то же.

Существует страшная зависимость между людьми. Мир был создан органическим целым. Слово - зло - имеет содержание. Но сказать о человеке, что он зол (абсолютно) нельзя. Можно сказать, что его поступки злы. Зло - неверное понимание добра. Падение у невидимых - духа: Люцифер думал, что он осуществляет добро.

Что значит - собирать добро? Собирать добро - это богатеть не только в себе, но и в других. Собирать добро - это высшая жизнь, Богообщение и человекоприобщение.

Добро в мире невыгодно, оно выгодно в ином плане. Можно умирать в добре и воскресать в добре. Очевидно, ценность добра в царствии Божием настолько велика, что она несравнима со злом. Благодать Божия, войдя в вашу душу, может показать, что такое - добро. Содержание добра - соединение с Богом.

После лекции я подошел к о. Иоанну и он пригласил меня побывать у него на следующий день.

Была на лекции Наташа Франк. Она записала в моей записной книжке адрес Франков: Nestorostr., II, во дворе – 1 этаж, Наташа Франк, 773586.

Долго разговаривали с Наташей Франк, вспоминали ноябрьские события в Риге.

25 мая утром я побывал у иеромонаха Иоанна. Кратко рассказал о событиях в Риге. Многое он уже знал. Иеромонах Иоанн подарил мне икону Коневской Пресвятой Богородицы, надписав: "Рабу Божию Борису и духовным друзьям его Благословение Божие, – недостойный Иеромонах Иоанн - 1935 г."

Этой иконой он благословил меня. Подарил он и свою книгу "Жизнь" (Созерцание).

Возвращаясь в Ригу, я остановился в Берлине на три дня. Осматривал Берлин, побывал в берлинских музеях, в Зоологическом саду. 19 июня позвонил в Берлин И. А. Лаговский и сообщил мне, что он окружным путем благополучно добрался до Тарту, до своего дома. 20 и 21 июня я знакомился с Берлином с помощью Наташи Франк и ее старшего брата. Получил от них оттиски нескольких статей С. Франка. Других членов семьи Франков в Берлине в это время не было. Рассказывали они мне и о своем младшем брате – танцовщике, ссылались на отзывы о нем: "Семен Людвигович в балете".

Перед отъездом я побывал у В. С. Слепяна.

До Риги добрался без происшествий.

Вскоре по возвращении из Парижа мною была получена от И. А. Лаговского фотография с письмом. Письмо несколько законспирировано из-за пережитых всеми нами страхов. Вот его текст: «Милый Боря, крепко целую тебя и кланяюсь всем знакомым. Постоянно вспоминаем тебя и молимся, чтобы Господь помог тебе и всем. Тамара всех приветствует. Страшно были бы рады, если бы кто-нибудь приехал к нам погостить. "Диван, - как говорит мама, - готов для приезжающих во всякое время дня и ночи".

И. А. Лаговский в летнем лагере РСХД Эстонии
(под Тарту, 1935 г.)

Живем помаленьку. Трудности (внутренние) большие, но верю, с Божьей помощью справимся. Посылаю тебе снимок - уголок нашего лагеря этим летом. Ну, всего доброго. Храни тебя Господь и укрепи. Твой И.»

В Ригу я привез большую фотографию - портрет Василия Васильевича Зеньковского с дарственной надписью, подтверждавшей слова С. Л. Франка о взаимной близости и любви двух поколений участников РСХ Движения: «Моим дорогим и любимым друзьям на память от любящего и хранящего в сердце их милые образы. В. Зеньковский. 13/VI. 1935».

Фотография-портрет хранится у меня.

О первой представительнице журнала "Вестник" в Латвии - Т. Ф. Баймаковой

Закрытие РСП Единения не ввергло членов Единения в пустоту. Ведь РСХД продолжало действовать; в Эстонии оно крепло и расширялось, возникло Движение крестьянской молодежи. В Латвии были разрушены организационные формы работы, в которой нуждалось русское население. Но возможность участвовать в работе РСХД в тех формах, которые были доступны на расстоянии и по способностям и влечениям бывших участников Единения, оставалась.

Несколько лет сохранялась библиотека, составленная из откупленных у ликвидационной комиссии книг части библиотеки Единения. Библиотека была размещена на частной квартире. Когда же родные "библиотекаря" стали возражать против работы библиотеки, книги были распределены между самыми усердными читателями библиотеки. Получили книги и те, кто денежно в сохранении этих книг не участвовал.

Продолжалась работа двух-трех кружков Единения, а также встречи единенцев, объединенных личной дружбой.

Продолжалась работа по распространению журнала "Вестник" и книг издательства YMCA-Press.

Первой представительницей журнала “Вестник РСХД“ в Латвии была Т. Ф. Баймакова. Представителем “Вестника“ она оставалась до декабря 1928 г. Т. Ф. Баймакова владела иностранными языками, и в Риге она, кроме своей основной работы русского секретаря YWCA , часто секретарствовала у дирижера Латвийской оперы Эмиля Купера. Когда в Париже возникла частная Русская опера, Эмиль Купер переехал в Париж. Он уговорил Тамару Федоровну организовать переезд в Париж группы хористов, в которых парижская опера нуждалась. Таким образом Т. Ф. Баймакова в январе 1929 г. оказалась в Париже. Летом 1929 г., когда опера уехала на гастроли в Америку, Тамара Федоровна стала работать в молодежном лагере под Парижем, а потом поступила на работу в издательство ИМКА-Пресс, в котором проработала 30 лет и награждена медалью французского синдиката книги. В тридцатые годы она вышла замуж за Дмитрия Андреевича Клепинина, окончившего парижский Богословский институт и после посвящения ставшего священником церкви РСХД в Париже - Введения во храм Пресвятой Богородицы. В 1938 г. он был назначен митрополитом Евлогием настоятелем церкви Покрова Божьей Матери на Лурмель. В том же году он был избран членом центрального секретариата РСХ Движения.

За помощь евреям во время войны был арестован и погиб в лагере Дора 9 февраля 1944 г.

В 1985 г. решением Яд Вашем награжден медалью и в его честь в Мемориальном парке посажено дерево.

Оставшись вдовой, Т. Ф. Баймакова-Клепинина вырастила и воспитала сына Павла Дмитриевича и дочь Елену Дмитриевну, дав своим детям высшее образование. Сын стал переводчиком, дочь - преподавателем русского языка и литературы во французском лицее.

Елена Дмитриевна Клепинина-Аржаковская почти ежегодно приезжает в Советский Союз с французскими студентами. Об одном таком приезде написала Тамара Федоровна в письме от 15.9.82 г.

«Моя дочь провела около 3-х недель в Средней Азии с группой французских студентов и была очень довольна

Т. Ф. Клепинина (Баймакова)

всем виденным. Сравнивала с Персией, где она прожила около трех лет и научилась немного по-персидски, так что могла даже говорить с таджиками, язык которых очень похож».

На пенсию Тамара Федоровна вышла в возрасте 74 лет.

Будучи на пенсии, составила и издала книгу - библиографию трудов Н. А. Бердяева на всех языках, на которых издавались труды Н. А. Бердяева, и подготовила материалы для библиографии литературы о нем. В процессе работы над этими библиографиями вела переписку с учеными многих стран.

О своей работе над этими книгами Тамара Федоровна упоминала в своих письмах. В письме от 19.3.78 г. она написала: «Библиография Николая Александровича наконец готова и мне принесли экземпляр, из первых, пока полученных от типографии. В ней 160 стр. и 463 "номера", с предисловием П. Паскаля (встречавшего Н. А. еще в Москве), краткой биографией и моим "авторским" предисловием. Я так рада, что она теперь доступна для изучающих творчество Б-ва и что я дожила до ее выхода».

Письмо от 31.X.82 : «Я почти закончила вторую часть библиографии Николая Александровича - книги, диссертации и отзывы - о его книгах. Это очень кропотливая работа, но увлекательная, необходимая. Много материалов я получила из Японии. Там изданы в переводе почти все его труды. Это удивительно. Я уже второй год встречаюсь с одним преподавателем философии в Японии, католиком, от которого я получила список трудов о Н. А., изданных там. Это поразительно для такой прагматической страны, с таким малым процентом христиан. Он бывает в Европе и тогда заезжает ко мне». (В письме от 12.5.79 г. Тамара Федоровна писала, что первоначально библиография трудов о Н. А. Бердяеве была составлена одним профессором в Америке, но она оказалась неполной, и вместо редактирования библиографии пришлось включиться в ее доработку).

С Н. А. Бердяевым Тамару Федоровну связывали и деловое сотрудничество, и личная дружба. Личная дружба связывала Тамару Федоровну и с членами его семьи. Заме-

чательные письма Тамары Федоровны полны сообщений о Н. А. Бердяеве и о ней самой в связи с ним и его книгами.

В письме от 29.9.77 г. Тамара Федоровна сообщила: Н. А. Бердяев в последние дни своей жизни работал над книгой "Мистика" и оставил план намечавшейся книги. «Скончался он, - написала Тамара Федоровна, - внезапно, за письменным столом, такая достойная смерть».

12.5.79 г. : «Я все время перечитываю Николая Александровича и им питаюсь, нахожу всегда что-то новое, прежде незамеченное и ценное».

29.2.80 : «Я перечитываю, одну за другой, книги Николая Александровича и все лучше вникаю в его мировоззрение. И его жизнь так соответствовала его идеям, ничего не было в нем отвлеченного от реальной жизни, так много было в нем рыцарского и щедрого».

26.7.80 : «Я рада, что могу еще приносить некоторую пользу - переводами, перепиской и участием в Бердяевском обществе. "On reste jeune tant qu'on a une raison de vivre", сказал один замечательный бразильский епископ. Сейчас я свободна от суеты и мне легче вдумываться в читаемое, особенно философское. Учусь не только принимать то, что приносит судьба, но и различать смысл для себя всего, что случается. Главное, я сознаю связь с моим мужем и его заботой обо мне и детях и услышанной молитвы».

18.8.80 : «Выдержки из Шергина очень ярко свидетельствуют о направленности его духовной жизни, например, о смысле страданий, о чем так хорошо пишет Н. А. Бердяев, которого я все время перечитываю, с лучшим пониманием, чем раньше. Теперь я много бываю в одиночестве, вне суеты и забот, и мне сейчас больше дают такие мысли».

Одной своей приятельнице в Риге Тамара Федоровна 21.2.80 г. написала : «Мне грустно, что Вы в духовном упадке. Не поддавайтесь этому, очень Вас прошу, даже если жизнь и несет трудности всякие. (Мне стыдно, что нам живется настолько легче, чем вам всем). Иногда такие испытания бывают и обогащающими, как испытания нашей веры. Главное, по-моему, помнить о Промысле и любви Божьей к каждому из нас. Меня всегда подбадривает

ап. Павел (особенно к Римл.). Вот кто никогда не падал духом».

18.8.80 : «Молодость пожилого долго еще сохраняется, если у него есть ц е л ь жизни и действенного участия в ней, по мере сил. Одна из моих друзей, сама больная, живя в старческом доме, регулярно ходила к одной слепой читать ей вслух, а также исполняла мелкие поручения других, более беспомощных, чем она. (Она была в свое время близкой помощницей матери Марии)».

В своих письмах Тамара Федоровна постоянно сообщала о публикациях в зарубежной прессе статей памяти монахини Марии (Скобцовой) и отца Дмитрия Клепинина.

«27.XI.78 - Во влиятельной газете “Le Monde“ появилась теплая статья - воспоминание о матери Марии и моем муже, очень нас тронувшая: так важно, чтобы более широкая публика, главное, молодежь, помнила о самоотверженных, бесстрашных, скромных героях».

«14.3.79 - Посылаю Вам вырезку из газ. “Le Monde“. Несмотря на некоторые неточности, она написана очень тепло и искренно. Крестным отцом его (автора статьи - *Б. П.*) был К. В. Мочульский.

Радиопередача о Н. А. (Бердяеве - *Б. П.*) состоится в начале апреля - все уже записано на ленту. Будет 10 передач».

«10.2.82 - В Палестине, в журналах на французском языке, печатаются статьи о Сопротивлении во Франции во время оккупации (1940-44) и о матери Марии и о моем муже. Это меня радует, потому что молодое поколение не знает ничего об участии христиан в защите евреев».

«21.4.82 - Статью матери Марии “Рождение в смерти“ в Сборнике 1947 г. (стр. 132 - выдержку) моя дочь перевела на французский язык и я дала ее моему доктору, католику, который нашел ее “admirable“ и благодарил. Она так утешительна, особенно в моем возрасте. Толкование Иова точно отвечает и Бердяевскому. А один еврейский писатель также считает, что книга Иова символична и как бы притча, а не описание событий.

В ежемесячнике на французском языке ("SOP / Service Orthodoxe de Presse") напечатана моя статья (анонимно) о помощи православной церкви гонимым евреям во Франции. О помощи католиков и протестантов писали много, а о православных не знали, их же в те годы было мало во Франции, особенно русских.

Подобная же статья появится на древнееврейском языке в Израиле в конце апреля. Это сотрудница журнала сама попросила».

«3.1.-9.1.86. - Вышел "Messager Orthodoxe" со специальной статьей по-французски и портретом о. Дмитрия, т. ч. многие ее могут прочесть. Писал ее человек, хорошо знавший его и семью его. Его мать была первой женщиной-мировым судьей».

В связи с решением в Израиле почтить и увековечить память об отце Дмитрии Клепинине, Тамара Федоровна писала:

«4.8.85 - Только что получено решение Jad Vashem, ведающей парком около Иерусалима, где посажены деревья жертвам гитлеровских зверств и праведникам, помогавшим евреям, решено одно дерево именовать именем о. Дмитрия и наградить его особой медалью. Родные его, т. е. моя дочь, сын и я приглашены приехать в Иерусалим и присутствовать при посадке дерева. Я тронута до слез этим решением. Через 40 лет оценили помощь и самопожертвование христиан».

«18.10.85 - На посадку дерева в Иерусалим нам не удастся поехать, т. к. дочка и сын заняты работой, но будет "акт" в Израильском посольстве в Париже, не знаю еще когда. Сообщу Вам об этом. Туда я смогу поехать».

В своих письмах Тамара Федоровна Клепинина постоянно расспрашивала о судьбе и жизни бывших участников РСХ Движения в Прибалтике. К многим из них она была очень дружественно настроена. Писала она и о добром расположении к РСХ Движению в Прибалтике и других деятелей Движения.

«24.1.79 - Павел Францевич (Андерсон - *Б.П.*) написал мне к Празднику. Он любит вспоминать свои поездки в Прибалтику и пишет свои мемуары».

Переписка наша с Тамарой Федоровной продолжалась с 1977 г. по 1987 г., до последних месяцев ее жизни. Всего у меня хранится 70 писем.

Скончалась она 7 октября 1987 г. на 91-м году жизни, скончалась тихо, в полном сознании. Сообщение о ее смерти было составлено от имени сына Павла с супругой, зятя Сергея Аржаковского с супругой - дочерью Еленой, и девяти внуков и внучек Тамары Федоровны - Екатерины, Николая, Андрея, Ирины, Филиппа, Марины, Антона, Татьяны, Клер.

Отпевали ее 12 октября в церкви РСХ Движения в Париже, на ул. Оливье де Серр, №91 - Введения во храм Пресвятой Богородицы, отпевали - епископ и пять священников. На отпевании было много народу, и, как писала Елена Дмитриевна, "все тепло и тесно сблизились вокруг ее памяти".

В период с декабря 1927 г. представителем "Вестника" в Латвии был И. Г. Блюменталь.

С 1928 года до февраля 1934 г. представлял "Вестник" и ведал распространением изданий ИМКА-Пресс в Риге Н. П. Литвин, в Даугавпилсе Л. И. Гайлит, позже П. И. Круковская. С марта по декабрь 1934 г. - В. О. Ион в Риге; И. А. Харун - в Даугавпилсе.

С января 1935 по 1939 в Риге - Б. В. Плюханов; в Даугавпилсе - с января 1935 по июнь 1937 - Г. М. Бениксон, с июля 1937 по май 1938 - К. И. Кравченок; в 1939 - П. С. Яковлева.

Журнал "Вестник" с 1934 г. печатался в Тарту, в типографии Маттисена. Один из номеров "Вестника" (выпуск второй 1936 г.) был напечатан в Риге, в типографии К. Кузмина, по ул. Яня, №5. В 1937 г., с номера 9-12 и до номера 2/1939, журнал печатался в Печорах (Петсери), дальнейший выпуск журнала был приостановлен из-за пожара в типографии.

В 1936 г., 16-20 июля, в Латгалии, в Краславе, состоялась конференция Латышского Студенческого Христианского Движения, посвященная общей теме "Грех и спасение". В конференции приняли участие и некоторые бывшие члены Единения. С докладами выступили проф. Румба - "Действительность Откровения Божия" и пастор Вальтер - "Крест Христов". Состоялась экскурсия по Латгалии, с посещением Аглонского католического монастыря.

Сотрудничество в газете "Путь Жизни"

В 1934 г. в Эстонии, в Печорском крае и в Принаровье, возникло Русское Христианское Движение Крестьянской Молодежи. К 1935 г. работа этого Движения значительно расширилась, стала выходить также газета "Путь жизни". Ответственным представителем газеты для Принаровья стал священник Александр Киселев; для Печорского края - Николай Николаевич Пенькин.

Ответственным редактором и издателем первых 9 номеров газеты был священник А. Киселев, с 10-го по 50-й номер - Владимир Федорович Бухгольц, с 51-го по 57 - Тамара Павловна Лаговская. Фактическим издателем газеты было РСХД в Эстонии. Газета печаталась в Печорах (Петсери).

Основными сотрудниками газеты, авторами многочисленных статей были И. А. Лаговский, Н. Н. Пенькин, Т. Е. Дезен, В. Ф. Бухгольц. Был напечатан большой цикл статей - "Над Евангелием" - прот. С. Четверикова. Довольно много печатался в газете иеромонах Иоанн (Шаховской). Были помещены статьи В. В. Зеньковского, прот. проф. С. Булгакова, Н. М. Зернова и других.

Значительное участие в работе газеты приняли и бывшие члены РСП Единения в Латвии.

Прежде всего следует отметить материалы, представленные для публикации в газете Т. В. Косинской и Т. Д. Эренштейн.

Группа участников Русского Христианского Движения Крестьянской Молодежи в Эстонии на докладе И. А. Лаговского (Печоры, 1935 г.)

В бытность В. А. Зандер в Риге при РСП Единении был организован под ее руководством Иконописный кружок, в который вошли и Т. В. Косинская, и Т. Д. Эренштейн. Т. В. Косинская училась иконописи у староверческого иконописца Пимена Максимовича Софронова, окончила также студию художника С. Виноградова. Т. Д. Эренштейн после В. А. Зандер училась иконописи у староверческого иконописца К. А. Павлова и у Т. В. Косинской и стала иконописцем-профессионалом. Имя иконописца Т. В. Косинской к тому времени, о котором идет речь, было известно не только в Латвии, но и за границей.

В 1937 г. Т. В. Косинская была приглашена в Палестину руководить школой иконописи в Вифанском монастыре.

Нужно обратить внимание на замечательный факт. Искусство иконописи было получено Россией вместе с христианством от Византии. В Византии оно было забыто и пришло в упадок, в России же развивалось и усовершенствовалось. Но византийская иконопись не была только первым шагом в развитии русской иконописи. «Вся история русской иконописи являет нам взаимодействие двух начал - византийской традиции, с одной стороны, и влияния народного сельского искусства, с другой» (П. Муратов). Самое счастливое время в истории русской иконописи - XV век, новгородская школа, когда было достигнуто равновесие между византийской иконописной традицией и религиозными настроениями русского народа. Именно к новгородской школе возвращаются современные русские иконописцы. Как ни скромны их труды, они направлены к тому, чтобы из "древней техники вновь создать искусство".

Т. В. Косинской, а через некоторое время и Т. Д. Эренштейн суждено было потрудиться в среде народов былой Византийской империи, в Палестине. Через них забытое искусство возвращалось в те места, где оно было создано (главным образом, в Сирии) и откуда оно было получено нами. Выписывались специалисты древнего письма и из других стран.

Находясь в Палестине, Т. В. Косинская и, позже, Т. Д. Эренштейн присылали домой письма с описанием уви-

денного и пережитого ими там. Эти описания и были опубликованы в газете “Путь жизни“ - и в некоторых других местных газетах.

В те дни каждый день в газетах появлялись сообщения о Палестине. Мы читали: арабы продолжают борьбу с евреями. Англия, управляющая Палестиной по мандату Лиги Наций, не может прекратить этой напряженной и трагической борьбы. Но ничего мы не слышали живого о Палестине-Святой Земле, где родился наш Господь Иисус Христос, где совершалась Его жизнь, Его страдания, смерть, воскресение, где было возвещено Евангелие Царства Божия. Письма были об этом. Но в письмах возникали и современные солдаты, бронированные автомобили... Слышались взрывы, крики о помощи.

Цикл писем Т. В. Косинской был напечатан в газете “Путь жизни“ в период с 29.4.37 по 23.2.38 г. [67]

Всего Т. В. Косинская пробыла в Палестине около двух лет.

О целях поездки в Палестину Т. В. Косинской в газете “Сегодня Вечером“ (в №41 от 20.2.37 г.) была помещена статья члена РСП Единения Евгении Петровны Квесит.

Т. В. Косинская участвовала в восстановлении иконописи храма в Вифании, где находилось отделение Гефсиманского монастыря. Храм в Вифании был поврежден бурей. Расписала она и домовую церковь самого Гефсиманского монастыря, расположенного на западном склоне Елеонской горы, у ее подножья. В Гефсимании находится церковь во имя св. Марии Магдалины, построенная императором Александром III в память его матери, императрицы Марии Александровны. На освящении храма присутствовала великая княгиня Елизавета Федоровна, вдова убитого террористами московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича.

Храм св. Марии Магдалины, по описанию Т. В. Косинской, построен из белого палестинского камня и поражает красотой архитектуры богатого московского стиля, с золотыми куполами, с широкими и просторными белыми папертями и ступенями. Вел. кн. Елизавета Федоровна

выразила тогда желание еще раз побывать в обители. В 1908 г. она основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель. Обитель явилась началом женского церковного служения, в духе древнецерковного служения диаконисс. В 1918 г. Елизавета Федоровна, вместе со своей келейницей Варварой, в числе других членов дома Романовых, была убита на Пермских шахтах. Тела принявших мученическую смерть были обнаружены при наступлении Белой армии. Тела Елизаветы Федоровны и ее келейницы одним из офицеров были доставлены в Гефсиманию и нашли упокоение под сводами церкви Марии Магдалины, внизу, в склепе. Т. В. Косинская писала: «Гробы стоят на поверхности пола и в них нетлеющие мощи мучениц. Сейчас дверь к ним запечатана и только несколько раз в году открывается. Перед запечатанной дверью икона, горящие лампады, фотографии В. К. с ее подписью".

Офицер, доставивший в Палестину останки Елизаветы Федоровны и ее келейницы, позже принял монашество под именем Серафима в одном из иерусалимских монастырей и стал известен своей подвижнической жизнью. Там же принял монашество и воспитатель-англичанин убитого наследника Алексея.

Цикл писем Т. Д. Эренштейн был напечатан в газете "Путь жизни", в период с октября 1938 по май 1939 г. [68]

О целях поездки в Палестину Т. Д. Эренштейн была помещена статья Е. П. Квесит в газете "Сегодня Вечером", №195 от 30.8.38 г.

Т. Д. Эренштейн была приглашена для росписи реставрировавшегося храма Вознесения Господня Елеонского монастыря. Монастырь в то время насчитывал 150 монахинь. Большинство из них были пожилого возраста. Это были паломницы, приехавшие в 1914 г. на богомолье. Отрезанные от России военными действиями, они не смогли или не захотели оставить Святых Мест и поселились в Елеонском монастыре. Храм-собор Вознесения расположен на вершине горы. Монастырь занимал довольно большую площадь.

Т. Д. Эренштейн (по мужу Литвина) пробыла в Палестине больше года. По возвращении в Ригу она продолжала заниматься иконописью. Ею написаны иконы иконостаса и другие иконы церкви в Кемери, иконы Спасителя и Богоматери иконостаса церкви в Икштиле, икона Спасителя в терновом венце и несколько других икон в рижской церкви Покрова Божьей Матери, запрестольный образ рижской Иоанновской церкви. Для Иоанновской же церкви написана икона св. пророка и предтечи Иоанна Крестителя и святителя Николая, которые держат в руках икону Казанской Божьей Матери. Этой иконой была почтена память покойного архиепископа Иоанна (Поммера). Незадолго до своей гибели архиепископ Иоанн дал согласие на переименование второй церкви Иоанновского прихода, деревянной, также посвященной св. Иоанну Крестителю, как и первая, каменная, во имя чудотворной иконы Казанской Божьей Матери и благословил приход иконой старинного письма – Казанской Божьей Матери. Сам архиепископ Иоанн не успел совершить богослужения в честь обновления храма, и храм был обновлен архиепископом Николаем Печорским. Под иконой вставлен металлический крест с вделанными в нем святыми мощами киево-печерских угодников и великомученицы Варвары. Этот древний крест был привезен из Киева в Ригу в 1845 г. и является большой святыней Иоанновского храма. Икона была освящена в канун престольного праздника Иоанновского храма Усекновения главы Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна – 10 сентября 1938 г., епископом Елгавским Яковом (Карпом).

Были написаны Т. Д. Эренштейн-Литвиной иконы и для других храмов Риги, а также Латгалии и для частных лиц.

Из группы учеников Тамары Дмитриевны особого искусства в иконописи достиг ее ученик протоиерей Сергий Леонов.

Монастырь, где жила и работала Т. В. Косинская, по составу монашествующих очень отличался от Елеонского монастыря. Сестрами монастыря были представительницы двенадцати национальностей. Игуменией монастыря стала

приехавшая в Палестину англиканская монахиня, принявшая православие англичанка мать Мария (Робинзон). В монастыре Т. В. Косинской рассказывали: «Мать В. хорошо и близко знала В. К. (вел. кн. Елизавету Федоровну) и всегда хотела быть в ее обители в Москве, но по разным домашним делам не смогла, и В. К. однажды, взяв ее за руку, сказала ей – "ты все же будешь моей". И после смерти своей В. К. три раза явилась ей во сне, зовя ее прийти к ее гробу и здесь начать строить обитель. И когда мать В. сказала ей, что она не может быть игуменией, В. К. ей ответила, что пришлет ей такую. И вскоре приехала англичанка, встретилась с матерью В.». И стала игуменией монастыря.

Статьи членов РСП Единения публиковались в газете "Путь жизни" до конца ее существования. Кроме статей Т. В. Косинской и Т. Д. Эренштейн были опубликованы статьи и заметки еще восьми авторов. [69]

Из моих статей, опубликованных в газете "Путь жизни", наиболее заинтересованные отклики получила статья "Важная тема".

В статье обсуждался вопрос о причинах переживавшегося в то время молодежью Западной Европы и Прибалтики увлечения Советским Союзом, увлечения именно в тот период, когда обнаружились страшные язвы в советском строе. "Хорошо, что хорошо хоть там, где нас нет". Всюду было темно. И необходимо было поверить, что есть где-то блаженная страна, где жить светло и интересно. Поэтому и верили. В статье отмечались также преднамеренные искажения в некоторых странах статистических данных о безработице. В социальных вопросах христианам чуждо чувство благополучия; за ним нет христианских мотивов.

Статье "Важная тема" В. В. Преображенский посвятил одно из собраний руководимого им кружка молодежи.

В знак солидарности со статьей у автора побывали рижские староверческие деятели И. Н. Заволоко и К. Р. Портнов. Проявленное ими внимание нужно отметить по нескольким причинам.

И. Н. Заволоко вошел в историю русской культуры как нашедший, атрибутировавший и передавший в дар Отделу древних рукописей Пушкинского дома рукописный список жития протопопа Аввакума. Список этот был опубликован в "Пустозерском сборнике", при соответствующей статье И. Н. Заволоко "История находки рукописи". ("Наука", Ленингр. отд., 1975).

При окончании И. Н. Заволоко пражского Русского Юридического факультета, в связи с предстоявшим его возвращением в Ригу, проф. В. В. Зеньковским было высказано пожелание о сотрудничестве его, И. Н. Заволоко, и других старообрядческих деятелей с РСХ Движением в Прибалтике.

И. Н. Заволоко, К. Р. Портнов, Фомичев и др. стали бывать в РСП Единении как гости. И. Н. Заволоко посещал и съезды РСХ Движения в Прибалтике. В свою очередь, члены РСП Единения посещали собрания Общества ревнителей русской старины, созданного И. Н. Заволоко, старообрядческие вечера и молебны, проводимые староверческим наставником Львом Сергеевичем Мурниковым, по случаю дней русской культуры.

По инициативе И. Н. Заволоко был организован в Риге иконописный кружок, занятия в котором проводились иконописцем Пименом Максимовичем Софроновым, старовером из села на Псковском озере. В кружок входили Валентина Александровна Зандер, Татьяна Владимировна Косинская, художники Евгений Евгениевич Климов и Юрий Георгиевич Рыковский, профессор Василий Иванович Синайский. П. М. Софронов прекрасно знал, по свидетельству Е. Е. Климова, технику иконописания. (Автобиография Е. Е. Климова, 1988 г., не опубликована).

В 1940 г. И. Н. Заволоко, как староверческий духовный наставник и выдающийся общественный деятель, был арестован и 17 лет провел в лагерях и на поселении. Потерял в лагере ногу. По возвращении в Латвию и дальше подвергался всевозможным ограничениям и притеснениям как "враг народа". Так, ему не разрешили возобновить работу духовным наставником.

Пушкинский дом, в ознаменование заслуг И. Н. Заволоко перед русской культурой, ходатайствовал о назначении ему персональной пенсии, вместо получаемой им сорокарублевой обычной. Ходатайство было отклонено.

Рижская Гребенщиковская община пыталась отметить его юбилейный день рождения актом, вручением адреса, чаепитием. Последовал окрик местных властей. Акт был отменен, приготовленные бутерброды были отправлены юбиляру на дом, а семь старообрядческих деятелей из числа подписавших адрес со страху свои подписи под адресом выскоблили. И. Н. Заволоко по этому поводу сказал: эти семь выскобленных подписей знак того, что жизнь прожита не зря! (Свидетельство душеприказчика И. Н. Заволоко, Павла Вячеславовича Тихомирова).

Скончался И. Н. Заволоко 7 марта 1984 г., на 87 году жизни. Он родился в 1897 г. Похоронен в Резекне.

Мученически закончилась жизнь Константина Романовича Портнова. За организацию помощи военнопленным в годы Второй мировой войны он был немцами расстрелян. Были расстреляны и жена его, Камита Емельяновна, урожд. Ершова, и сестра жены, Антонина Емельяновна Ершова, также посещавшие РСП Единение. За участие в той же работе, вместе с ними, была расстреляна Вера Кирилловна Мункевич (по мужу - Неплюева), член Кружка по изучению России РСП Единения.

Принимали участие бывшие единенцы и в съездах РСХД в Эстонии; отдельные единенцы посещали также центры деятельности Движения крестьянской молодежи Печорского края.

Много значила также личная близость единенцев с деятелями РСХД в Эстонии, переписка с ними, а также, конечно, переписка с руководителями всего РСХД.

Когда в Печорах создавалось общежитие для крестьянской учащейся молодежи, по инициативе Т. Е. Дезен в Риге был проведен сбор денежных средств силами бывших единенцев.

В. К. Мункевич (Лоберж, 1931 г.)

О поездке в Париж Т. Д. Эренштейн

Последней поездкой, так сказать, делегата Единения на парижский съезд была поездка Т. Д. Эренштейн в 1937 г. на Совещание церковно-общественных организаций Парижа, происходившее 16-19 июня в Буасси д 'Айери, под Парижем. Тогда же Париж посетили Н. Ф. Кирпичникова и Т. Г. Пимеенко. Совещание было созвано по инициативе РСХД и в нем, кроме работников Движения, приняли участие деятели объединения "Православное Дело", Англо-русского содружества, Сергиевского братства студентов-богословов и лично приглашенные лица. Совещание посетил митрополит Евлогий. С докладами выступили В. В. Зеньковский ("О религиозной работе с молодежью"), Г. П. Федотов ("Социальная тема в христианстве"), о. Г. Флоровский ("Экуменический вопрос"), монахиня Мария Скобцова ("Пути миссионерской работы"). Выступили с докладами и иностранные участники Совещания - его гости: E. Mounier, глава движения "Esprit" ("О социальном движении среди французских католиков"), Fat. P. Widringtion, представитель англо-католического социального движения; M-lle Mouchon, генеральный секретарь французских герл-скаутов ("Об экуменической теме в религиозной работе в Индии и Южной Америке") и J. Bosco, генеральный секретарь французской Студенческой Христианской Федерации ("О работе среди студентов"). Совещание было исключительно удачным по напряженности и остроте докладов и дискуссий. ("Вестник", 1937, №5-6, с. 15).

По приглашению матери Марии, Т. Д. Эренштейн остановилась в общежитии "Православного Дела" на ул. Лурмель. Она побывала с матерью Марией на лекции профессора-археолога Ростовцева (о раскопках в Дурра Эвропос) и на вечере поэта Л. Червинской.

На лекции Ростовцева председательствовал П. Н. Милюков. Среди присутствовавших на лекции Т. Д. называла Алданова, Тэффи.

На вечере Л. Червинской слово о ее стихах произнес Г. В. Адамович. Мать Мария поручила супруге Г. П. Федо-

това развлекать на вечере Т. Д. Эренштейн. Федотова была знакома со многими поэтами, присутствовавшими на вечере; с некоторыми из них она знакомила Т. Д. Эренштейн. Представляя ее, она говорила: "барышня из Риги". Этим она очень смущала Т. Д. Председательствовал на вечере И. А. Бунин.

Рассказывая о Совещании, Т. Д. Эренштейн упоминала и о таких событиях: ей «посчастливилось присутствовать в небольшом кружке (Л. А. и В. А. Зандеры, Г. П. Федотов, др. Е. С. Меньшикова, Т. П. Якимович, В. В. Зеньковский, Ф. Т. Пьянов) - на чтении монахиней Марией стихов из только что вышедшего сборника. Монахиня Мария читала ясно, просто.

Несколько раз, по вечерам, монахиня Мария, Г. П. Федотов, Т. П. Якимович и я гуляли по окрестным полям. Незабываемые дни».

В общежитии на Лурмель, в комнате монахини Марии, Т. Д. Эренштейн видела большую фотографию - портрет дочери монахини Марии - Гаяны. Монахиня Мария рассказала ей: «Гаяна позвонила из Москвы в первый день Пасхи и сказала: "Мама, понимаешь, почему я тебе именно сегодня звоню?"» Тогда же она надписала ей книжку своих стихов: "Дорогой Тамаре Эренштейн в память нашего трудного Парижа. 30/VI. 37".

В Ригу Т. Д. Эренштейн привезла еще три сборника матери Марии - "Стихи", изд. Петрополис, 1937, с дарственными надписями - Людмиле Андреевне Знотынь, Лидии Эглон и мне.

На экземпляре сборника, присланного мне, мать Мария надписала: "Дорогому Боре Плюханову, давнему читателю этих стихов. М. М. 1/VII. 37 год".

Вспоминая совместное с монахиней Марией посещение И. И. Бунакова-Фондаминского, Т. Д. рассказывала: «Неожиданно пришел В. Сирин, тогда совсем молодой человек, блондин, спортивного вида. Я опять была представлена как "барышня из Риги". И. И. Фондаминский предложил Сирину подарить мне роман с автографом. Сирин сказал, что у него нет с собой. Он приехал из Бер-

лина. Потом, провожая нас с монахиней Марией до дверей, И. И. Фондаминский пожалел, что у Сирина не было книги. А я легкомысленно сказала: "Не жаль, я все равно ничего не понимаю в его романах". И. И. Фондаминский засмеялся и сказал: "Никто не понимает, только делают вид". Конечно, это была шутка».

О стихах матери Марии (Скобцовой)

Мое собрание стихов монахини Марии в 1936-37 гг. пополнилось семью ее новыми стихотворениями, присланными мне в письмах ее помощницей, рижанкой Тамарой Петровной Якимович. У монахини Марии были и другие стихи, написанные в эти годы, например, стихи, посвященные Всемирной Студенческой Христианской Федерации, и стихи, посвященные Русскому Студенческому Христианскому Движению. Мне были присланы, как писала Т. П. Якимович, лучшие, наиболее удавшиеся, по мнению матери Марии, стихи.

В сборник монахини Марии "Стихи - 1937 г." вошло 82 стихотворения. 17 из этих стихотворений не входили в "Тетрадь", ни в ее "Продолжение" и были написаны незадолго до выхода сборника в свет. В сборнике было два раздела: 1) О жизни. 2) О смерти. Новые стихотворения, в основном (12 стихотворений), вошли в раздел "О смерти". Это был цикл стихов, написанных на смерть Гаяны. Три стихотворения этого цикла были напечатаны до издания сборника в журнале "Современные Записки", Париж, 1936 г., №62.

Из "Тетради" в сборник вошло 59 стихотворений, из 7 стихотворений "Приложения" - 6 стихотворений.

В том же 1937 г. о книге стихов монахини Марии я поместил небольшую статью в газете "Путь жизни", Печоры (Петсери) №7/25, 24 июля 1937 г. Вот что было сказано в статье: «Подлинная поэзия религиозна. Стихи пишутся перед Богом. Об этом знал Блок. И в этом смысле, не только

по своим непосредственным темам, отчетливые и энергичные стихи монахини Марии – религиозные стихи.

Можно сжать в одно слово и им выразить все, что есть своеобразного и неожиданного в этих стихах, написанных монахиней. Слово это – об основном чувстве, о миросозерцании монахини Марии. Это слово – Мать. Любовь, жалость, сострадание к людям, забота о них, забота о всем живущем, даже о траве, о камне, о всей природе, о всем мире – у монахини Марии – материнская забота.

Сущность материнства глубока. Материнство – это космическое начало заботы и охраны всей жизни от грозящих ей опасностей, от беспомощности, греха, мрака; выращивание жизни.

Каждая "язвинка", "ранка" в мире говорит монахине Марии, что она – мать. Господь требует от нее: "Усынови всех, каждого в его заботе". И молитва ее – молитва матери. Чувством материнства она связана с миром, со всем живущим, и все живущее связано для нее в единый неразрывный узел. Это чувство – "упор якоря", "ушедшего в землю". ("С какой тоской иной печати рвет...").

Но есть у нее и "крылья птицы" – отданная Богу воля.

Господь же велит "корчевать, пахать, сеять, собирать урожай". Ведь "христианство – это сотрудничество с Богом". Миром владеет хаос. Но дан "чертеж о живущем". Медленно обозначается твердь. И мы "в домостроительной работе предвидим сроки торжества – преображенье темной плоти". (Стихотворение "Господь всех воинств, Элогим...").

В материнском чувстве монахини Марии есть одна личная точка. Среди ее стихов о смерти есть стихи о дочери. Самые волнующие строки там: "Не слепи меня, Боже, светом, не терзай меня, Боже, страданьем..."

В стихах монахини Марии дан и путь ее духовной жизни.

Действительная религиозная жизнь трудна и связана нередко с мучительной внутренней драмой, с несением Креста. Путь духовной жизни опасен. Нужно много мужества и мудрости, чтобы идти им. Не чувствует трудности и не знает борьбы тот, кто живет не своей духовной жиз-

нью, а воспроизводит чужую. Но это мнимая духовная жизнь. Так говорит о духовной жизни один священник (см. о. А. Ельчанинов, "Записи", Париж, 1935 г., стр. 11-19). То же мы видим в стихах монахини Марии. Свой путь монахиня Мария выявляет как путь личного бескорыстия, бескорыстия сердца. Ключ в Дом Господень один - "изнеможенье трудовое". Борьба с мраком, с пустотой часто нам не по силам. Но Господь ищет нас, милость Его безгранична, она - наша надежда и радость». Статья заканчивалась словами о том, что книга удивительно цельная.

Газету "Путь жизни" с моей статьей я послал ей в Париж, и она прочла статью. В моем общении с монахиней Марией это было для меня последним событием.

1940 год и другие сороковые годы

1940 год как бы смыл все наши связи с РСХД за рубежом. Прекратилась и та небольшая, но важная для нас, единенцев, работа, которая продолжалась и после закрытия латвийскими властями Единения.

Начались аресты.

Преображенский Василий Васильевич (27.6.1897 - 23.10.1941). Он был арестован в ночь с 13 на 14 июня 1941 г. и отправлен в Усольлаг на Урале. Здесь он и скончался 23 октября 1941 г.

В. В. Преображенский окончил Юрьевский университет. Магистерскую диссертацию защитил в Праге. Приват-доцент Русского института университетских знаний. Составитель, автор вступительной статьи и послесловия сборника "Памяти проф. В. В. Болотова" (1929); главный редактор и автор статьи сборника "Русские в Латвии" (1933); автор книги "Христианство и дохристианские религии" (1934); автор статьи "Основоположник нашего национального самосознания" - в сборнике "Памяти 950-летия крещения русского народа" (1938); автор сборника "Из жизни святых" (1939).

Тогда же был арестован и погиб в лагере *Исаевич Алексей Васильевич,* в прошлом офицер русской армии, преданный РСП Единению его член-соревнователь, христианин и молитвенник.

Елистратов Всеволод Федорович (27.11.1913-1940), член даугавпилсского кружка РСП Единения и Русского гимнастического общества "Сокол", закончивший даугавпилсскую русскую среднюю школу, учившийся на юридическом факультете Латвийского университета. Он был арестован 1 июня 1940 г., освобожден 21 июня 1940 г., снова арестован 30 июня 1940 г., вывезен из Даугавпилса 10 июля 1940 г. По свидетельству соузников, подвергался пыткам. Был расстрелян.

Буковский Алексей Владимирович (1909-1945), активнейший член РСП Единения. В 1944 г. оказался с семьей в Курляндии. Был отрезан от Риги линией фронта. Скрывался. Погиб при невыясненных обстоятельствах.

Бенуа Ольга Федоровна (28.6.1891-1.11.1980). Петербургская консерватория, класс пения. Член РСП Единения в Риге (до 1934 г.). В годы войны была председательницей Дамского комитета рижского кафедрального собора, оказывавшего помощь советским солдатам, попавшим в плен, и беженцам, нуждавшимся в помощи.

Арестована в ночь на 9 января 1945 г. Проходила следствие около 4-х месяцев, находясь во внутренней тюрьме КГБ и в центральной тюрьме Риги. В начале мая, до завершения следствия, вывезена из Риги и направлена в Молотовскую область на станцию Половинка, в одну из женских лагерных колонн 1-го отделения Широкстроя НКВД СССР. В 1946 г., осенью, следствие было завершено, она была заочно приговорена к 5 годам заключения в ИТЛ и 3 годам ссылки. По отбытии заключения и ссылки вернулась в Ригу. Скончалась в Риге и похоронена на рижском Ивановском кладбище.

Бенуа Ольга Елисеевна (6.10.1914), дочь О. Ф. Бенуа. Женская гимназия Л. И. Тайловой. Академия Художеств Латвии, класс живописи (до 5 курса). Член Гимназического

содружества и воспитательница воскресной школы РСП Единения (до 1934 г.).

В годы войны самоотверженно работала в Детском приюте - для детей, попавших в Ригу из уничтоженных немцами Освейских и Себежских деревень, сотрудничавших с партизанами.

Арестована в феврале 1945 г. Военным трибуналом войск НКВД Латвийской ССР осуждена и приговорена к 10 годам заключения в ИТЛ. Заключение проходила в Норильских Девятом и Шестом лагерных отделениях - с 30.4.45 по 10.10.54 г. (срок заключения был сокращен на 5 месяцев по зачетам). После этого была оставлена на спецпоселении там же, в Норильске. Снята со спецпоселения и освобождена в мае 1956 г., когда и вернулась в Ригу. Реабилитирована. В 1947 г. открылись трофические язвы на ногах, от которых страдает до настоящего времени. Возобновить занятия в Академии Художеств, которые была вынуждена прервать для работы в детском приюте, и закончить Академию не смогла по состоянию здоровья.

Бовтович Мария Степановна (1916-21.8.1984). Рижская городская русская (Ломоносовская) средняя школа. Медицинские курсы. Член Девичьего содружества РСП Единения и Русского гимнастического общества "Сокол".

Арестована в 1940 г., отправлена в ссылку в Дудинку, Таймырского округа, Красноярского края. Снята со спецпоселения и вернулась в Ригу в 1956 г. Скончалась в Риге и похоронена на рижском кладбище Зиепниеккална.

Зепп Лидия Федоровна (род. 4.4.1915). Гимназия Л. И. Тайловой. Латвийский университет, Медицинский факультет, фармацевтическое отделение. Член Девичьего содружества РСП Единения.

Арестована в 1946 г. Военным трибуналом приговорена 7.12.1946 к заключению в ИТЛ на 10 лет. Заключение проходила в Ивдельлаге (Урал). Дважды обращалась в Верховный Совет СССР с заявлением о пересмотре дела, но ответа не получила. Освобождена по амнистии в 1955 г. Реабилитирована в 1956 г. При рассмотрении ее заявления

о реабилитации ей было сообщено, что из имеющихся в ее деле документов видно, что по ее первому заявлению в Верховный Совет СССР срок ее заключения был уменьшен на 2 года, а по второму заявлению - дополнительно на 5 лет. Таким образом при установленном по ее заявлениям сроке заключения - 3 года - она содержалась в местах заключения 9 лет. Потеряла слух.

Нитавский Матвей Акиндинович (1911-1951). Рижская русская правительственная средняя школа. Студия Театра русской драмы. Его актерское дарование было отмечено М. А. Чеховым. Член РСП Единения, воспитатель в летних лагерях Единения, участник работы Клуба Единения. Член Дружины русских скаутов в Риге. Во время войны работал воспитателем в детском приюте в Яундубулты. За помощь военнопленным во время войны подвергался аресту и допросам в Гестапо.

Арестован в ноябре 1944 г., осужден и приговорен к заключению в ИТЛ на 20 лет. Заключение отбывал в Карлаге, в Дудинке, затем в Норильске, где и скончался.

Шелков Степан Семенович (род. 6.5.1911). Резекненские правительственная русская средняя школа и Педагогический институт. Член Кружка РСП Единения в Резекне. Директор русской деглавской школы в Лудзенском районе.

Арестован 20.3.1945 г. Приговорен к заключению в ИТЛ на 7 лет с последующей ссылкой. Заключение проходил в Нижнем Тагиле и других лагерях Урала, а также в Казахстане, ссылку - в Красноярском крае. Освобожден по амнистии и вернулся в Латвию в 1958 г. Реабилитирован в 1964 г. Проживает в Огре.

Был арестован в 1940 г. *Елпидифор Михайлович Тихоницкий* (род. в 1875 г. - год смерти неизвестен). Окончил Казанскую Духовную академию. Педагог и общественный деятель, председатель правления Русского просветительного общества в Риге. Автор учебников и статей по вопросам просвещения. Брат архиепископа Владимира Ницкого. Друг РСП Единения, участник нескольких общих съездов РСХ Движения в Прибалтике. После ареста никаких сведений родным получить не удалось.

Ильинский Георгий Владимирович (1915–1945). Рижская городская русская (Ломоносовская) средняя школа. Руководитель в Дружине мальчиков “Витязи“ РСП Единения (до 1934 г.) Во время войны работал псаломщиком в Русской православной миссии.

Арестован 22.10.1944 г. Приговорен к 20 годам ИТЛ. Умер в лагере в Мариинске, Кемеровской области, в 1945 г.

Караваев Виталий Васильевич (24.4.1913–1.4.1984). Рижская городская русская (Ломоносовская) средняя школа. Руководитель в Дружине мальчиков РСП Единения “Витязи“ (до 1934 г.). Во время войны работал псаломщиком в Русской православной миссии. Арестован 22 октября 1944 г. Военным трибуналом 3-го Прибалтийского фронта приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ. Освобожден по отбытии заключения в конце октября 1954 г. Умер в Москве.

Кравченок Константин Иосифович (13.5.1918–20.5. 1973). Даугавпилсская русская средняя школа. Участник Гимназического кружка и Дружины мальчиков “Витязи“ РСП Единения в Даугавпилсе. Учился в Латвийском университете, на богословском и филологическом факультетах.

Во время войны работал заведующим хозяйством Русской православной миссии и псаломщиком. Способствовал восстановлению многих храмов. Арестован 22 октября 1944 г. Военным трибуналом 3-го Прибалтийского фронта, рассматривавшим его дело 22–23 января 1945 г., был приговорен к расстрелу, замененному 20 годами ИТЛ особо строгого режима. Заключение проходил в лагерях Воркуты. В апреле 1955 г. был “актирован“ как в дальнейшем полностью нетрудоспособный инвалид. Был освобожден. Позже судимость была снята по амнистии.

3 авг. 1957 г. вступил в брак с Н. К. Либталь. В 1959 г. поступил в Московский Педагогический институт на Дефектологическое отделение. Закончил институт в 1964 г. Работал во второй рижской вспомогательной школе. Скончался 20 мая 1973 г. от инфаркта. Похоронен на рижском Вознесенском кладбище.

Зайц Кирилл (1866–1948), митрофорный протоиерей с 1924 г. Окончил рижскую Духовную семинарию и Миссионерскую школу. Долголетний настоятель рижского кафедрального собора во имя Рождества Христова, преподаватель сектантоведения в рижской Духовной семинарии, законоучитель рижских гимназий, активный участник рижского Студенческого Православного Единения; постоянный священнослужитель на съездах Единения. С 1941 года начальник Православной миссии во Пскове, позже начальник Внутренней миссии в Шауляй.

Арестован в 1944 г. Осужден Военным трибуналом Ленинградского округа и приговорен к 20 годам ИТЛ. Заключение проходил в Карлаге, пос. Долинка. Скончался в лагере в 1948 г. Похоронен в пос. Долинка.

(Отвечая на сообщение о горестной судьбе прот. Кирилла Зайца, приговоренного в его 78 лет к 20 годам ИТЛ и скончавшегося на 4 году заключения, В. И. Ион написала 14.11.58 г. из Берлина в Ригу: "Мы про о. Кирилла не знали, но о. Василий знал уже это раньше").

Трубецкой Иван Никанорович (22.5.1911–22.5.1991), протоиерей. Окончил лудзенскую русскую среднюю школу и рижскую Духовную семинарию. Участник РСП Единения в Латвии. Посвящен во иереи в 1934 г. Настоятель лудзенского собора. Арестован в 1947 г., заочно осужден и приговорен к 10 годам ИТЛ. Заключение проходил в Потьме.

Освобожден в 1956 г. Долголетний настоятель рижской Всехсвятской церкви. В последние годы состоял в клире рижской Ивановской церкви. Похоронен на рижском Вознесенском кладбище.

Мельников Василий Андреевич (3.7.1886–23.3.1972). Долголетний протодиакон рижского кафедрального собора во имя Рождества Христова. Духовный руководитель дружины мальчиков РСП Единения "Витязи" и руководитель певческого кружка Единения. Подвергался заключению. Позже – протоиерей, настоятель храма рижского монастыря. Скончался в Риге и похоронен на Ивановском кладбище.

прот. Кирилл Зайц

Поэт и христианин : памяти Д. В. Маслова

3 января 1989 г. в Риге скончался Дмитрий Васильевич Маслов. Родился он 13 апреля 1903 г. и умер на 86-м году жизни.

Он окончил тартускую русскую гимназию, учился в Тартуском университете. Большую часть своей жизни прожил в Риге.

Был глубоко верующим, боголюбивым человеком, преданным православной церкви; религиозным поэтом. Участвовал в свое время в работе РСХ Движения в Прибалтике, в тридцатые годы руководил группой мальчиков в дружине "Витязей" РСП Единения в Риге. С детьми он всегда занимался с большим увлечением, и дети его любили.

О его смерти я сообщил некоторым его друзьям, которых я лично знал. Вера Владимировна Шмидт (Тарту) - преподаватель русского языка и литературы, поэт, корреспондент И. А. Бунина, так написала мне о Д. В. Маслове:

«Передо мною Ваше письмо и стихи Мити, покойного ныне - как ни странно написать это слово. Стихи хорошие, знакомые, но последнего, лучшего стихотворения - "Таинственна гармония природы..." - я не знала. Какое осмысленное во всей своей простоте стихотворение! Сразу вспоминается Митя, его взгляд, его как бы питающие душу глаза, отдающие ей, чужой душе, свою грусть и доброту. А грусть эта была в нем всегда и раньше, совмещаясь с радостью жизни, которой тоже у него было много.

Помню его ведь с детства. Помню, как приходил к нам, брал мою детскую тетрадь со стихами, как серьезно огорчился за меня, когда я переписанное туда стихотворение Полонского - "При лунном свете, в ночной мороз..." - выдала сперва за свое! Помню по дачным летним дням, когда играл с нами, детьми, бегал, помогал сочинять и ставить пьесу. Мы любили его, и то, что он говорил, растягивая слова, чтобы меньше заикаться, тоже нравилось нам. Когда в Пюхтицах был слет верующей молодежи, он повез Тамару Кораяшвили (может быть, помните полугрузинку девочку, высокую, с черными вьющимися волосами) и меня туда - и

сам не знал, сколько подлинно хорошего заложил тогда в молодую душу.

Так хочется теперь говорить о нем. Когда человек неподделен и чист, он заставляет о себе думать еще и еще раз, потому что он не ушел, и каждая светлая звезда на темном небе - это он...»

Жизнь Д. В. Маслова складывалась по-разному. Были годы, когда материально он жил в большом достатке. Были годы, когда он жил в большой нужде. Вспоминая свои студенческие годы, писатель Борис Нарциссов говорил о матери Д. В. Маслова: если правда, что земля держится на нескольких праведниках, то можно сказать, что Юрьев держался на ней, этой праведнице. И Д. В. Маслов пользовался своими средствами для помощи другим. Нужду же, когда она наступила, переносил без ропота.

Работать ему приходилось иногда на весьма тяжелых работах. В одном из своих стихотворений он рассказывает, как попал под баржу и чуть было не погиб. Тогда он работал конопатчиком барж. Он не чуждался никакой работы, потому что помнил

Вифлеема убогие ясли,
Назарета столярный верстак.

И как бы ни была грязна работа, и в каких бы обстоятельствах он ни жил, он сам оставался светлым, религиозно думающим и чувствующим человеком. У него есть стихотворение о вознесенной высоко грязи, которая все же так и останется грязью, и об алмазе, который, и брошенный в грязь, остается алмазом.

Мне он всегда казался таким драгоценным алмазом.

В заключение привожу два стихотворения Д. В. Маслова:

Таинственна гармония природы:
С приливом бой ведут отлива воды,
За горестью внезапно брызги смеха, -
Веселье с горечью, как звук и эхо.

А счастье где?
Поветрия и страсти
Смывают тихие затоны счастья.
Но есть утес над бездной мирозданья -
Сплав радости и вольного страданья.
Его живит скользящий луч из рая.
И волны бурь, смиряясь, затихают.

* * *

Что было истинного в жизни?
Два-три дня,
Когда, с трудом, доставил людям радость.
И эта радость у меня осталась,
Как на руке венчальное кольцо.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хроника семьи Зерновых. За Рубежом. Париж, YMCA-Press, 1973, стр. 97–103.
2. Протоиерей С. Четвериков. Задачи Движения. "Вестник", 1928, №5, стр. 1-8.
3. В. Крылатов. О возникновении Движения (дополнения и уточнения), "Вестник", 1971, №101-102, стр. 329-330.
4. В. А. Зандер. Путь моей жизни. "Вестник", 1984, №142, стр. 272.
5. Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом. Париж, изд. РСХД, 1928 г.
6. Хроника семьи Зерновых. За Рубежом. стр. 97–103.
7. Сестра Иоанна Рейтлингер (1898–1988). Отрывки воспоминаний об о. Сергии. Приложение. "Вестник", 1990, №159, стр. 83.
8. Духовный мир студенчества. Вестник РСХД в Европе, 1925 г., №5, стр. 5-6, 16–19, 25–27.
9. Русск. Студ. Христ. Движ. за Рубежом. Стр. 5.
10. Л. Зандер. Съезд в Хопове. "Путь", Париж, 1926, январь, №2, стр. 116–121.
11. Н. А. Клепинин. Братство и пути Православного Студенческого Движения. "Путь", 1926, март-апрель, №3, стр. 127–133.
12. В. А. Зандер. Путь моей жизни. "Вестник", 1984, №142, стр. 286- 287.
13. И. К. Светлой памяти игумении Екатерины. "Путь", 1926, июнь-июль, №4, стр. 166–171.
14. В. А. Зандер. Путь моей жизни. "Вестник", 1984, №142, стр. 279- 283; Съезд в Аржероне. "Вестник", 1975, №116, стр. 154–165; Священник Александр Ельчанинов. Записи. Париж, YMCA-Press, 1935, стр. 15–16.
15. Л. Зандер. Бьервильский съезд. "Путь" , 1927, январь, №6, стр. 120–125.

16. Н. С. Лопухин. По поводу статьи Л. А. Зандера о Бьервильском съезде. "Путь" , 1927, апрель, №7, сс. 113-118.

17. По этому вопросу см. Т. Ф. Клепинина. Четвертый общий съезд РСХД в Бьервиле (1-5 сентября 1926). "Вестник", 1977, №120, стр. 345-350.

18. Е. Скобцова. В дни годового съезда РСХД. "Вестник", 1927, №11, стр. 12-17; №12, стр. 18-23.

19. Н. Зернов. После Клермона. "Вестник", 1927, №9, стр. 7-9.

20. Вячеслав Костиков. Не будем проклинать изгнание. Москва, "Международные отношения", 1990, стр. 189-190.

21. С. Л. Франк. Крушение кумиров. YMCA-Press, 1924.

22. Приводится в статье-некрологе "Памяти архиепископа Иоанна Сан-Францисского" Ольги Раевской-Хьюз. "Вестник", 1989, №157, стр. 285-290.

23. Приезд Н. А. Бердяева и С. М. Зерновой в Прибалтику был организован Центральным секретариатом РСХ Движения, с помощью и при участии YMCA.

24. Хроника. "Вестник", 1928, №1, стр. 29.

25. Николай Литвин. Памяти о. Михаила Бурнашева. "Вестник", 1928, №3, стр. 24-25.

26. С. Зернова. Вблизи России. "Вестник", 1928, №4, с. 23-27.

27. Хроника. Жизнь Прибалтийских кружков. "Вестник", 1928, №4, стр. 27-28.

28. Л. Зандер. В тихом скиту (Съезд в Преображенской пустыни). "Вестник", 1929, №1-2, стр. 48-52.

29. Л. Липеровский. Родная почва. "Вестник", 1929, №5, стр. 6-8.

30. В. А. Калашникова. О русских православных церковных Братствах. Доклад на Аржеронском съезде. Июль 1924, Париж, Духовный мир студенчества, 1925.

31. Валентина Зандер. О символике иконы Троицы Андрея Рублева. "Путь", 1931, декабрь, №31, стр. 30-52.

32. Л. Зандер. Хроника Движения. Рига. "Вестник", 1929, №3, стр. 22-24; Хроника. Из Риги. Бюллетень Религиозно-Педагогического Кабинета, 1929, №5, стр. 6; Хроника. Латвия. "Вестник", 1929, №6, стр. 27.

33. Сборник "У родных святынь". Второй съезд РСХД в Прибалтике. Печорский монастырь. 3-11 августа 1929 г. - Под

редакцией и с предисловием Л. А. Зандера. 1930, РСХД, Ревель, 71 стр.

34. Хроника (Из жизни Движения). Из Риги (Л. А. Зандер). "Вестник", 1929, №12, стр. 25-26; И. Лаговский. Наша жизнь. В Прибалтике. "Вестник", 1929, №10, стр. 18-22.

35. (Л. А. Зандер). Доклад о Движении на Соборе православных церквей в Латвии. "Вестник". 1929, №12, стр. 28-29.

36. Хроника. Религиозно-педагогический съезд Русского Студенческого Христианского Движения в Режице (Латвия). Бюллетень Религиозно-Педагогического Кабинета, 1930, №12, стр. 5-7.

37. И. Лаговский . Почти на родине. "Вестник", 1930, №10, стр. 23-26.

38. А. Осипов. III Прибалтийский съезд РСХД. "Вестник", 1930, №10, стр. 26-32.

39. Из жизни Движения. Рига. "Вестник", 1931, №1, стр. 27-29; Маргарита Ион. О милосердии Божием. "Вестник", 1931, №2, стр. 9-11; И. П. Дружина русских мальчиков "Витязь" при РСХД в Риге. "Вестник", 1932, №6-7, стр. 30-31.

40. Жизнь Движения (Зимний религиозно-педагогический съезд в Риге). "Вестник", 1931, №3, стр. 30-32.

41. Жизнь Движения. Рига, "Вестник", 1931, №5, стр. 30-31.

42. А. Н. IV Летний съезд РСХД в Прибалтике. "Вестник", 1931, №9, стр. 36-39.

43. Жизнь Движения. Рига. "Вестник", 1931, №12, стр. 29-30; Жизнь Движения. Рига. "Вестник", 1932, №4, стр. 31.

44. Е. Бергман. Святая Русь. "Вестник", 1932, №6-7, стр. 17-20.

45. В Пюхтицком монастыре (Съезд РСХД в Прибалтике). "Вестник", 1932, №8-9, стр. 31-33; Прот. С. Четвериков. После съезда. Там же, стр. 33-36.

46. Монахиня Мария (Скобцова). К делу. "Новый град", Париж, 1933, №5, стр. 93-98.

47. См. также: Мон. Мария (Скобцова). Социальный вопрос и социальная реальность. "Новый Град", 1932, №4, стр. 74-76.

48. Г. Ф. - Съезд Православной Культуры. "Вестник", 1933, №1, стр. 25-26.

49. А. Б. - "Душа клуба". "Вестник", 1932, №10-11, стр. 29-32.

50. Прот. С. Четвериков. После съезда. "Вестник", 1932, №8-9, стр. 33-36.

51. Постановление Совета Прибалтики. "Вестник", 1932, №12, стр. 27.

52. *The Russian Student Christian Mouvement in the Baltic States, by J.C. Lockhart*, стр. 2.

53. О III Общем съезде РСХД. "Вестник", 1933, №1-2, стр. 3-5, 33-35.

54. Жизнь Движения (Хроника). Рига - "Вестник", 1934, №2, стр. 29; "Вестник", 1934, Тарту, №3, стр. 31.

55. Жизнь Движения (Хроника). Движение в Латвии. Рига. "Вестник", 1934, №4, стр. 28-29.

56. Жизнь Движения (Хроника). Движение в Латвии. Даугавпилс (Двинск). Движение в Эстонии. Тарту. "Вестник", 1934, №5-6, стр. 29-31.

57. Б. Плюханов. Николай Александрович Бердяев. К его 65-летию. "Путь Жизни", апрель 1939, №4 (46), стр. 4-5.

58. П. - Пути Движения. "Вестник", 1934, №9, стр. 20-23.

59. Жизнь Движения. Движение в Латвии. Рига. "Вестник", 1934, №10, стр. 28-30.

60. Жизнь Движения. Движение в Латвии. Рига. "Вестник", 1934, №10, стр. 28-30.

61. Высокопреосвященнейший Иоанн, архиепископ Рижский и всея Латвии. "Вестник", 1934, №10, стр. 7-9.

62. Прискорбное недоразумение. "Вестник", 1934, №11-12, стр. 5-11.

63. Юлия Яковлевна Мошковская (Эйгер). Доклад на втором посвященном монахине Марии заседании Московского литературного объединения "Никитинские субботники" в 1964 г. Сообщение об этом заседании: "Вопросы литературы", М. 1964, №12. Я познакомился с воспоминаниями В. Я. Мошковской по машинописному экземпляру, хранившемуся у И. А. Кривошеина. Воспоминания ценны и сведениями о юности Лизы Пиленко, и характеристикой ее личности.

64. С. В. Носович. "Вестник русских добровольцев, партизан, участников Сопротивления во Франции". Русская женщина в рядах Сопротивления, Париж, 1947, №2.

65. См. также: Плюханов Б. Мать Мария. "Даугава", Рига,.1987, №3, стр. 108–118. Публикация повторена: Литературно-критический сборник "Собеседник". М. Современник, 1989, книга №9, стр. 158- 169; Мать Мария (Скобцова). Ученые труды Тартуского гос. ун-та (Блоковский сборник IX), Тарту, 1988, стр. 159–177.

66. Хроника семьи Зерновых. За Рубежом, стр. 145.

67. "Путь жизни." - №4 (22) от 29.4.1937 г. - По дороге в Иерусалим; №5 (23) от 27.7.37 - В Иерусалиме; №11–12 (29–30) от 23.12.37 - Св. Гефсиманский сад; №1 (31) от 29.1.38 г. - Письмо из Иерусалима; №2 (32) от 23.2.38 г. - Посещение монастыря на Сорокадневной горе.

68. "Путь жизни " - №10 (40) от октября 1938 г. - Святая Земля; №11 (41) от ноября 1938 г. - Письмо из Святой Земли; №12 (42) от декабря 1938 г. - Поездка в Вифлеем; №2 (44) от февраля 1939 г. - Рождественская ночь в Вифлееме; №4 (46) от апреля 1939 г. - Крестный путь Спасителя; №5 (47) от мая 1939 г. - Поездка в Яффу и Тель-Авив.

Письма Т. Д. Эренштейн из Палестины публиковались также в рижской газете "Сегодня Вечером ": №294 от 27.12.1938 г. - На пути в Иерусалим; от 30.9.38 г. - Монастырь на Елеоне; №58 от 11.3.1939 г. - Горнее; в газете "Сегодня " от 7.4.1939 г. - По Святым Местам.

69. Публикации членов РСП Единения в газете "Путь жизни " :

Доцент, прот. Иоанн Янсон : №4 (46), апрель. Воскресение Христово.

Священник Алексей Ионов : №1 (31), 29.1.1938 г. - Преподобный Серафим Саровский (Проповедь по прот. С. Булгакову); №7 (37) от 29.7.1938 г.- На Валаам; и вторая статья - О книге прот. С. Булгакова - "Радость Церковная"; №8–9 (38–39), 1938, август - На Валаам.

Приват-доцент Василий Васильевич Преображенский : №10 (28), 22.10.1937 г. и №11–12 (29–30), 23.12.1937 г. - Я пришлец на земле... (О митрополите Филиппе); №5–6 (35-36), 9.6. 1938 г. - Основатель нашего национального самопознания; Сборник "Из жизни святых", изд. Путь Жизни, Печоры (Петсери), 1939.

Сергей Алексеевич Белоцветов : Всенощное бдение. Путь Жизни, Печоры (Петсери), 1938 г.; Некролог "Памяти С. А. Белоцветова" В. В. Зеньковского, "Вестник", 1938, №2, стр. 23.

Вера Оскаровна Ион : №3 (33), 24.3.1938 – Об осуждении; №8–9 (38–39), июль–август 1938 г. – О жизни "там".

Дмитрий Васильевич Маслов : №8 (26), 14.8.1937 г. – Смерть Пушкина.

Иван Антонович Харун (позже – архиепископ Сильвестр) : №5 (23), 27.5.1937 г. – Русская молодежь ищет себя. (Подписано: И. Х-н, Париж).

Борис Владимирович Плюханов : №4 (22), 29.4.1937 г. – К публикации писем из Палестины Т. В. Косинской; №6 (24), 11.6.1937 г. – "Ненапечатанные стихи"; №7 (25), 24.7.1937 г. – Стихи монахини Марии; №9 (27), 10.9.1937 – Загадка сердцу; №10 (28), 22.10.1937 – Две заметки: Зачем иногда созываются религиозные съезды и Православный факультет в Риге; №1 (31), 29.1.1938 – Над Евангелием; №5–6 (35–36), 9.6.1938 – Памяти С. А. Белоцветова; №2 (32), 23.2.1938 – Важная тема; №7 (37), 29.7.1938 – Над Евангелием; №10 (40), 1939, октябрь – К публикации писем из Палестины Т. Д. Эренштейн; №3 (45), 1939, март – Необыкновенная книга (Об Евангелии); №4 (46), 1939, апрель – Н. А. Бердяев. К его 65-летию. В журнале "Вестник", 1939, №2, стр. 13–16 – Мир обыденности и мир чудес.

Почти все публикации появились в газете "Путь Жизни" от имени Б. Владимирова.

Примечания к фотографиям :

(стр. 39) На фотографии дарственная надпись: "Дорогому Николаю Петровичу Литвину на добрую память от любящего В. Зеньковского". (Фото В. Крылатова).

(стр. 72) На фотографии дарственная надпись: "Дорогому Дмитрию Владимировичу Буковскому на память о нашей конференции в Преобр. Пустыни, 1–6 авг. – Л. Липеровский, Париж, 5.9.1928".

(стр. 81) На фотографии дарственная надпись: "Дорогому Боре Плюханову от любящего его Л. Зандера", а также пись-

мо П. А. Зандера: "Дорогой Боря, шлю Вам сердечный привет и запоздалое поздравление к Светлому Празднику. Как Ваши занятия? Как социальная философия? Мне сейчас наукой совсем не приходится заниматься; но сама жизнь толкает на новые мысли и чувства. Я рад, что Вы работаете с Витязями. Это очень интересная и по существу новая и творческая работа.
Да поможет Вам Господь. Любящий Вас Л. Зандер".

(стр. 83) На фотографии дарственная надпись Т. Д. Эренштейн: "Дорогому маленькому другу Тамаре на добрую память от любящей её В. Зандер. 2.8.1931".

(стр. 181) Фотография подарена Н. П. Литвину при посещении Б. П. Вышеславцевым Риги в марте 1933 г.

(стр. 220) На фотографии дарственная надпись епископа Сергия: "Дорогому Коле Пенькину на память пребывания в золотой, видной нам Праге. Любящий Е. Сергий. 1938, 9/22 сентября".

(стр. 245) На фотографии дарственная надпись: "Дорогому Боре Плюханову с наилучшими пожеланиями на новый 39-й год".

(стр. 301) На фотографии дарственная надпись: "Глубокоуважаемым и дорогим Надежде Павловне и Дмитрию Владимировичу Буковским на добрую память. Прот. Кирилл Зайц. 25.8.1933 г.".

ОГЛАВЛЕНИЕ

Imprimerie de la Manutention à Mayenne — octobre 1993 — N° 291-93

ISBN 2-85065-226-1